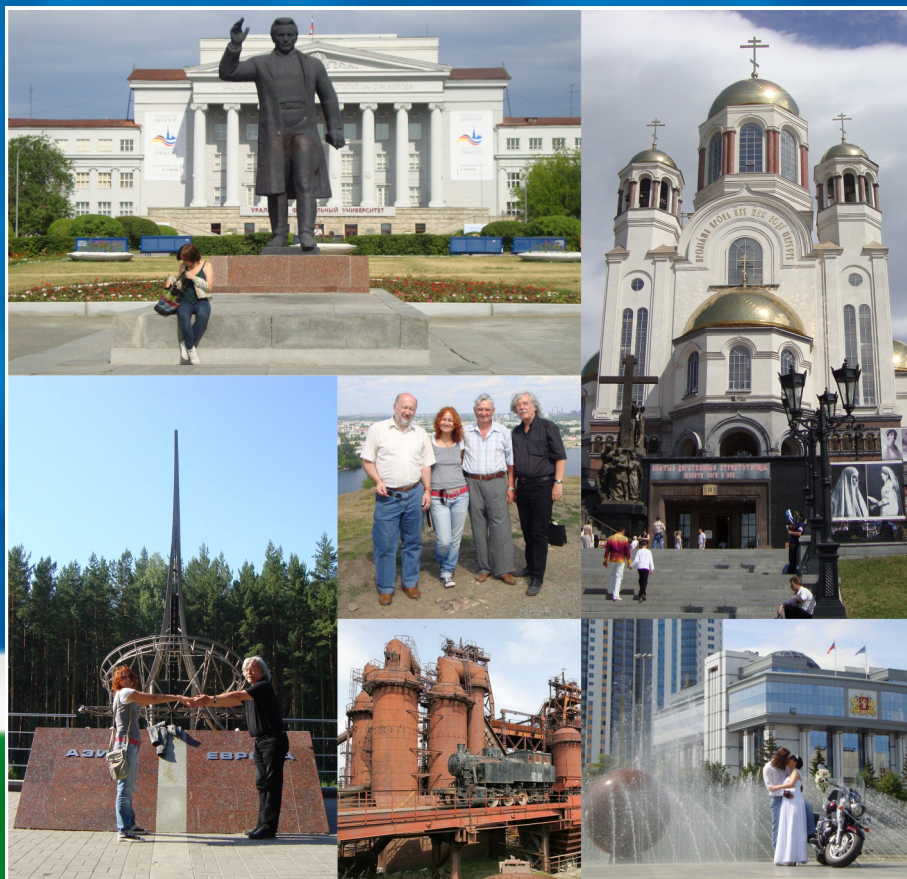

Гудрун Вольф
Карл Вольф

ПОСРЕДИНЕ СТРАНЫ: ЕКАТЕРИНБУРГ – СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Гудрун Вольф
Карл Вольф

ПОСРЕДИНЕ СТРАНЫ:
ЕКАТЕРИНБУРГ – СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Перевод с немецкого Марии Гузиковой

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 94(470.54-25)
ББК 63.3(2Рос-4Све)
В72

Ответственный редактор доктор философских наук, профессор
С. Е. Вершинин

Перевод с немецкого Марии Гузиковой

Вольф, Г.

Посредины страны: Екатеринбург – Свердловская область / Гудрун Вольф, Карл Вольф ; [пер. с нем. М. Гузиковой]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 118 с. : ил. – ISBN 978-5-7996-3174-1. – DOI 10.15826/B978-5-7996-3174-1. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3174-1

DOI 10.15826/B978-5-7996-3174-1

Издание представляет вторую часть книги немецких писателей и путешественников Гудрун и Карла Вольфов, посетивших Урал в 2010 г., «Впереди времени. Переходя границы на Урале: эссе, репортажи и истории» (Gudrun Wolff & Karl Wolff. Der Zeit voran. Grenzgaenge im Ural. Essays, Reportagen und Geschichte(n). Pop Verlag, Ludwigsburg, 2011). Авторы делятся своими впечатлениями о том, что удалось увидеть, и о тех людях, с кем удалось встретиться в Екатеринбурге и Свердловской области.

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива авторов.

© Pop, Ludwigsburg, 2011
© Вольф Гудрун, Вольф Карл, 2011
© Издание на русском языке, оформление,
Издательство Уральского университета, 2021
ISBN 978-5-7996-3174-1 © Гузикова М. О., перевод на русский язык, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Взгляд надежды, или Немецкие энтузиасты на Урале (С. Вершинин)	5
Предисловие к русскому изданию	11
Екатеринбург как лаборатория второй модерности	13
Сергей Вершинин, человек на вуппертальском велосипеде (выдержки из обмена письмами двух друзей)	18
Разноцветное многообразие, или Кто боится потребительства?	22
Храм на Крови Санкт–Екатеринбурга, или Сакрализация коллективной памяти	25
Екатеринбург как культурная площадка	28
Активисты-передвижники, или Встреча индустрии и культуры	28
Уральская индустриальная биеннале современного искусства	33
Конструкты и конструктивизм	34
Николай Коляда, или Смеясь, понять эндшпиль	39
Столица образования Уральского региона, или Один день с Алексеем Подчиненовым в Университете имени М. Горького	42
Заслуженный народный дворник Букашкин, или Легенда о дадаистском юродивом	47

Самореализация как шанс. Полина Окулова, аспирантка, специальность «Социология»	50
Людмила Шегал, дочь Самсона и растафари	55
Немцы на Урале. В Генеральном консульстве	61
Немцы в России. Разговор с Александром Граминским	65
Валентина Андреевна. История одной уральской семьи	67
Генеральный директор, автор книги, экологическая активистка Марина Чеботаева	74
Юрий, Олег и Саша – не анархисты	81
Наркотики, СПИД и ВИЧ.	87
Эля. Путь наркоманки.	87
Марина Владимировна Халидова	91
В Сухом Логу с фондом «Новое время»	95
Владимир Шаклеин. Жизнь за гражданские права	99
Император и пушечный король. В Невьянске	102
Слой за слоем. Нижний Тагил: в мастерской истории	106
Один день в долине хоббитов. Самый восточный национальный парк Европы «Оленьи Ручьи»	113
Об авторах	117

Взгляд надежды, или Немецкие энтузиасты на Урале

Летом 2010-го немецкие путешественники Гудрун и Карл Вольфы проехали Южный, Средний и Западный Урал. Результатом их путешествия стал почти 400 страничный сборник эссе, репортажей и историй «Впереди времени: Переходя границы на Урале»¹, в которой рассказывается не только о Челябинске, Екатеринбурге, Перми, но и о других населенных пунктах Урала – об их прошлом и настоящем, о людях, там живших или живущих, об уникальном и достопримечательном в них.

Книга вышла на немецком языке в ФРГ в 2011-м и была доброжелательно встречена как читателями, так и критиками. С чтением отрывков из своего сочинения авторы выступали в Берлине, Кёльне, Вуппертале, Марбурге, Бад-Хомбурге и других немецких городах. Презентация книги состоялась также и в Екатеринбурге в 2011 году.

Перед нами одно из немногих за последние сто лет собрание путевых заметок, посвящённых исключительно Уралу, что написаны иностранцами. Чаще всего выплеск впечатлений ограничивается газетными репортажами либо журнальными статьями, телевизионными очерками либо слайд-фильмами.

Издательство Уральского федерального университета сделало русский перевод книги, написанной в расчёте исключительно на немецкую аудиторию. И в этом есть свой риск, ведь авторы подробно рассказывают о событиях, памятниках истории и культуры, известных каждому уральцу с детства – о Невьянской башне, Демидовых, доме Ипатьева².

Для зарубежного читателя Урал – загадка.

¹ Wolff G., Wolff K. Der Zeit voraus. Grenzgänge im Ural. Essays, Reportagen und Geschichte(n). Pop, Ludwigsburg, 1 Aufl., 2011.

² Издание снабжено комментариями переводчика и редактора некоторых мест в книге, которые ясны немецкому читателю, но могут быть не очень понятны русскому. И, напротив, опущены многие подробные объяснения, например, что такое 23 февраля, 7 ноября, кто такие декабристы и т. д.

Если посмотреть на географическую карту, то это всего лишь место, где смыкаются Европа и Азия. Урал предстает то в виде границы (горной цепи) и ужимается до тонкой линии на карте. То, как указывают авторы книги, это остановка на пути в Сибирь и, в каком-то смысле – задворки Европы (достаточно вспомнить известное выражение президента Франции Шарля де Голля «Европа от Атлантики до Урала»). Не случайно, многие зарубежные собеседники сомневались в словах наших студентов и туристов, когда последние говорили, что они с Урала, из Екатеринбурга, а по карте выходило, что екатеринбуржцы – это западные сибиряки.

Кроме географической «путаницы», есть ещё одно обстоятельство. Массовый немецкий читатель привык читать про Россию только по трём темам: авторитарный Путин, организованная преступность, пресловутая бедность. Так, про Екатеринбург популярный в ФРГ журнал «Шпигель» напечатал в начале 1990-х статью, которая называлась: «Здесь можно только умирать». Гудрун и Карл Вольфы стараются изменить такое мрачное восприятие российской действительности.

О философии путешествий

Путешествовать можно по-разному.

Поездки в зарубежные страны могут восприниматься некоторыми россиянами как поездки в будущее: если сравнивать экономическое развитие, транспортную и медицинскую инфраструктуру посещаемых стран с отечественной реальностью.

Если же говорить о туристах из развитых стран, то их восприятие иное. Да, большинство путешествует, исходя в своих оценках из опыта своей страны или из своих представлений о должном и правильном.

И приезжая в другую страну, с упоением описывают отсутствие туалетной бумаги (едва ли не символа западной цивилизации) и прочих бытовых (не)удобств. Результатом такого подхода становится перечисление недостатков и проблем той или иной страны в рассказах об увиденном, взгляд свысока. Не случайно, в бурные 1990-е годы какая-нибудь баварская домохозяйка, попавшая проездом в Екатеринбург, начинала с упоением учить университетского профессора, как надо строить экономику и вообще, как надо правильно жить.

Россия в этом смысле занимает особое место – она не может вызвать к себе нейтрального отношения. Все иностранные туристы, как правило, делятся по итогам путешествия на две основные группы: те, кто после поездки решил, что больше сюда не поедет и те, кто почувствовал интерес и понял, насколько мало он знает об этой гигантской стране и готов приехать сюда еще раз.

К последним относятся Гудрун и Карл Вольфы – они не воспринимают Россию с позиции превосходства. Это скорее позиция диалога: такие путешественники знакомятся с культурой и историей другой страны, стремясь понять ее самобытность, чутко прислушиваясь к тенденциям развития и интересным событиям, интересуются не только памятниками архитектуры, но и жителями, их взглядами и настроениями. Они хотят понять не только прошлое и настоящее, но и будущее нашей страны. Поэтому в названии книги и содержатся такие слова: времени впереди...

Об авторах

Гудрун и Карл – слависты, работавшие учителями русского языка, многократно приезжали в Советский Союз.

Первый раз, ещё студентами, с тремя друзьями, они приехали в собственном микроавтобусе 21 августа 1968 года – в день, когда советские войска вошли в Чехословакию. Посетив Москву, Тулу, Киев, они через Прагу(!) вернулись обратно домой, в Тюбинген.

В 1973 году, на минивэне Volkswagen Bulli они объехали Грузию, Армению, Азербайджан, побывали в Петрозаводске, Кизях, Таллине. И даже оказались в Москве в дни августовского путча 1993 года.

Вместе с немецкими учениками, изучавшими русский язык, неутомимые учителя посетили Москву, Ростов Великий, Рязань (здесь впоследствии Гудрун помогла создать гендерный центр).

В компании друзей – Олега Митяева³ и других бардов – они дважды в качестве гостей участвовали в Грушинском фестивале. А в 2004 году в рамках проекта «Батюшка Рейн – матушка Волга» Карл Вольф в числе других немецких и русских деятелей искусства отправился в теплоходный круиз по маршруту Москва – Углич – Ярославль – Кострома – Новгород – Чебоксары – Казань⁴ с чтением своих произведений⁵.

В 1988 году супруги вместе с другими энтузиастами основали «Общество по развитию германо-российских отношений Мюнстер / Мюнстерланд». С тех пор Вольфы постоянно организуют концертные турне российских музыкантов, рок-групп и певцов, устраивают художественные выставки, встречи с российскими писателями. Бо-

³ Карл Вольф перевёл и издал том песен Олега Митяева на русском и немецком языках (2013).

⁴ В 2015 г. Гудрун и Карл Вольфы приехали в Татарстан и написали об этой поездке отдельную книгу.

⁵ Он автор шести поэтических книг, в т. ч. сборника стихов 2003 г. «Свет с Востока. Бесконечное из России» («Ex oriente lux. Infinitives aus Russland»).

рис Гребенщиков и группа «Аквариум» трижды были с концертами в Мюнстере. В доме у Вольфов бывали Олег Митяев (на правах старого друга), Дмитрий Пригов, Владимир Сорокин и прочие литераторы, музыканты, художники.

Дни российского кино в Мюнстере, проводимые с 2009 года, становились заметными культурными событиями: на них приезжали Сергей Соловьев, Михаил Калатозовшвили, Евгений Митта и другие кинематографисты.

Однако, изъездив центральную Россию в 1970–2000 годы, Вольфы поняли, что мало знакомы с востоком страны, и здесь их взгляд обратился к Уралу. Было принято решение охватить поездкой весь Урал – Западный, Средний, Южный, что и было сделано летом 2010 года.

Урал насквозь

При чтении книги возникает впечатление острого и внимательно-го восприятия уральского материала немецкими путешественниками. Так, увидев памятник В. И. Ленину на центральной площади Екатеринбурга, авторы сразу замечают, что вождь пролетариата указывает рукою на торговый центр города (что неоднократно обыгрывалось в анекдотах Свердловска советского времени). Осматривая площадь Парижской Коммуны в Екатеринбурге, они видят странное сочетание: на одной линии оказываются такие разные объекты – здание оперного театра, памятник Я. М. Свердлову и один из корпусов Уральского государственного университета.

Широта подхода проявляется в сопоставлении происходящего в Екатеринбурге с реалиями Челябинска, Перми, России в целом. Авторы со знанием дела сравнивают екатеринбургскую улицу Вайнера с московским Арбатом или челябинской Кировкой, с ходу узнают на слух повсеместно звучащие песни «Наутилуса Помпилиуса».

Восприятие города как культурного феномена всегда связано с определёнными культурными ассоциациями. Свердловский конструктивизм авторы толкуют через *философию надежды* крупнейшего немецкого философа XX века Эрнста Блоха. По ходу изложения собственных впечатлений вдруг всплывает фигура Франца Кафки – и вот уже читаем! «Екатеринбург перетолковывает кафкианскую притчу».

Авторы местами ярко афористичны: «на стихию российских просторов была надета узда в виде Транссибирской магистрали», «Ленин не был ленинистом», «Русский торговый центр стал миром блеска и глянца, включающим все пять чувств одновременно», «Память – это время, которое не проходит» и т. д. И ещё про стиль: один из немецких рецензентов как-то решил посетовать, что в книге нет

фотографий, но потом сам же себя и поправил, указав, что текст книги так живописен и нагляден, что никаких фото здесь, пожалуй, и не требуется.

Впрочем, привлекательность этой книги не только в изысканной стилистике результатов вдумчивых наблюдений, но и в обращении к повседневной жизни жителей Среднего Урала. Эта повседневность по большей части ускользает из поля зрения путешественников, замечающих чаще всего что-то музейное, знаковое, мега-событийное.

Вольфы в этой книге своего рода странствующие социологи и антропологи: они встречаются со многими интересными людьми и проводят то, что называют фокусированным интервью.

Это и беседа с организатором Уральских индустриальных биеннале Алисой Прудниковой – как раз в 2010 году открылась первая из них, и авторы подробно описывают некоторые экспонаты этой выставки современного искусства.

Это и встреча с Мариной Халидовой, создавшей фонд «Новое время» и его филиал в Сухом Логу, самоотверженно занимающейся проблемами ВИЧ-инфицированных в Свердловской области.

Это и интервью с Мариной Чеботаевой – успешной предпринимательницей и одновременно издательницей красивых путеводителей по Среднему Уралу.

Особо отметим беседы с молодежью, ведь будущее и настоящее России Вольфы пытаются понять через восприятие вступающими людьми недавней истории и перспектив будущей жизни. Они пишут также про театр Николая Коляды, про международный фестиваль уличного искусства «Стенограффия», про Невьянск, про Оленьи ручьи и т. д.

Таким образом, перед читателями развёртывается широкая панорама богатой культурной жизни региона. При этом Вольфы уловили важное обстоятельство – процессы самоопределения в крае не завершены, и сами уральцы пока что не могут, порою, определиться со своей идентичностью: что такое Урал и кто такие уральцы? Какие символы характеризуют уральскую особость и есть ли она вообще? Чем отличаются уральские пельмени от сибирских? И сами приняли исследовать ситуацию, дотошно выпытывая у своих собеседников отношение к малой Родине, к ее истории и культуре. Вместе с коренными уральцами они пытаются ухватить основу уральского менталитета, описать его доминирующие черты.

Стилевой особенностью изложения стало то, что в беседах органично проявляется широкий спектр политических воззрений уральцев – от умеренных до почти радикальных. При этом авторы чаще всего не комментируют чужие высказывания, они лишь дают высказаться своим собеседникам. А их собственная позиция ясно

проявляется тогда, когда они критикуют общество потребления: неважно, где оно существует – в Германии или России.

Авторы позволяют себе смелые суждения и высказывания. Так, про торговые центры: «Гринвич» в Екатеринбурге – самый современный и даже постсовременный магазин; лучший «Лафайет» ищите на пешеходной улице Вайнера; про менеджеров (со ссылкой на английский источник) указывают, что в России около 40 процентов женщин-менеджеров, а в Германии – всего лишь 20.

Заметно, что авторам, выросшим в условиях развитого капитализма, любопытно наблюдать, как возникает такое общество в совершенно других исторических условиях. Ну, а уральскому читателю будет любопытно понаблюдать за наблюдателями.

Однако немцы не были бы немцами, если бы они не искали следы своей культуры на Урале. Поэтому авторы пишут об одном из основателей Екатеринбурга Георге Вильгельме де Геннине, что это «немец из Зигена, доверенный царя, напрасно скрывающийся под голландским именем де Геннин». Отсюда и визит в консульство Германии в Екатеринбурге, а также интервью с председателем национально-культурной автономии немцев Екатеринбурга Александром Граминским.

Авторы то и дело находят простые, но выразительные доводы в пользу того, о чем информируют. Как, например, показать немецкому читателю масштаб Екатеринбурга как крупного культурного центра? Вольфы только лишь перечисляют высшие учебные заведения города и филиалы различных вузов, и сам список из 33 названий производит сильное впечатление. Они прибегают также к старому как мир выразительному способу характеристики размеров отечественных территорий: Уральский федеральный округ – это «Германия, Франция, Великобритания, Италия и Испания вместе взятые, да и то выйдет меньше.

Гудрун и Карл Вольфы уже много лет отважно борются с антирусскими стереотипами, преобладающими в массовом сознании европейского, в том числе немецкого, населения. Они – настоящие энтузиасты русско-немецких культурных связей и убеждённые сторонники позитивного образа России. И превращая для немецких читателей географическую линию Каменного пояса в объёмный и многогранный культурный феномен, они добиваются главного: сквозь все сложности и проблемы развития российского общества, возникает оптимистичный образ светлого будущего. Гудрун и Карл Вольфы твёрдо верят в него.

*Сергей Вершинин,
профессор, доктор философских наук*

Предисловие к русскому изданию

Pro captu lectoris habent sua fata libelli – согласно известной латинской пословице книги, имеют свою судьбу – в зависимости от понимания читателей.

Это же относится и к нашей книге путешествий по Уралу. Спустя 10 лет после ее презентации в Екатеринбурге средняя часть книги – без разделов о Челябинске и Перми – предлагается русскому читателю для критического прочтения. В этом произведении, предназначенном первоначально для немецкого читателя, мы хотели исследовать самый восточный регион Европы, придать лицо почти неизвестному в Германии Уралу, показать многообразие идентификации с другими ценностями – а не только с централистским московским типом монокультуры власти и денег. Мы хотели нарисовать сложный образ России – по ту сторону стереотипов. И мы нашли матрицу изменений и инноваций не только в Екатеринбурге и его окрестностях.

Лаборатория второй модерности. Поэтому наш центральный тезис гласил: «Сила действительной реформы Российской Федерации идёт не из Москвы, она идёт из провинции». Этот тезис ставит – посредством метода смены перспектив – с головы на ноги асимметрию политической системы. Он предлагает локальную модель модернизации и успеха, трактующую так называемую «провинцию» не как бескультурную и отсталую, а как альтернативную, открытую миру «впереди времени». Мы содержательно рассказываем о стране и людях, культуре и природе, большой истории и истории жизни, активном гражданском обществе, вопросе уральской идентичности. В центре внимания находятся знаки времени на Урале, люди разных возрастов, происхождения и пола, чьи переживания, опыт, взгляды, желания и мечты придвигают из пространственной дали ближе к нам, немцам, впечатляющую картину соседей. Благодаря достойным похвалы усилиям учёных Алексея Подчинёнова, Сергея Вершинина, Марии Гузиковой русские читатели теперь смогут принять участие в диалектическом взаимодействии дали и близи, и со своей точки зрения оценить свой образ и образ чужого, что

изменилось в положительную сторону, а что сделало шаг назад или застыло в стагнации. Показали ли немецкие авторы много или мало оптимизма или реального смысла? Да, время все изменило, больше, чем когда-либо, но есть константы успеха, любви к достижениям. Это доказывает – только один пример – Уральская индустриальная биеннале, непрерывность и качество которой достигли мирового уровня. В этот же момент мы думаем о неустанной исследовательнице Урала Марине Чеботаевой, учёных «Образовательной столицы Екатеринбурга», о Николае Коляде и его театре и т. д. и т. д... Наша сердечная благодарность издателям русского перевода «Переходя границы на Урале». В этом особом русско-немецком диалоге мы желаем книге в стране друзей многих внимательных читателей.

Гудрун и Карл Вольфы

ЕКАТЕРИНБУРГ КАК ЛАБОРАТОРИЯ ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ⁶

Митяевы провожают нас на поезд в Челябинске. Душевно прощаемся. Через шесть с лишним часов и 256 километров железнодорожного пути мы в Екатеринбурге.

Профессор Вершинин встречает нас у вагона. Он чувствует свою ответственность за нас, но не говорит этого, а показывает на деле.

Наше онлайн-знакомство (обмен несколькими электронными письмами) не останется поверхностным, а вырастет в дружбу, потому что по счастливой случайности Сергей Вершинин обладает качествами настоящего мужчины: он сеет добро радостно и усердно. Философ и социолог, в жизни он следует закону практического разума и такта.

А мир тем временем вращается вокруг своей собственной оси, которая не всегда совпадает с немецкими/русскими обычаями.

Вначале я намеревался вознести хвалебную песнь Екатеринбургу, который подарил нам три счастливых недели, но эмоциональный категорический императив заставляет меня сначала наградить Сергея и его жену Таню лавровым венком признательно. И это не противоречие, а структурная многозначность нашей искренней расположенности к городу Вершининбургу. Или это был Вершининград?

В любом случае, хороший город, в котором можно жить. Следующей приятной неожиданностью была наша квартира на улице Маршала Жукова, которую мы нашли по Интернету. Как же здорово, что она у нас в распоряжении! Большие светлые комнаты на пятом этаже. Кухня с диваном. Есть телефон и телевизор, что важно в период чемпионата мира по футболу. В ванной просторно. За большим балконом застекленная веранда, выходящая во двор на-

⁶ О современности, как эпохе, философы сегодня, по большей части говорят, используя термин немецкого социолога Ульриха Бека о рефлексивной (второй) модальности.

шего квартала. Чисто, безопасно и недорого – всего 50 евро в день. Надёжный лифт. Домоправительница из фирмы Innhouse все нам показывает, забирает у нас документы для регистрации и уведомляет о ней утром на следующий день.

Ее зовут Алия, она татарка. От нее узнаем, что татарский похож на башкирский, оба языка – тюркские. Недалеко от нашего нового места жительства, за магазином, я обнаруживаю деревянный особняк, в декоре которого присутствуют восточные мотивы, с надписью: «Постоянное представительство Республики Татарстан». В конце нашего путешествия наше невежество сменится большим уважением к трудолюбию татар и к значимости их вклада в благополучие Российской Федерации.

Сергей посетил нас на Маршала Жукова и остался доволен тем, что увидел. Он, совсем как типичный немец, составил план нашего пребывания и, согласно ему, приглашает нас на следующий день к себе на ужин.

Мы смываем с себя дорожную пыль и небольшую усталость. Первая прогулка по городу – в центр.

Город кажется европейским, развитым, оживленным. Слишком оживленным для того, чтобы быть лишь промежуточной остановкой для транзитных путешественников со стандартным представлением о том, что это место гибели царской семьи, граница Европы и Азии, столица тяжелой промышленности – опорный край державы. Город и молодой, и старый, четвертый по численности населения в России.

Что делает этот город особенным? Он живет в памяти и через много месяцев после отъезда, и надо признать, что тут можно было бы побыть и подольше. И приехать вновь. И увидеть, как новая Россия изменит этот город, что качество жизни для жителей станет уровня пяти звезд вместо одной советской звезды. Как придет хорошая жизнь. Условия для этого более чем благоприятны. Хотя и не все так просто.

Екатеринбург достоин внимания, ему присущ свой собственный ритм и атмосфера. Собственная идентичность. Он еще не совсем уверен в том, как воспринимать самого себя, но уже далек от монотонного однообразия русских и советских городов. Он – не провинциальный сирота.

«Провинциальный» Екатеринбург вышел из советской эпохи и вступил в свой собственный период истории. Кстати, местное время на два часа опережает кремлевское. Уральские координаты перехода в новую жизнь объединяют Екатеринбург с другими городами, идущими по пути модерности, и Москва – один из них. При этом столица придерживается постколониальных приоритетов:

власти и денег – и направляет своих наместников в провинции, как будто империя все еще жива.

Передвигаемся ли мы по городу пешком, на трамваях ли разных цветов: они тут красные, сиреневые, желтые, белые – или на метро, наша цель – новые виды города и картины быта для глаз, новые друзья и люди – для сердца, и свежая перспектива для головы.

Екатеринбург перетолковывает известную кафкианскую притчу про мышь, бежавшую от мышеловки. У Кафки слова «Тебе надо только изменить направление бега» произносит кошка, перед тем, как сожрать мышь⁷, а здесь иначе: везде найдешь логику этой повседневности, даже не ища ее. Город открыт, ему больше не нужны ключи, чтобы запереть двери, и он достаточно уверен в себе, чтобы позволить наблюдать себя.

Вместо рассматривания Google-картинок, что куда лучше, чем детальный анализ фотографий У-2⁸ – мои моментальные снимки и впечатления от города.

На довольно большом городском пруду, в самом центре, есть плотина. Это и есть то место, откуда во времена правления царя Петра I в 1723 году одновременно с металлургическим заводом начинался город.

На пьедестале монумента с фигурами основателей города, на левом берегу Исети, стоят друг рядом с другом русский и немец. Татищев и Геннин. Немец из Зигена, доверенный царя с голландским именем де Геннин...

С момента основания здешний завод стал одним из крупнейших в Европе и производил, прежде всего, артиллерийское оружие. План города, сделанный по образцу Санкт-Петербурга, закреплял скрещение природной оси реки Исеть с продольной осью застройки города, сегодняшним проспектом Ленина. Уличная сеть меридианов стала городским раем для современных пешеходов. И только автомобильное движение, как и в Москве, – в постоянном заторе. Stop-and-go.

Если бы город не был назван в честь святой великомученицы, небесной покровительницы Екатерины I, жены царя-реформатора, то вошел бы в историю поколения Сибири не иначе как под именем «Владисибирск», по аналогии с Владикавказом и Владивостоком.

⁷ Кафка Ф. Маленькая басня. http://www.lib.ru/KAFKA/kafka_bashya.txt_with-big-pictures.html МГ.

⁸ Когда 1 мая 1960 г. к Свердловску подлетал американский самолет-шпион У-2, советские войска сбили его пуском ракеты. Инцидент считается одним из важных эпизодов холодной войны.

Екатеринбургский Монетный двор, в период с 1726-го по 1876 год производил до 80 процентов монет, находившихся в обращении в Российской империи.

Мастера шлифовальщики горной мануфактуры делали из уральских камней элегантнейшие произведения искусства для новых дворцов Северной столицы и не только вазы и шкатулки из малахита. Малахитовые колонны Исаакиевского собора Санкт-Петербурга, позволяет отчасти представить себе уровень уральских мастеровых.

На расстоянии нескольких шагов друг от друга находится музей естественной истории и музей истории архитектуры и дизайна, сами по себе значительные памятники не только истории, но и архитектуры.

Обер-бергамт, слово, заимствованное из немецкого языка, главная контора «горной империи», состоявшей из 150 рудников, приисков и заводов от Казани на Волге до Сибири, подчинялась президенту Берг-коллегии, а тот – непосредственно императору. Бергамт был отправной точкой исследовательских путешествий в Сибирь, на Камчатку и на Аляску, среди его гостей такие блестящие имена, как Беринг, Гмелин, Паллас и Александр фон Гумбольдт.

Благодаря своему горнозаводскому статусу у Екатеринбурга было больше полномочий, чем у других городов. И больше богатства. Об этом говорит не только роскошный дворец Севастьянова на набережной пруда, но и многие другие купеческие особняки, вид которых свидетельствует о том, что их владельцам не было чуждо чувство прекрасного.

Каменные и деревянные дома, пятиэтажки и высотки, круглые в сечении небоскребы большого бизнеса перемежаются зданиями в стиле баухауса и советского классицизма. Единообразные спальные районы расположены по окраинам и не влияют на образ города. При виде стройной Вознесенской церкви и столичного уровня громадной усадьбы⁹ хочется рассказать сразу две истории и опустить одну, кровавую.

В этом величественном особняке были размещены и сохранены богатства Эрмитажа в ходе блокады Ленинграда, самой темной, пожалуй, страницы немецко-российской истории. Но напрасно Гитлер планировал банкет в честь победителей в отеле «Астория». Город на Неве и его блокадники устояли. Только какими усилиями... и твердое плечо Урала поддерживало их до самой победы, горькой и кровопролитной.

⁹ Скорее всего, автор имеет в виду усадьбу Расторгуевых–Харитоновых, расположенную в непосредственной близости от Вознесенской церкви

С большим удовольствием расскажем историю о «золотой лихорадке» на Урале.

Привычной датой находки российского рудного золота считается 21 мая 1745-го, когда раскольник Ерофей Марков из поселка Шарташ (ныне – в пределах Екатеринбурга) нашел в долине реки Березовки кварц с золотыми вкраплениями. Однако следы самородного золота в регионе наблюдались и прежде.

А в 1814 году горный инженер Лев Иванович Брусницын открыл в долине рек Пышма и Березовка месторождение речного золота. Жители Екатеринбурга азартно бросились промывать местные пески, и уже в 1817-м горные чиновники – кстати, немцы – Адольф Андреевич Агте и Николай Иванович Мундт открыли россыпи на речушке Мельковка. Это начало современной улицы Свердлова. Оказавшись на русском Эльдorado, они было вознамерились открыть здесь прииск, но казна быстро перекупила участок, где заработала золотодобывающая фабрика. Запаса золота здесь хватило до 1850-х. Россия с ее 48,5 процентами заняла первое место в мире по золотодобыче, а город получил своих «золотых королей». И кому нужна была Аляска?

Путь домой после нашей первой экскурсии протекает мимо городского пруда. Веет детством. Молодые отцы катят коляски, элегантный отель «Хаятт» парусом высится в безветрии, круглая башня, долгострой будущей Эмпайр Стейт Билдинг, ждет своего завершения, как и весь комплекс *Екатеринбург–Сити*. Выходим на Октябрьскую площадь, за Драмтеатром.

Тут получил известность партийный функционер Борис Ельцин, в честь которого названа улица недалеко от нашего дома. Здание, где располагался руководимый им обком КПСС носит знакомое название «Белый дом». Этот Белый дом привел Ельцина к должности первого Президента России, то есть – в Белый дом в Москву, по которому он в 1993 году приказал стрелять танкам.

Девяностые. Это отдельная история. И для всей России, и для Свердловска, который с 1993 года снова стал городом Екатерины (область оставили Свердловской).

Нет, феникс истории не объясняет феномена Екатеринбурга полностью. Его культуру, его урбанизм, его динамику. Может быть, лучше объяснят такие люди, как Сергей Вершинин? Что же, в калейдоскопе моих встреч еще много сюрпризов.

СЕРГЕЙ ВЕРШИНИН, ЧЕЛОВЕК НА ВУППЕРТАЛЬСКОМ ВЕЛОСИПЕДЕ

Выдержки из обмена письмами двух друзей

3 мая 2010

Дорогой господин Вольф! Спасибо большое за Ваше письмо. Думаю, мы можем перейти к обсуждению организационных вопросов.

Несколько общих моментов:

1. Конец июня – время экзаменов у наших студентов. Учеба закончится и собрать людей будет тяжело. Но некоторых умных молодых людей (и девушек) найти получится, я уже поговорил с несколькими студентами, они остаются в городе и готовы участвовать во встрече.

2. С 8 июля все преподаватели университетов в отпусках, значит надо торопиться, чтобы успеть организовать все встречи до 6–7 июля.

3. Вот мое меню для Вас (в соответствии с Вашей анкетой):

а) политолог – критически настроенный, терпкий, пряный... Если окажется чересчур острым, найдем помягче...

б) славист, одновременно руководитель издательства – сведет Вас с коллегами – филологами и литературоведами (у нас в УрГУ есть интересные люди – знатоки своего предмета, часто бывающие на конференциях за рубежом), так что будет такой коктейль из филологов (конечно же, как в лучших ресторанах, все участники хорошего качества: все – доктора наук),

в) культурологи, как минимум, моя жена (тоже, к сожалению, доктор наук), которые занимаются советской тематикой, другие люди тоже «под рукой», так сказать, в наличии, если есть интерес, например, директор танцевального ансамбля и т.д...

д) философы у нас высокого о себе мнения (я учился на философском факультете), но разумные люди и там найдутся, с ними можно связаться...

Я сам сейчас бюрократ (декан факультета в университете), занимаюсь проблемами миграции (но моя тайная страсть – это ГДР, я участвовал, в Понедельничных демонстрациях в Лейпциге¹⁰ в 1989–1990 гг., говорю об этом и с гордостью, и с грустью). Скайпа у меня нет, но можете поглядеть на мою страницу в Интернете: www.werschinin.ru. Если вы увидите человека на вуппертальском велосипеде, то это я. Некоторые статьи там – на немецком...

А теперь оргвопросы: Вы сказали, что последняя неделя уже занята, значит ли это, что планировать надо 22–23.06 и потом уже с 1 по 12.07? Верно ли я понял???

С уральским приветом Вам – и Вашей супруге –
Сергей Вершинин.

11 Мая 2010

Дорогой господин Вольф! Спасибо большое за Ваше письмо! Я вот о чем думаю:

1. Не хотите ли съездить в Нижний Тагил и Невьянск, чтобы посмотреть, как начиналась история Среднего Урала (время в пути – 1 день, до Тагила 2 часа, Невьянск по дороге)?

2. Некоторые люди (кроме нас, само собой, это даже не обсуждается) приглашают Вас на ужин. Свободны ли еще Ваши вечера?

3. Я буду просить у моих друзей машину, чтобы повозить Вас, но, если Вам нужна машина, то можно заказывать такси или у меня есть знакомая, очень надежная женщина, которая за умеренную плату смогла бы повозить Вас. Нужно ли Вам это?

4. Если Вы хотите пообщаться со студентами, то сколько штук (не политкорректно, конечно, но...) их должно быть? Планируете ли Вы общаться с каждым по отдельности или как-то иначе? Думаю, индивидуальное общение было бы лучше, потому что будет сложно собрать их всех вместе... Жду Вашего мнения... Передавай-те привет супруге!

31 мая 2010

Ну – тогда до встречи в Екатеринбурге! Хорошей дороги, ни пуха, ни пера!

8 июня 2010 09:36:38 MESZ

...Поздравляю с хорошими впечатлениями и надеюсь на встречу! Учтите при поездке на фестиваль, что есть угроза быть покусанным клещом! Со среднеуральским приветом, Сергей Вершинин.

¹⁰ Серия массовых протестных акций граждан ГДР, носивших мирный характер, но ставших еженедельной демонстрацией требования реформ.

11 августа 2010

Дорогой Сергей!

Уже неделю как мы снова в Мюнстере, отдохнули от жары, повидались с детьми и друзьями, но по ощущениям мы все еще в России. В голове разрозненные отрывки из впечатлений и встреч. Придать им форму можно будет только на свежую голову и с душой, это займет время, но и я, и, конечно же, Гудрун, радуемся предстоящей работе.

После нашего незабываемого пребывания в Екатеринбурге, которое было таким удачным благодаря тебе и твоей жене, еще много чего добавилось в Перми. И здесь нас, любопытных немцев, встречали радушно. Не сразу, в отличие от Екатеринбурга, а постепенно пробуждаясь, Пермь, эта спящая красавица, открыла нам свое лицо, и мы увидели ее ясный взгляд на свою историю и на общее европейское будущее.

Посещение Перми-36 в сопровождении Татьяны Марголиной, Уполномоченной по правам человека в Пермском крае, со многими её коллегами со всей России, из ООН и из Германии, окончательно убедило в верности тезиса о превосходстве «провинции» над столицей. Креативные умы объединяются, вместе приходят к новым идеям и идеалам, которые идут на пользу и всей стране, и людям в регионе. Но об этом напишу позже.

В 1916 году Пастернак, уподобляя этот край – «Урал впервые» – вюртембергскому нагорью и Шварцвальду, стихотворением «Марбург» определил свое призвание быть не философом и музыкантом, но поэтом, и этот небольшой сюжет показал самоочевидность русской культуры как европейской, для которой, в свою очередь, так важен русский вклад. Два часа мы обсуждали эти темы с Алексеем Ивановым, еще одним выразителем уральской личности и идентичности, и я могу без усталости рассказывать об исторической боли гугаговских лагерей и чекистских застенков, о красоте и величии здешней природы – Камы и Чусовой, о Дягилеве и штабе Колчака в его доме...

В Москве нас ждала жара, полыхающие торфяники, «новые русские» и олигархический декаданс, ресторан «Турандот» в стиле Людовика XIV, как будто и не было Французской революции... Ты ведь знаешь, сторонний наблюдатель многое подмечает, и приватизацию звуков, и присвоение лесов. Махагони¹¹, как и Москва, начинается на букву «М», но что это доказывает? Мюнстер ведь тоже!

От больших городов в воспоминании остается не только смог, но и встречи с людьми, которые станут друзьями, с которыми делишь и надежды и разочарования...

¹¹ «Возвышение и падение города Махагони» широко известная в Германии опера (музыка Курта Вайля, либретто Бертольда Брехта, 1929).

Я очень признателен тебе за твои хлопоты, время и внимание, благодаря тебе недели в Екатеринбурге были такими насыщенными. Я этого никогда не забуду, и не забуду и тебя, и твою жену, и факультет, и город, и всех новых знакомых. Всем им передавай наш сердечный привет! Сегодня же передай от меня и Гудрун наилучшие пожелания твоей милой жене и дочери.

Искренне,
Твой Карл

15 августа 2010

Дорогой Карл! Я на день вернулся в город с дачи, обнаружил твое письмо и прочитал его с чувством глубокого удовлетворения! Большое спасибо! Пишу коротко, потому что мне еще многое надо сделать, завтра снова ехать на дачу, купить бензопилу, заготовить дрова для печки... я тут недавно понял, как мало всего я показал вам в Екатеринбурге – ужас, стыд и позор! Но, по крайней мере, все наши общие знакомые довольны, и наши разговоры были очень вкусными. Позднее напишу еще – думаю, в начале или середине сентября, потому как у меня, наконец, наметилась небольшая передышка, и я пытаюсь побыть на даче подольше... Таня шлет наилучшие пожелания!!! И персональный привет Гудрун!!!

Со Среднего Урала – Сергей.

P. S. Твои книжки очень интересные! И Луиджи Ноно¹² – тоже!

16 октября 2010

Re: Привет из немецкой провинции

Дорогой Карл! Я только вернулся из дома отдыха недалеко от Перми и сразу пишу тебе! Я понял, как мало Екатеринбурга я Вам показал... как же жаль...

Еще одно переживание: культурный шок от Перми... Я был просто потрясен тем, что советская власть сделала с этим городом: – ведь мое главное эстетическое недовольство оттого, что многое в этом городе сделано как-то *криво*... нет архитектурного единства... Екатеринбург в плане целевой целостности – тоже не подарок, но степень абсурда от соединения несоединимого у нас все-таки меньше... И что нам остается? Только чувство родины, но не в смысле политическом. Только природа – наша родина, экологическая родина, это, что еще связывает людей с их местностью...

Самый сердечный привет Гудрун!!!!!!

Сергей

¹² Ноно Луиджи – итальянский композитор и педагог.

РАЗНОЦВЕТНОЕ МНОГООБРАЗИЕ, ИЛИ КТО БОИТСЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА?

Хочу всего и хочу сейчас. Любимый язык капитализма – английский, и он звучит в унисон Фредди Меркьюри: I want it all and I want it now¹³. Тропа женского и мужского вожделения прекрасных вещей, товаров и людей проходит не только через центры немецких городов. Desiderio¹⁴. Эротическое обещание счастья разлито в воздухе, как весна.

«Я лучше пойду шопинговать, чем просто покупать».

Благая весть пришла! Она диктует в ходе потребления ускориться, чтобы больше успеть – во имя декларируемой само-справедливости, ведь *ты этого заслуживаешь*. Пешеходные улицы – гарантия, что ничто не будет отвлекать тебя от разнообразия и магнитуды продаваемой прекрасной видимости. А также от свободы использовать по своему усмотрению карту Visa, и в международном круговороте денег по-братски серфинговать – как равный среди равных. При условии, что ты важен для системы.

На улице Вайнера и вокруг неё Екатеринбург – это рай для фланёров. Искусство расширять приватное до общественного на улицах и бульварах первоначально говорило на парижском французском. Сейчас это искусство звучит по-английски и по-русски с уральским акцентом: торговый центр «Гринвич» – самый современный и даже постсовременный магазин, лучший «Лафайет» в пешеходной зоне улицы Вайнера. Приукрашивающее прозвище «Уральский Арбат» говорит, в лучшем случае, о невежестве городского маркетинга. Здесь, на улице Вайнера, радость жизни и радость потребления рассортирована лучше, чем на нормативной туристической пустыне московских магазинчиков с матрешками. Столичный Арбат чаще и охотнее посещают мысленно, слушая, скажем, песню Булата Окуджавы «Ах Арбат, мой Арбат...». Впрочем, именно здесь, в уральской столице конструктивизма, делегировавшей совместное

¹³ Queen, альбом The Miracle, 1989, песня I want it all.

¹⁴ Желание (лат.)

наслаждение результатами труда в будущее, переход от марксистско-пиетистского идеала труда, к очаровательному урбанистическому кайфу¹⁵ потребления связан с поиском элитарных «контрреволюционных» мест.

Всеобщая нехватка и дефицит товаров, отсутствие механизмов наладить нормальное потребление – вот признаки советского общества. Так же, как и монополия на информацию, подконтрольность медиа и табу на пришедшие с запада развлечения. На этой пешеходной торговой улице становится не только ясно, но и чётко слышно то, что Сергей Вершинин имел в виду под приватизацией звука, акустики. Если раньше зазывалы кричали на ярмарках, то затем громкоговорители на улицах и площадях городов и деревень, позже радиоприемники и телевизоры провозглашали мнение государства как обязательное. Теперь же звуки как продукт рекламы оккупировали уши или заткнули их с помощью МРЗ-плееров. Только на улице, за пределами торгового центра, можно было расслышать то, что говорил человек, звонивший нам на мобильник. Русский торговый центр стал миром блеска и глянца, включающим все пять чувств одновременно и пробуждающим желание обладать.

А я, напротив, сложив оружие своей элитарной пессимистической культурологической гордыни, погружаюсь в праздность, в различия и нюансы товарного предложения. Заглянул в музыкальные и книжные магазинчики, послушал ностальгический наигрыш духового оркестра пенсионеров, зашел в ресторанчик, посидел в кафе, потягивая эспрессо и мороженое. И даже провожал взглядом женские красоты, стройную, гибкую и длинноногую усладу для глаз. Городские «Gesamtkunstwerke»¹⁶, включая соблазнительный стук их каблучков по тротуару. Каждая красиво одета, осознает свою привлекательность. Но вот одна из них, безопасность вкуса которой ориентирована не на столицу – и какую? – Париж, Москву, Берлин, а далеко за их пределы... Гудрун покупает в «Гринвиче» две курточки модного испанского бренда и жалеет, что больше ничего не входит в чемодан.

В Екатеринбурге за покупками? Почему бы и нет?

Здесь, как и на Кировке в Челябинске, много бронзовых скульптур. В начале улицы расположился памятник мифическому изо-

¹⁵ В оригинале автор использует выражение «Биг Изи» (the Big Ease), распространенное у джентльменов Нового Орлеана, который чаще именовали его прозвищем – Большой кайф, отсылающее к эпохе джаза, культуре беспечности, беззаботности.

¹⁶ Gesamtkunstwerk – термин, введенный немецким композитором Р. Вагнером для обозначения синтеза многих искусств в одном произведении.

бретателю велосипеда. Затем расположились «Друзья»: крестьянин с собакой и лошастью.

Гудрун на фото кормит чугунную лошадь.

Берлинский мишка, подарок немецкого генконсульства, стоит на задних лапах, а скоро, по словам атташе представительства Флориана Шриверхофа, у медведя появится компания.

Огромная вывеска предлагает стать обладательницей роскошной груди, прибегнув к пластической хирургии.

В переходе стоят молодые люди и во все горло распевают песни «Наутилуса Помпилиуса». Это была когда-то одна из лучших рок-групп в городе и во всей стране.

На крыше одного из домов сидит громадный надувной инопланетянин и зовет нас купить компьютер. Но мы и так уже в сети и обеспечены телефонной связью. Банкоматы с радостью принимают наши карты и без промедления выдают нам тысячные купюры, шелестя: потрать!

Самостоятельные художники рисуют свои граффити на стенах домов и в подземных переходах. Никаких деструктивных каракулей. Укрощенное искусство. Имитации великих мастеров и собственные работы.

Несмотря на экономический и финансовый кризис в стране город явно доволен своим большим куском пирога современности. Высотки, строительство которых приостановлено, будут достроены. Но заявленная «дубаизация», как и чрезмерное потребление роскоши, останутся, скорее, московскими феноменами. Екатеринбург успешно развивается по своей собственной схеме, он сильно изменился за последние годы.

Город, открытый миру, построенный упорным трудом. XXI век. Приватизация, слово из 90-х, приносит на пользу людям. Один принцип, одно начало. Без катастрофы¹⁷, без культа потребительства. Не кричащее многообразие, а разноцветное. Поп-арт. Хотя звук перед концертом придётся еще настроить.

¹⁷ Термин, введенный в оборот известным российским философом, социологом, логиком, писателем А. А. Зиновьевым и состоящий из двух слов: катастрофа и перестройка.

ХРАМ НА КРОВИ САНКТ-ЕКАТЕРИНБУРГА, ИЛИ САКРАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Постсоветская Россия усиленными темпами строит церкви и часовни. Небольшие, как церквушка с чудным названием «Утоли моя печали» в рабочем районе на берегу озера Смолино в Челябинске или монументальные, как Храм-памятник на Крови во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших – символ поминовения убитой царской семьи на Вознесенской горке Екатеринбурга.

Не заметить храм в центре невозможно. Сам белый, своими пятью золотыми куполами в русско-византийском стиле он едва ли не соревнуется с солнцем. Посещение храма привлекает не только всех путешествующих по Транссибу, но и заезжих VIP-персон. Президентов Путина и Медведева, канцлеров Германии, Шредера и Меркель. И для претендента на это место, такого, как, Франк-Вальтер Штайнмайер, который получил титул почетного доктора Уральского федерального университета и представил на лекции в этом вузе конструктивный план модернизации партнерства между Россией и Германией.

Святейшему патриарху Алексию II также подобает, само собой, сидеть здесь подле российского президента, так как «государство и церковь идут рука об руку», как было сказано в брошюре, которую мы купили в церковной лавке.

Странное утверждение для этого отмеченного кровью исторического места.

Исполинская церковь – отличный объект для фотолюбителей. Она сама вторгается в картинку, следует за нами по пути домой, посылает нам золотой привет через голубой городской пруд. Солнечным вечером в субботу, в день, когда кажется, что все желающие вступить в брак хотят скрепить нерушимость своих любовных клятв словом, делом и фотоснимком перед Храмом на Крови – сейчас или никогда, – настает и наш черед тут побывать. Белые свадебные платья проходят торжественным маршем. На подиуме перед церковью – невесты в белом, одна лучше другой. Черные лимузины, же-

нихи и их родственники, мужчины в черном, невесты. Только рокер (тоже с юной невестой) нарушают тишину этой праздничной идиллии рокотом мотоцикла. Вдоль балюстрады собора стоят огромные фотографии последних представителей династии Романовых, которых настиг злой рок. Император Николай II, императрица Александра Федоровна, урожденная Алиса Гессен-Дармштадтская, наследник трона цесаревич Алексей и четыре сестры, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. На подсвеченных прожекторами портретах – ответ другой жизни.

«Горько, горько!» – кричат гости, требуя: целуйтесь же. Фотограф запечатлевает эти моменты. На память.

Память – это время, которое не проходит. Двойной опыт для нас. Никакое счастье, никакая чужая страна не чужая.

Потаенная боль украдкой пробирается среди празднующих и просит: уйми, утоли моя печали. Никогда так не обрушивало Россию в смуту и опустошение, как в Гражданскую войну после Октябрьской революции, когда сограждане поднялись друг против друга.

Великая Отечественная война, несмотря на сталинский террор, объединила людей оборонительной борьбой и общим горем. Но бессмысленным в ночь с 16 на 17 июля 1918 года было убийство царской семьи, которую первоначально отправили в ссылку в Тобольск.

Ужасный знак ужасных времен.

Царь Николай II, к этому времени уже отрекшийся от престола, совсем не подходил на роль человека, который мог бы стать лидером сопротивления. Его убийство, убийство его жены, больного гемофилией цесаревича, четырех дочерей, домашнего врача семьи и трех слуг в доме Ипатьева было не просто политически бессмысленно, это была кровавая расправа.

Убойная команда из девяти человек расстреляла свои жертвы, уцелевших добила штыками. После бойни трупы погрузили на грузовик и увезли за город в северо-западном направлении к заброшенному руднику и сбросили их туда. Чтобы избежать в будущем возможного обнаружения и идентификации, трупы позже достали и залили серной кислотой, а потом сожгли. Пепел закопали.

Это место известно сегодня всем как «Ганина Яма». Это место паломничества и монастырь с семью церквями. По одной церкви в лесу – для каждого члена царской семьи, объявленного святыми страстотерпцами и мучениками. Мы едем к месту поминовения семьи Романовых по дороге в Нижний Тагил утром в субботу. Монастырь стоит посреди леса, солнечные лучи светят сквозь зелень сосен. Безгрешная природа без сентиментальности и бесчувственная жестокость. Но только наше отношение, а не солнце, высвечивает

ее. Горные выработки поросли травой. Сегодня вокруг места захоронения можно пройти по крытой деревянной галерее. В центре круглой площадки – крест.

Новые источники говорят, что приказ уничтожить был отдан лично Лениным в начале июля. Троцкий занес информацию об этом, как и собственное мнение о целесообразности подобного решения, в свой дневник. В 1989 году фрагменты костей и черепа (не все) были найдены здесь и идентифицированы как Романовых путем проведения необходимой экспертизы. Сегодня останки царской семьи покоятся в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге.

Патриарх Алексий II, президент Ельцин и губернатор Свердловской области, немец по происхождению, Эдуард Россель благословили строительство мемориального храма. Евраз-Холдинг, Лукойл-Пермь и Уралэлектромедь выступили в качестве спонсоров. С 2000 года каждый день в течение трех лет около трехсот рабочих строили храм. В 2003-м он был освящен.

Нет сомнений, это туристический магнит. Своего рода национально-патриотическое место памяти. Хотя для кого-то собор чересчур помпезный и холодный. Гремящее напоминание в виде огромной церкви и объявление убитых Романовых святыми мучениками вызвали – и похоронили – *под собой* много вопросов. Все, что случилось от «Да будет распят» до «Осанна» истории человека в Екатеринбурге, требует во имя всех жертв и возрождения России личного признания каждого: «Где ты был, Адам?»¹⁸ Никакого признания коллективной вины... Никакого растворения в массе, исчезновения в истории и в общей культуре памяти – так как есть вопрос: «Никто не забыт и ничто не забыто?»

Государство и церковь снова идут рука об руку. Но куда?

¹⁸ Осанна – торжественное молитвенное восклицание (О, Господи) кричали «Осанна Сыну Давидову» при входе Иисуса в Иерусалим. «Да будет распят» – говорят первосвященники в ответ на вопрос Пилата, следует ли помиловать Иисуса. «Где ты был, Адам?» «Wo du warst, Adam?» – книга Г. Белля, которая ставит вопрос о том, что не только те, кто был судим на Нюрнбергском процессе, несут ответственность за преступления нацизма.

ЕКАТЕРИНБУРГ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПЛОЩАДКА

Активисты–передвижники, Или Встреча индустрии и культуры

Поклонники современного искусства и люди, помешанные на неофициальных течениях в культуре СССР, знают московскую концептуальную школу. Уже в перестроечные времена этих представителей российского авангарда выставляли в галереях Европы и Америки. Они представлены во всех крупных музеях мира, от МоМА до ММоМА¹⁹. Культурная жизнь Санкт-Петербурга также находится в поле международного внимания. Но кто и что знает о культурной сфере Урала? И это при том, что многие авангардистские деятели современной московской и питерской культуры – уроженцы регионов.

Александр Шабуров из соц-арт группы «Синие носы», чьи (совместная работа с Вячеславом Мизиним из Новосибирска) «Целующиеся милиционеры» – проект «Эра милосердия» – вызвали в Москве форменный скандал, который достиг западных СМИ, – екатеринбуржец.

Известные рок-группы «Наутилус Помпилиус», «Агата Кристи» и «Чайф» – из Екатеринбурга. И это только верхушка миграции в метрополию.

В Екатеринбурге мы занялись поисками питательной среды этих мигрантов и можем сообщить следующее.

Неофициальная культурная жизнь здесь была всегда, но особенно ярко она проявилась в семидесятых и восьмидесятых годах.

Одной из центральных фигур ее был старик Букашкин, перформер, художник, поэт, музыкант, создавший свою школу. В 1989 году в тогдашнем Свердловске была организована первая неподцензур-

¹⁹ МоМА-Museum of Modern Art (Музей современного искусства на Манхэттене в Нью Йорке), ММоМА – Moscow Museum of Modern Art (Московский музей современного искусства).

ная художественная выставка, неслыханное событие, двадцатилетний юбилей которого екатеринбуржцы отмечали в прошлом году. В уральском акционизме девяностых весьма заметен был и Александр Голиздрин, яркий и провокационный. Философ, осмыслявший отношения человека и рыб, выступивший в костюме Ихтиандра на своей выставке, не имея на себе ничего, кроме кольца в носу. А на другой своей акции он высыпал шестнадцать килограммов гальки, тайно вывезенной им из Швейцарии, у железнодорожного полотна в Саратовской области. Название перформанса – «Восхищение Европы» (1995).

Группа «Синие носы» инсценировала национальную идентичность, сатирически вступая в полемику со стереотипами: сибирские валенки, дураки с синими носами, русские пьяницы, русская мафия. В качестве документации радикального перформанса как оригинального жанра в 1990-е развился аутентичный уральский видеоарт. Первое десятилетие новой России было периодом бури и натиска.

В 2000-е в Екатеринбурге и других городах Свердловской области появилось новое поколение молодых креативных художниц и художников. Поддержку их креативному потенциалу оказывает Уральский филиал Государственного центра современного искусства. Отсюда исходят импульсы критических дискуссий о региональной и национальной идентичности, о межкультурном взаимопонимании, как в совместном выставочном проекте с Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном «Евразийский синдром» (2002). Платформой для инсценировки искусства в общественном пространстве стал фестиваль «A-REAL 001». Играя и шутя, ироничные художники обращаются к городской мифологии. В конспиративном диалоге с достопримечательностями города группа «Куда бегут собаки» прячет в асфальте маленькие секреты. Художник Владимир Логунов повесил в городе огромный транспарант 3 × 6 метров с надписью «Здесь был Вова». Так он оставил память не только о себе, но и обо всех Вовах-Владимирах, которых было много в русской истории – начиная от Владимира Великого и заканчивая Владимиром Лениным и Владимиром Путиным: одни приносили благо, другие – зло.

Обо всем этом нам рассказала Алиса Прудникова. Даже ее короткого рассказа хватает, чтобы понять, что глобализация современного искусства пришла и в Екатеринбург, на границу Европы-Азии.

Алиса Прудникова – директор Уральского филиала Государственного центра современного искусства (ГЦСИ) в Екатеринбурге, доцент Уральского государственного университета, кура-

тор, критик. Она руководит первым Уральским индустриальным биеннале современного искусства. Алисе всего 29, и она – наш друг по Фейсбуку.

Мы с Алисой договариваемся встретиться в лобби отеля «Хаятт». Ей нужно на прием, который проводит американское консульство в честь Дня независимости США, а мы живем в пяти минутах от отеля.

«Хаятт», любопытная с эстетической точки зрения высотка из стекла и стали с легким изгибом и с коричневым трехэтажным цоколем из железа, стоит в новом деловом районе недалеко от городского пруда. Мы сидим в белых кожаных креслах в лобби и ждем. Одиннадцать часов утра. Уборщики не спеша толкают перед собой мойку высокого давления. В подобной больничной атмосфере это раздражает. Алиса входит в лобби. Она выглядит именно так, как на фотографиях в Фейсбуке: высокая, длинные светлые, немного выщипанные волосы, открытое, дружелюбное лицо. На ней брюки свободного покроя, футболка и льняной жакет. Ноутбук у нее в руке замаскирован под антикварную книгу – круто, – как говорят сейчас. Алиса – привлекательная, уверенная в себе молодая женщина.

Мы находим место подальше от моек и довольно быстро переходим к делу. Алиса рассказывает о ГЦСИ в Екатеринбурге, филиале одноименного центра в Москве, который был учрежден Министерством культуры в 1992 году. Центр призван вести выставочную деятельность и проведение исследований, поддерживать отечественное искусство в условиях глобализации мировой культуры программами и проектами в области современного искусства, архитектуры и дизайна в России и за рубежом. Государство и современное искусство плодотворно сотрудничают. Вчерашний художественный андеграунд теперь получает финансовую поддержку от государства. До перестройки такое было невозможно представить.

Глаза Алисы сверкают, когда она рассказывает об этом.

Политическая стратегия центра в Москве с самого начала предполагала содействие современному искусству в регионах. Уже открыты филиалы в Петербурге, Калининграде, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге, планируется создать такие центры в Самаре и Владикавказе.

Не приведет ли это к усилению централизации в сфере искусства, и, как к результату, к импорту московских культурных символов и дискурсов, производителей которых не волнует региональная уральская идентичность?

Алиса с этим решительно не согласна: «В регионах сформировалась своя сцена современного искусства. Сюда давно проникли

глобальные художественные дискурсы. Проблема была в том, что активные люди по большей части уезжали из регионов в Москву, потому что там есть деньги, и там можно развивать проекты: там кураторы, выставки... В регионах тяжело сделать современное искусство модным и привлекательным брендом для спонсоров».

Филиалы были созданы, чтобы поддерживать региональное искусство в глобальном контексте. Для руководства екатеринбургским филиалом нашли Алису. Когда она приняла предложение, ей было всего лишь 23 года.

Алиса очень сожалеет, что из-за «дурацкого устройства системы» в Екатеринбурге все еще нет музея современного искусства. При этом, по ее словам, «мы идем с нашим искусством в городское пространство, например, в торговые центры, в аэропорты и отели, на фабрики».

Раньше актуальной здесь была тема Европы-Азии. Граница между Европой и Азией – это, в конце концов, торговая марка Екатеринбурга. Когда мэрия решила перенести границу ближе к городу для того, чтобы облегчить доступ к ней туристов, Алиса поняла, что дебаты о Европе и Азии – это условность: «Мы – не азиатский город», – говорит Алиса, – «Мы – город, в котором солнце встает в Европе». Для Алисы и ее команды крайне важна уральская идентичность, что и стало центральной темой Первой Уральской индустриальной биеннале современного искусства, которая проходила в Екатеринбурге в сентябре и октябре 2010 года.

Уральский регион – продукт индустриальной цивилизации. Эта изначальная структура формирует региональную идентичность – со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Из этого проистекает и концепция биеннале. Задача кураторов и художников – критически отнестись к этой идентичности. В этом нельзя полностью опираться на европейский опыт соединения индустрии и культуры.

«В Европе мы видим *постфордистскую* трансформацию производственных площадок в места отдыха и музеи, а само производство перенесено в Китай. У нас происходит *дубаизация* – так один критик назвал нашу футуристическую высокоэтажную застройку, но позволить себе такую архитектуру город может лишь потому, что здесь работают триста заводов, а в области их около тысячи. Это наше большое отличие от той же, скажем, Рурской области»²⁰.

Концепция биеннале «Ударники мобильных образов» основана на идее встречи художников с рабочими, диалогическом соединении

²⁰ Сравнение Урала и Рурской области обусловлено тем, что оба региона – примеры старопромышленных зон.

художественного и промышленного производства. Центральный проект биеннале, для осуществления которого была приглашена интернациональная команда кураторов, реализуется в бывшем здании типографии «Уральский рабочий», построенном в стиле конструктивизма в центре города. Название биеннале предполагает обращение к фигуре рабочего, героя труда, и к самому труду как таковому.

В центре изучения – главный герой радикально форсированной индустриализации сталинского периода Стахановец, который средствами гигантской для того времени пропаганды был возведен в ранг божества. Во имя этой утопии рабочие мобилизовались, становились инструментом и мотивировались для прославляющей самоэксплуатации. Индустриальный Урал, Екатеринбург был одним из центров стахановского движения. В то же время, кураторы биеннале понимают под «ударниками» и художников как активистов современной цифровой эпохи и глобальной репродукции. Искусство в постиндустриальном мире – это мобильный товар, образы которого циркулируют по миру в Youtube, Facebook, блогах и так далее, а художники – это мобильные ударники труда, которые эксплуатируют себя на «строительной площадке» биеннале. Биеннале современного искусства понимает себя как «временную фабрику репродукции образов, эмоций и социальных отношений, фабрику, где свободное время приобретает форму и становится товаром». Художественное и индустриальное производство встречаются в поиске пересечения.

Алиса вспоминает, что рабочим поначалу было сложно понять сравнение их работы и художественного творчества: «Что вы такое говорите, вот у нас производство – это норма выработки, время, зарплата».

Программа специальных проектов биеннале, куратором которых была сама Алиса, проводилась на заводах не только в Екатеринбурге, но и в Невьянске и Нижнем Тагиле. Художников приглашали на заводы. Вместе с рабочими они создавали интерактивные проекты.

Художник Леонид Тишков, к примеру, создал с работниками камвольного комбината мифологические фигуры в форме красных даблблэдов, которые затем использовались в театральном представлении, – и все это за плату, разумеется. «Взаимодействие с заводами и фабриками настраивает на ностальгический лад», – говорит Алиса. «Когда приходишь на завод, кажется, что время остановилось двадцать лет назад. Здесь все еще советский способ труда, есть план, станки и оборудование – все старое». Это привлекает художников, но не так хорошо для экономики и для самих рабочих.

На биеннале пригласили не только международных знаменитостей, таких, как Илья Кабаков, но и юных екатеринбургских

«ударников труда». Идея поиска творческого выражения локальной идентичности в глобальном пространстве на перекрестке индустриального и художественного производства, прошлого и настоящего по праву привлекает и кураторов, и художников. Первая Уральская индустриальная биеннале помогла Екатеринбургу занять свое уникальное место на карте мирового искусства.

Уральская индустриальная биеннале современного искусства.

Описание проекта «Восход» группы «Куда бегут собаки» (Россия, Екатеринбург, 2010).

Видео.

В видеoinсталляции использованы знаменитые финальные кадры из советской кинокартины «Неуловимые мстители». Силуэты четырех всадников скачут на фоне красного, огромного, восходящего на весь экран солнца. Но это только начало – вскоре эта хрестоматийная картинка, воспринимавшаяся поколениями советских людей как зримый романтический символ революционной эпохи, волей авторов преобразуется в апокалиптическую пародию в духе фантастических страшилок.

На фоне кроваво-красного рассвета происходит невероятная трансформация – под звуки берущей за душу, столь любимой в народе песни, в которой есть слова «Мы ведь целую вечность собираемся жить...», на зрителя надвигаются уже не кони и не люди, а... невероятные существа. Их черные силуэты напоминают, по мнению самих авторов инсталляции, гибрид пришельцев из кинофильма «Пятый элемент» и метростроевцев одновременно. И эти жертвы компьютерного морфинга обещают зрителю жить вечно. Трансформация образа романтических всадников в монстроподобных существ может символизировать что угодно: мутацию сознания пролетариата, грядущий рассвет чудовищной вестернизации или же возможный ужасающий результат индустриальных катаклизмов... Впрочем, эти фигуры – скорее фантомы, они лишены суггестивной силы, но при этом отражают, возможно, более подлинную реакцию на происходящее в современном беспокойном мире²¹.

²¹ http://first.uralbiennale.ru/program/Spec_project/sunrise MF

КОНСТРУКТЫ И КОНСТРУКТИВИЗМ

Сегодня у нас нет встреч. Мы едем на трамвае ярко малинового цвета вниз по проспекту Ленина. Цифровой рекламный экран сразу за кабиной водителя перемежает шутки со сладострастными призывами купить что-нибудь. Развлекает, как поп-арт, но со смеху не умрешь. Остановка «Площадь 1905 года». Черносотенцы – русские националисты, которые теперь снова есть в России, и казаки разогнали когда-то демонстрацию, пролив немало крови.

Слева стоит монумент Ленина. И сегодня он своей правой рукой приветствует товарный рай улицы Вайнера. За его спиной – роскошь Торгового центра «Европа».

Нэп (Новая экономическая политика), который привел к экономическому подъему после 1922 года, говорит о том, что Ленин не был ленинистом. В отличие от Сталина, который был сталинистом, даже если он по-некрофильски использовал имя Ленина как синоним для своего неоегипетского стиля. Его статуя должна была, так уж в СССР заведено, возвышаться в свердловском небе рядом с Лениным. То, что это так не произойдет, было оглашено *urbi et orbi* на XX партсъезде. Сносить дешевый памятник Сталину не потребовалось, потому что он еще не был установлен. Пусть это и не шутка, но повод посмеяться есть. Но вот каменный Богоявленский собор 1774 года постройки, возведенный на бывшей Кафедральной площади, снесли.

Иконологический и иконографический разворот на 180 градусов привел в результате антирелигиозной кампании к тому, что в 1930 году началась постройка пятиэтажного Горсовета в конструктивистском стиле баухаус²². В 1947–1955 годах произошел еще один разворот. Фасад был полностью перестроен. Сталинский ампир, колонны, часы, золотой шпиль. На крыше шестнадцать скульптур в честь «героев труда». Сегодня здесь располагается городская администрация. Доминанта и вертикаль площади. Вертикаль власти Кремль в Москве разделяет с верноподданными финансо-

²² Уточним, что здание Горсовета – это надстроенный до 5 этажей Гостиный двор.

выми боярами, крестоносцами коммерциализации и обращенными в рыночную веру бандитами. На площади булыжники говорят не на гладком и сладкоречивом языке асфальта. Их выговор ухабист и заезжен. Слетая на уральский манер мелодия иногда обрывается.

Но где они, идеалы русского авангарда и его новая эстетика? Где, если не хотя бы воля, то утопическая надежда на то, что все изменится? Где архитектурный ответ на политический вопрос?

Малиновый трамвай быстро довозит до квартала, который называется «Городок чекистов», жилой район недалеко от проспекта Ленина, построенный для проживания сотрудников ЧК в 1929–1936 годах. Мы уже приятно удивлялись главпочтамту, комплексу стадиона «Динамо» на пруду, но здесь предстоит осмотреть около сорока жилых памятников эпохи. То, что жилой район носит имя могильщиков революции, которые изначально должны были защищать ее от врагов, – еще один языково-семантический пример Нерр²³, когда язык и речь, означаемое и означающее, рассказывают разные истории. Но дома, которые перед нами, отнюдь не шизофреническое видение, но еще и говорят конкретный факт из архитектурной истории. Ни один другой город России – разве еще только южно-уральский Магнитогорск – не может похвастаться таким обилием зданий в стиле конструктивизма. Жилые дома, клуб и склад, гостиница «Исеть», детский садик, ясли, больница с аптекой. Вот так. Почти все на букву «к»²⁴: коммунальные постройки и культурные объекты, только вот в жилых домах нет кухонь для коммунаров. Общему, совместному отдано предпочтение перед частным, личным, поэтому есть столовые. Функциональность фасадов, ленты окон, чистые линии, серийный дизайн, минимализм и повторяемость, аскетический редукционизм. Вместо тогдашней и сегодняшней чересполосицы, смешения стилей, собственный, пуристский стиль, зачастую раздражающий любителей постмодернистского разнообразия. Сегодня, по прошествии лет, этот стиль обвиняют в том, что он создавал единый образный мир. По замыслу создателей, это был проект машины для жизни, в которой индивид – лишь винтик совершенного механизма. Устрашающий проект, негативная утопия, созданная из лучших побуждений.

²³ Игра слов: это и отсылка к нэпу(новой экономической политике) и немецкое слово, означающее обман.

²⁴ По-немецки и впрямь объекты звучат будто бы нарочито подобранные на буквы «к»: Klub, Kindergarden, Krippe, Krankenhaus – в русском переводе эта звукопись, естественно, пропадает.

Никто не представил мечты и попытки лучшей жизни более системно, чем философ Эрнст Блох. Наряду с социальной утопией он называет еще пять групп «нигдейи»: архитектурическая, проявляющая себя в зданиях, облик которых задуман как лучший мир; географическая (Эдем, Эльдорадо); техническая (воля и природа); врачебная реализующая себя в борьбе за здоровье людей и художественная – изображении желаемого будущего в поэзии, живописи, музыке и других видах искусств. Они создают пред-явление, принцип надежды, абрис лучшего мира. По Блоху, крах утопии не выносит ей окончательного приговора. Блох часто цитировал в лекциях в Тюбингенском университете концовку одной из своих излюбленных песен – стилизацию про «черного рыцаря» Флориана Гайера, одного из участников Крестьянской войны: «Разбиты мы, поник наш флаг, но мой правнук вновь сожмет кулак»²⁵. При этом у Блоха время от времени встречаются выпады против современного ему искусства: он, как и Ленин, и Луначарский, а позднее, и Сталин, остается привержен эстетике классицизма, а не авангарду. Неожиданным образом в этом случае на подходе теоретиков марксизма сказалось замутнение взгляда. Конструктивизм так и остался блистательным интермеццо: у него попросту не хватило времени изжить свои самые радикальные «детские болезни».

Русский конструктивизм, говорящий языком смелых форм, – это архитектура создания, в которой отношения между трудом и человеком, встроенным в ячейки общества, выстраиваются своеобразно.

Трудовые будни индивида и его свободное время понимаются как последовательность действий, сон – это без-действие. Акцент на движении, дорожной сети, вербализация дня заставляют и дом понимать функционально. Для отдельных жилых зон используются не существительные (спальня, гостиная), а глаголы, показывающие, какие действия в них производятся: спать, есть, тренировать дух и тело, жить. Русским конструктивистам был хорошо знаком термин Карла Маркса «отчуждение», который подразумевает отъединение человека от природы, другого человека и от себя самого, а в качестве лекарства от этого предписывает телесное, чувственное, реальное деятельное бытие, которое не рекомендует заниматься отчужденным трудом.

После Октябрьской революции рабочий класс посредством просвещения попытался приобщиться к особой пролетарской культуре. Последняя вызывает ожидание спасения, направленного на интернациональный мир, на примирение освобожденного человека с при-

²⁵ Песня «Wir sind des Geyers schwarzer Haufen» («Мы черные рабы Гайера...»).

родой и космосом. Учение того же Маркса становится солнцем. Это солнце должно светить ярче, чем предыдущее. В этот момент космическое становится комическим. Холодный функциональный стиль баухауса терпит поражение сам от себя, а не от партии²⁶.

Ленин не хочет новой эстетики, он, как эстетический консерватор, хочет «приспособить» классическое наследие культуры прошлого для рабочего класса. Не зря же вход в Смольный, революционный штаб Ленина и большевиков, в 1922 году был дооформлен колоннадой в дорическом стиле.

Потребность общества в обновлении, как эстетические наработки и творческую практику конструктивистов будут привычно связывать только с базисом. Отчего архитектурному «царству свободы» приписывается принцип воспоминания, а не обновления. Вердикт – от Ленина до Блоха – авангардистской музыке, архитектуре и искусству готовит почву для отступления советского искусства от русского авангарда, который с самого начала века считался революционным первопроходцем во всех областях. Подавление и физическое уничтожение авангарда – следующий, логический, шаг. *Gesamtkunstwerk* (стиль) Сталин, как верно именовал этот феномен советского модерна Борис Гройс²⁷, вместо дискурса вводит диктат. При этом используются политические средства, как того и желали художники революции. Городок чекистов, в имени и идее которого содержится двойное противоречие, – это машина времени, которая была устремлена в будущее, но, несмотря на отказ от прошлого, оказалась в прошлом. Двигаясь против течения времени.

Ничейное пространство²⁸ утопии, в котором можно побывать. Ну а если за горло схватит вселенская тоска о конце прогресса, то прямо за гостиницей «Исеть» имеется отличный алкомаркет, безлюдный, но полный благородства витрин и изобилия бутылок. А суровые мужчины, умеющие держать удар, могут насладиться видом Дома офицеров, укрепленного выставкой боевых орудий и машин под открытым небом, или на площади Советской Армии посетить «Черный тюльпан» – мемориальный комплекс в честь «шурави», павших в Афганистане и «иных войнах», а напоследок заглянуть в ресторан «СССР». Тоже своего рода рай на восточный лад.

²⁶ Авторы ссылаются на книгу А. М. Фогта «Русская и французская архитектура революции 1917–1789» (Adolf Max Vogt: Russische und franzoesische Revolutionsarchitektur 1917–1789. – Köln. Verlag M. Dumont Schauberg, 1974).

²⁷ Гройс Б. *Gesamtkunstwerk* Сталин. – М.: Ad Marginem, 2013.

²⁸ «Ничейное пространство» или «не-место» – термин французского антрополога Марка Оже, предложенный им для мест временного или транзитного пребывания. См.: Augé M. Non-lieux. – Verso, 1995.

На самом деле мы живем во времена, далекие от утопий. Само это слово имеет негативный оттенок. Мы видим лишь сны наяву. Мы грезим о грядущем дне, о деньгах, работе, семье, стабильности. Это вполне конкретные конструкты. Мы не назначаем свиданий с историей или с будущим.

Так что вперед к началу, к вопросам. «Я есмь. Но я себя не имею. Только поэтому мы становимся»²⁹.

²⁹ Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997. С. 53.

НИКОЛАЙ КОЛЯДА, ИЛИ, СМЕЯСЬ, ПОНЯТЬ ЭНДШПИЛЬ

Таня Круглова достала нам билеты в театр. Она радуется с нами и за нас. Последнее представление сезона у этого коллектива³⁰ начинается в 12:00. У нас нет ни малейшего представления о том, что нас ожидает. Однако это стоит посмотреть. Событие года. Сам театральный бог сегодня ведет спектакль.

Изба, маленький крестьянский домик с резными ставнями в центре города, где улица поднимается к холму с возвышающимся надо всем Храмом-на-Крови. Русская драматургия освобождённого театра рядом с местом гибели и мученичества, дуга напряжения 70-летней истории. Не удивительно, что театральный бог на таком месте, устав от натуралистических постановок с настоящей кровью, выбрал комедийные маски для козлиного блеяния поющего и танцующего хора.

Сам театр крохотный. Две узкие комнаты, заваленные отходами от бутафорской роскоши прежнего советского режима. Портреты людей, которые когда-то играли богов и судьбы, макулатура, талисманы и многое другое. Сцена такая же маленькая, как в Zimmertheater Тюбингена, когда там писалась история европейского театра в «Балладе о великом ужасе». Конечно, и здесь всё сумасбродно и распродано до последнего билета. Дух предвосхищения энтузиастов витает в воздухе, как если бы грандиозный финал, с одой облакам и счастью, был уже достигнут.

Как и в греческом театре, все участники этого маленького полиса зрителей знают пьесу, актеров и режиссера. Все, кроме нас двоих. Я должен спросить Сергея, как он перевел на русский язык ключевое понятие Блоха “Vor-Schein”³¹. Согласно афише, сегодня будет комедия в одном действии с названием, которое говорит обо всем или ни о чем «Всеобъемлюще».

³⁰ Речь идёт о театре Николая Коляды, в 2010 году ещё находившимся на улице Тургенева.

³¹ Vor-Schein – «пред-явление», основной термин философии надежды Эрнста Блоха.

Персонажи пьесы – Нина и Вера, актрисы, обеим по 65 лет, в профессиональном и социальном упадке. Одна из них еще работает в качестве суфлёра. В какой-то из понедельников они в комнате для репетиций, в которой рабочие сцены убирают все декорации и реквизиты, среди них примерно 50 фотографий актеров, когда-то томно позировавших фотографам. За ненужностью...

Это чисто русский эндшпиль. Он означает абсурд, грусть, глупину мыслей, и в то же время вывернутость и комизм, так что слезы, готовые вот-вот навернуться на глазах, исчезают от безудержного смеха. Речь идет обо всем или ни о чем, о существовании обеих актрис, которые из-за своей профессиональной деформации, а это хуже, чем слепота, не могут больше ничего, кроме как играть свои роли, одну за другой, несмотря на то, что занавес для них уже опущен. Эта игра не похожа на ту, что в пьесе Беккета «Эндшпиль», где Хамм и Клов в мертвом мире вне сцены продолжают отношения господина и раба. Она не похожа на угасание и догорание в воспоминаниях и в умолчании. Обе женщины в пьесе – страдалницы. Они надевают друг на друга гирлянды слов и плещутся в своих сухо-влажных словесных каскадах. Зрители плачут. Бурлеск насыщен духом и словами, даже когда актрисы молчат. Не так болтлив, как какой-нибудь водевиль или немецкий комедиант с его шлепками. Функционально построенный как кукла в кукле, скрывающий в своём воображаемом пространстве матрёшки варианты, становящиеся не меньше, а все больше, пока их никто не сможет обозреть. Хотя это звучит и абсурдно, точнее нельзя сказать. От судьбы не уйдешь, гласит русская пословица, но Николай Коляда знает, как над этим можно посмеяться. Здесь полностью отсутствует легкая привлекательность интеллектуально кислого китча экзистенциальной заброшенности. Вместе с Камю мы старались представить Сизифа счастливым человеком. Вместе с Колядой мы понимаем, что русский Сизиф интегрировал своё абсурдное существование в свою жизнь. У него есть товарищи, разделяющие его судьбу. Мы должны представить себе Сизифа смеющимся человеком.

На крошечной сцене есть двери, выводящие на задний план. Через них периодически на сцену вторгается греческий хор античной трагедии. Разумеется, приспособленный к нашему времени. Двенадцать разряженных, миловидных, заносчивых танцоров-мимов, весело напевающих вместо стасима³² песни русского попа и шлягера: «... хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо, я это

³² Стасим(греч. Стасимон) – в античной трагедии пение неподвижно стоящего хора.

знаю-ю-ю». Только с большим трудом главным героиням удаётся вытеснить со сцены хористов, которые первоначально в песне и танце комментировали драматические события в духе знающего предвосхищения. Вместе с их слепотой в отношении происходящего. Нелёгкая задача. Художник Иов знает это: трагедия стала повседневностью, так что моя правда и ломаного гроша не стоит.

Взволнованные продолжительным катарсическим обстрелом и сменой звучаний, мы благодарим интеллектуального мастера чувств за неожиданный подарок и потрясающее событие. Он очень эмоциональная натура, всё ещё находится под влиянием и сопереживанием своей постановки. Затем щедро дарит нам прямо с книжной полки три своих сборника пьес, коих он написал более сотни. Разговаривает на немецком: он когда-то работал актёром в Гамбурге и Дюссельдорфе, приглашает нас к себе на вечер. Это настоящее упоение. Жизнь – мечта. Лишь позже нам становится понятно: мы встретили самого главного в России человека театра. Десять из его драм переведены на немецкий язык. Мы должны были съездить в Екатеринбург, чтобы узнать об этом и о нашем невежестве. Абсурд, однако, благоразумный абсурд. Da capo!³³

³³ Da capo al fine (ит.) – музыкальный термин, означающий «с начала и до конца». Авторы имеют в виду, что надо снова посетить театр.

СТОЛИЦА ОБРАЗОВАНИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА, ИЛИ ОДИН ДЕНЬ С АЛЕКСЕЕМ ПОДЧИНЕНОВЫМ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М. ГОРЬКОГО

Наш духовный наставник в Екатеринбурге – Сергей Вершинин. Его друг Алексей был готов провести нас по университету, который находится на проспекте Ленина, напротив Оперного театра. Мы ко всему готовы, потому что его предложения постоянно оказываются выигрышными.

Представление о Челябинском университете мы получили благодаря Зине Митяевой, я даже ношу значок почетного выпускника. Но преподаватель здешнего вуза в качестве проводника – гарантия широкого обзора и информационного знакомства.

Мы хорошо знаем, что крупные города на Урале – традиционные центры образования, науки и исследования. И Екатеринбург – их столица. Молодой университет, перед входом которого мы ожидаем, был основан в 1920 году. С 1936 года он носил название «Уральский государственный университет им. Горького». Напротив него находится знаменитый государственный театр оперы и балета, который в 1912 году открыл свой первый театральный сезон с программной постановки оперы Глинки «Жизнь за царя».

Искусство и наука идут, как говорит выцветшая, но все же любимая метафора, рука об руку. Между университетом и оперным театром на постаменте стоит памятник руководителю партии – Якову Свердлову. Как узурпатор доброго имени города (1924–1991) и области, он выглядит так, будто хочет поскорее сбежать со своего мемориала. Возможно, туда, где его имя хорошо знакомо и где его не будут ни о чём спрашивать. Одни считают его русским Сен-Жюстом; другие видят в его еврейском происхождении антисемитское поношение большевиков; третьим о нем, кроме того, что он принимал активное участие в царевубийстве и составлении декрета «О красном массовом терроре», больше ничего не известно. Памятник прославляет не науку, а насилие. Он остался невостребованным остатком имущества несостоятельного должника и как бы говорит: «Передай мысль другим. Не думай».

Для преподавателей *alma mater* скульптура перед их храмом – своего рода провокация. В качестве противоположного мнения, не лишним было бы знакомство с пьесой Бертольда Брехта «Турандот, или Конгресс обелителей» в Оперном театре. В качестве подготовительного курса для будущих ученых. Ведь речь в ней идет о голове интеллектуала, о роли Туиса, которого продают народу, как проводника отговорок, мнений и политической манеры царя. Но это удовольствие мышления понравилось бы, прежде всего, знатоку Брехта, Сергею Вершинину, который на своем веб-сайте опубликовал блестящую статью о «махогонизации»³⁴ – трудностях социальной самоидентификации России (www.werschinin.ru) – и даже на немецком языке.

Устаревшие мысли. Нас окружает красота, молодость, образование и жизнь. Студенты и абитуриенты торопятся поступить в вуз или еще должны сдать вступительные экзамены.

Вот и Алексей Васильевич Подчинов – наш гид по современности, директор вузовского издательства, доцент университета, преподаватель русской классической литературы и такой приятный собеседник, что оказанное забытым памятником действие меркнет. Мы сразу же находим общий язык, беззаботно и непринужденно. Сам он неспешно говорит на прекрасном богатом русском языке. В его словах звучит любовь к книгам и пиетет к высшей школе знаний. На Алексее светлые летние штаны и белая рубашка с коротким рукавом. У него худое лицо и он носит большие очки. Он представляет нам своего коллегу Бабинцева, который как раз поворачивает из-за угла. Владимир Бабинцев – декан, доцент кафедры новой и современной истории, специалист по углубленному изучению прошлого Западной Европы. Он преподавал в Мали и перевел с французского ряд важных исторических книг, от Пьера Паскаля до Глюксмана. Мы договариваемся о том, чтобы встретиться позже в деканате.

Сначала мы наносим короткий визит президенту университета, который тепло приветствует нас и специально для нас распечатывает программу форума «Петербургский диалог»³⁵. Мы пьем кофе за зеленым столом для конференций.

Немцы и русские, Меркель и Медведев, каждый в своем городе, и, разумеется, сейчас, в другом университете Екатеринбурга, в техническом, который носит имя Ельцина, потому что там учился первый русский президент. Дружелюбное пожатие руки.

³⁴ См. ссылку на с. 18.

³⁵ Форум гражданских обществ России и Германии был создан в 2001 г.

Вид из президентской комнаты: большой оперный театр. Его запечатлевает и мой фотоаппарат.

То, что президент зарабатывает в тысячу раз больше, чем профессор, я узнаю позже из достоверного источника. А также узнаю, что нет настоящего самоуправления. Центральное управление столицы все еще хочет все держать под контролем. Также утверждение на должность почетного профессора университета, присуждение ученой степени и получение доцентуры возможно только в Москве. Много пишут и немало слышат о коррупции в школах и университетах. Заработная плата маленькая. 15 000 рублей – около 350 евро. Для ученого это оскорбление. (Мне никто не рассказывал, чтобы учёный брал взятку или платил ее. Мы здесь ссылаемся только лишь на сказанное президентом Российской Федерации на тему коррупции).

В коридорах вуза бразды правления переняли маляры. Не только внизу в вестибюле висят плотные навесы. Мы прибыли как раз вовремя. После завершившихся вступительных экзаменов университетские профессора также будут наслаждаться свободными от лекций днями до тех пор, пока не прозвенит главный для всей страны первосентябрьский звонок.

Алексей ведет нас напрямик в находящуюся в библиотеке святыню университета. Нам покажут редкие фолианты из различных европейских стран, в том числе – и из Германии. Они попали сюда из Царскосельского лицея, где в молодости учился Пушкин. Держал ли он когда-нибудь в руках этот немецкий школьный атлас, покрывшийся сейчас множеством темных от сырости пятен? Это был самый престижный в то время лицей, открытый для всего мира. Его научная библиотека перешла во владение к УрГУ им. Горького. Вместе с библиотекарем мы вчетвером любимся книгами и при этом забываем про время.

Я узнаю, что университет им. Горького – вуз из 14 факультетов, 90 кафедр на которых учится примерно 15 тыс. студентов. В списке лучших вузов страны он занимает высокое место.

Среди историков мы знакомимся с Николаем Барановым, заведующим кафедрой современной истории. Он превосходно говорит по-немецки. Среди тем его исследований немецкий либерализм. В качестве полезного для нас подарка он преподносит нам толстую зеленую книгу под названием «Немцы на Урале и в Сибири»³⁶, которая содержит результаты немецко-русского симпозиума 1999 года.

³⁶ Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.), исследовательские проекты научно-практической конференции Германия-Россия: исторический опыт межрегиональной совместной работы в XVI–XX века, 03.-09.09.1999. Екатеринбург: Волот. 2001.

Это настоящая сокровищница. Баранов – ответственный редактор. Именно это мы и искали. Ужу вечером я начинаю читать и нахожу знакомые имена, такие как житель Мюнстера историк Лотар Майер. Его доклад «Картина Сибири в немецких трудах Герхарда Фридриха Миллера». Мир науки – это фантастическое сооружение вселенной, кажущееся лабиринтом. У кого в руках ключи от библиотеки, всё равно в каком месте, настоящий счастливчик!

Между тем мы сидим у Алексея в издательстве, обсуждаем книги и мир, не забывая при этом про Бога и про современные попытки воспринимать церковь без Бога. Это отдает «Легендой о великом инквизиторе» Достоевского, но мы уже за стихотворениями Бориса Рыжего и Юрия Казарина. Его «Каменские элегии» я бы с радостью перевел. Уважение к чтению и книгам, их прежней «святости» и личностному влиянию, тому, что сохраняется в мире Самиздата, теперь находится под угрозой. Это уже не так важно, хотя очень хорошие книжные магазины есть в каждом городе. Россия уже давно перестала быть страной, в которой даже «таксисты читают Пушкина».

Благодаря полученным подаркам мы прощаемся с пессимистическими мыслями. К тому же на цокольном этаже университета нас ждет посещение вузовского музея старика Букашкина. Впрочем, этот «антидеятель искусства» и «заслуженный дворник народа» достоин отдельной главы. А мы пока что благодарим Алексея и – в его лице – других ученых-уральцев мира, выражая нашу глубочайшую признательность в виде старорусского поклона. *Свободное искусство*, так в первых средневековых университетах называли науку, в Екатеринбурге в надежных руках. *Болонья тут, Болонья там*.

По крайней мере, и некоторые из учреждений науки здесь можно перечислить. Только для полной ясности в качестве определения к ним нужно лишь добавить «Уральское (ая/ий)»:

Отделение Российской школы частного права – Академия государственной службы – Академия управления и права – факультет государственного института физической культуры – филиал Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики – филиал Московского института предпринимательства и права – Финансово-юридический институт – Гуманитарный университет – Гуманитарный институт – Институт фондового рынка – Институт международной торговли и права – Институт международных отношений – Институт экономики, управления и права – Международный институт дистанционного образования – Международный центр дистанционного обучения – Екатеринбургский артиллерийский институт – Екатеринбургская колледж иностранных языков – Екатеринбургский государственный театральный инсти-

тут – Государственная академия архитектуры и искусства – Государственная горно-геологическая академия – Государственная академия путей сообщения – Российский профессионально-педагогический университет – Государственная лесотехническая академия – Государственная юридическая академия – Государственная сельскохозяйственная академия – Государственная медицинская академия – Государственный экономический университет – Государственный педагогический университет – Государственный технический университет – Государственный университет путей сообщения Уральского региона – Государственная консерватория им. М. П. Мусоргского – Университет экономики, управления и права – Уральское отделение Российской Академии наук...

ЗАСЛУЖЕННЫЙ НАРОДНЫЙ ДВОРНИК БУКАШКИН, ИЛИ ЛЕГЕНДА О ДАДАИСТСКОМ ЮРОДИВОМ

Для пермского писателя и специалиста по Уралу Алексея Иванова он местный дурачок, сумасшедший Екатеринбурга. И после его смерти в 2005 году мнения о том, кем был Евгений Малахин, он же Бука, он же К. Кашкин, он же Б. У. Кашкин, он же Старик Букашкин, расходятся. Для многих он был и остается живой легендой, городским «домовым», охранным духом мегаполиса, который в Свердловске – этом Вавилоне тяжелой индустрии – уберегал от засыхания своим анархически-наивным уленшпигельством пестрое дерево жизни – древо желаний, при необходимости подпитывая его и себя водой, обогащенной на сорок процентов (точнее, до 40 градусов!) и на сто процентов чувством прекрасного. Художник-шаман, который повесил на гвоздь свою профессию инженера-энергетика. Вероятно, формула Ленина «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» показалась ему идиотской для его собственной жизни. Опять же, советскому товарищу и среднестатистическому гражданину было нелегко понять, как можно променять постоянный, хотя и скудный паек, который приносил подневольный труд над возведением пирамиды власти, на путь без указателей и без куска хлеба. Но аутсайдер был кем угодно, но не пророком.

Ярко выраженный городской минималист, ожививший бетонные фасады, гаражи и мусорные контейнеры Свердловска своими красочными граффити и краткими шутивными текстами, певший на улице под балалайку или гитару, а также под всё то, на чём можно было играть. Городская администрация советской эпохи сразу приказывала коммунальным службам закрашивать его «мазню». Сопротивление. На старых видеозаписях видно столпившихся вокруг него людей: озадаченные, отвергающие, шутивные выражения на лицах. Белая ворона, экстравагантный панк-вагант, ироничный пересмешник в духе русских скоморохов XV века и Франсуа Вийона. Сам он стоит или сидит в середине, в гуще народа – именно в массовке он

часто изображал себя. Высокий и стройный, в красном поношенном кителе или «кафтани», с взъерошенной разбойничьей бородой. Дружелюбное выражение лица и крепкий звонкий голос. На голове трехцветная вязаная шапка с колокольчиками – фирменная примета авангардиста, подобная знаменитой черной шляпе Бойса. На груди слова: «I am the great Russian poet».

Вот его ответ на вопрос, почему он не написал это по-русски для своих соотечественников: «По-другому до них не дойдёт». С начала 70-х годов этот автор экспериментирует в качестве фотографа, деятеля искусств, поэта, издателя, теоретика искусств. Он основывает общество «Картинник» и самиздат «Кашкинская книга», в котором издает двадцать из своих крохотных собраний стихов, чьи гротескные шутки напоминают о Карле Валентине и, last but not least, создает движение в искусстве под названием «Дворник России».

Понятие дворника, консьержа, игриво и иронично. Многие русские интеллектуалы, художники и литераторы, музыканты, которые не могли работать по профессии в Советском Союзе, были вынуждены устраиваться на малооплачиваемую, но зато лишенную стресса, работу охранником, кочегаром или дворником, если не хотели оказаться в Гулаге в качестве асоциальных тунеядцев или по политическим мотивам. Например, в лагере Пермь-36. Трудно сравнивать европейское студенческое массовое движение 1968-го с индивидуальным протестом творцов советского андеграунда, но все же, если очень хочется провести натянутое сравнение, то следует называть «семидесятников» из СССР «Поколением дворников и охранников», как это сделал ленинградский лирик рок-группы «Аквариум» Борис Гребенщиков в своей одноименной песне.

Друзья Букашкина предпочитали называть его «панк-скоморохом». В нем они видели современное воплощение специфической русской традиции подрывных акций. Скоморохи в свое время – из-за поношения ими государства и бога – были запрещены. Букашкин не был наивен и, подобно Бертольту Брехту, знал: «Народ не дурак». Артистичный и почти по-францискански мягкий характер его жизненной философии и художественной практики особенно наглядно проявляется в его творениях, величиной подчас всего лишь в несколько сантиметров. Есть, например, грандиозный эпос Льва Толстого «Война и мир» в виде двух буковых «листочков», которые буквально отражают наполнение букв, и уверенного, но простого комментария Букашкина на обороте: «Перечитал – читаю снова». На передней странице стоят оба имени и программное название романа. Пожалуй, невозможно красивее и проще представить сложную диалектику автора и читателя, их чередующихся ролей

как партнеров по разговору, близкому общению. Магический акт самобытия без *почему, если и но*. Никакой дидактики и пьедестала. Акт свободы. Кто хочет приобщиться к миру Толстого и Букашкина, должен лишь следовать пути буков и букв.

Директор издательства университета им. А. М. Горького Алексей Подчиненов первым указал мне дорогу к Букашкину. В подвальном музее университета собраны экспонаты для небольшой выставки. Куратор с большой страстью рассказала нам о них так живо, как будто Букашкин мог слышать это из-за двери. Букашкину, по воспоминаниям, близка была идея Достоевского создать из главного героя романа «Идиот» Мышкина положительного, прекрасного человека, живущего по велению сердца. В Греции понятием «идиот» обозначали человека, которому было запрещено участие в политике. Поэтому он жил на краю общества, с политической точки зрения. То, что общества изменяются, они обязаны и таким *сумасшедшим*, как Букашкин.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ КАК ШАНС. ПОЛИНА ОКУЛОВА, АСПИРАНТКА, СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «СОЦИОЛОГИЯ»

Полина Окулова, аспирантка Сергея Вершинина по социологии, работает в «ИКЕА» и пишет о «социальном недоверии в постсоветском обществе». Полина уже не застала то время, когда в младших классах школы становились октябрятами.

Мы договорились встретиться в «Starbucks». На чужбине знакомое становится еще ближе. Латте, эспрессо, капучино...

В кафе входит молодая женщина, высокая и стройная, черный топ, темная юбка до колен, русые волосы средней длины обрамляют лицо с ясными чертами. Привлекательная по-девичьи, но уже взрослая. Это Полина. Она могла бы быть жительницей любой страны севернее пятидесятого градуса широты.

Полина, по ее словам, родилась в простой советской семье в 1984-м. Ее мама всю свою жизнь – повар в столовой. Ее бабушка работала на сортировочной станции железной дороги, как и отец, который все еще трудится там машинистом локомотива. Своего деда, который водил грузовик, Полина никогда не видела. Бабушка развелась с ним задолго до рождения Полины. Он был пьяницей. Пьянство – беда многих русских мужчин, по словам Полины. Но мама Полины рассказывала о своем отце много хорошего. Она его любила. «Он был умным, хоть и окончил всего три класса школы, а четвертый провел в коридоре», – смеялась мама. Когда отец напивался, то всегда ругал советскую власть и пел частушки. Поэтому бабушка жила в постоянном страхе. Его могли забрать в любую минуту. В 1989 году его убили во время попойки.

В детстве Полина жила с родителями и бабушкой в бараке на Сортировке, городском районе, который был построен в 20-х годах XX века около железнодорожной станции с одноименным названием. Бараки – это одно- или двухэтажные деревянные дома с одним туалетом для всех жильцов на этаже, без горячей воды. Семье полагалась одна комната на всех, включая родителей, ребенка и бабушку. В комнате была большая печь. Мыться ходили в обще-

ственную баню. Эти условия были нормальными для советского времени, в них не было ничего постыдного. Когда Полине исполнилось два годика, семья переехала в квартиру, в которой была горячая вода и душ. Им сильно повезло, потому что некоторое время спустя недалеко от бараков произошел взрыв, и они были разрушены. На Сортировке столкнулись два поезда, перевозившие взрывчатые вещества. При взрыве погибли люди, в том числе жители бараков, но, сколько точно, никто так и не узнал.

В новой квартире Полины от взрыва выбило окна и двери. Все были сильно напуганы. Мама Полины рассказывала, что люди выбежали на балконы, увидели в небе «гриб» и решили, что был ядерный взрыв. Все побежали в убежище, думали, что попали под облучение.

В России часто именно бабушки воспитывают детей, пока матери работают. Но бабушка Полины тоже работала, поэтому Полина ходила в ясли, в детский садик, потом – в школу. «У меня было обычное советское детство. Мы выросли во дворе, играли в гаражах, а коленки всегда были в зеленке. Думаю, я была счастлива», – говорит Полина, несмотря на то, что ее родители развелись. Но и в этом тоже не было ничего необычного. Когда Полине исполнилось шесть, к ним переехала ее тетя. И вскоре родилась ее двоюродная сестра. С этого времени кухня стала Полининой заботой. «В шесть лет мое детство кончилось». Но ответственность за сестру не помешала развитию девочки. Социализация в семье с пятью женщинами из трех поколений придала ей выдержку, целенаправленность и позитивный жизненный настрой.

Когда Полина пошла в школу, Советский Союз прекратил свое существование. Полина так и не стала октябреньком. Она с охотой говорит о школе: хорошо разбиралась в математике и естественных науках – еще и потому, что учителя не считали историю и обществоведение важными предметами. Ясное дело. Да и кто смог бы объяснить историю в том вакууме, который возник после распада страны? Лишь в одиннадцатом классе молодая учительница разбудила в Полине интерес к общественным наукам и истории. Проходили историю двадцатого века. Полине нравилось.

Мы спрашиваем, какие темы изучали? «Самой главной темой была Великая Отечественная война», отвечает Полина, «мы занимались ей много уроков подряд. У нас были творческие задания, мы рисовали газету, писали к ней тексты. Война была для нас главным событием двадцатого века».

- А как же Февральская революция, Октябрьская?
- Да, этим мы тоже занимались, но не так интенсивно.
- А раскулачивание, сталинизм?

– О раскулачивании говорили, знали, что такой факт был. Но не более того.

Я слышу, как вздыхает во мне учительница истории. Урок истории – это продукт многократного механизма селекции. Материал для учебника отбирается, учителя также отбирают свои темы, ученики выборочно запоминают и так же избирательно забывают пройденное. К несчастью, мы не можем знать, что из всей мучительной истории России XX века будет отобрано и забыто.

Мама Полины уловила пульс времени, посоветовав дочери заниматься социологией: «Это наука будущего. В Европе все уже давно занимаются социологией. До нас это тоже скоро дойдет». Полина окончила университет по этой специальности. У нее хорошая ответственная работа в «ИКЕА» в отделе обслуживания частных лиц и компаний и должность преподавателя на кафедре ее научного руководителя. Преподавание на четверть ставки для души (жить на это нельзя) в сочетании с хорошо оплачиваемой работой – вот как Полина видит свое ближайшее будущее. Она умело сочетает науку с заработком. Полевые исследования для своей диссертации на тему «Проблема социального недоверия в постсоветском обществе» она провела на базе филиалов «ИКЕА» в Екатеринбурге, Омске и Новосибирске. «В нашей стране недоверие широко распространено и существует на всех уровнях», говорит Полина. «Люди говорят: я не верю моему соседу, моему начальнику, не знаю, заплатит ли он мне зарплату». Результаты ее исследований показывают, что работники «ИКЕА» демонстрируют высокую степень доверия по отношению к своему предприятию. Корпоративная философия «ИКЕА», как говорит Полина, предполагает горизонтальную иерархию между начальником и подчиненным, люди работают в компактных командах с понятными задачами, информация открыта и доступна. На тренингах сотрудников обучают обслуживанию клиентов. Для русских не так уж очевидно, что под этим понимается, думает Полина. «У нас люди от природы не очень вежливы, они не особенно утруждают себя заботой о клиенте».

Наши воспоминания о советском времени подтверждают мнение Полины. Иногда в ресторанах и магазинах ты был рад уже тому, что тебя вообще обслужили. Но сегодня покупатель – король. Капитализм воспитывает своих детей. В «ИКЕА» люди чувствуют себя членами одной большой семьи, но за ее пределами окружающий мир кажется им враждебным, их недоверие возрастает.

Причины этого Полина пытается отыскать в своей диссертации. Она считает, что произошла резкая смена общественного порядка и культуры совместного быта. Разрушение традиций и мате-

риальных оснований крестьянских и купеческих семей после революции, травма, нанесенная всепроникающим страхом перед доносами, затем слом советской культуры доверия к государственной власти, к комсомолу и коммунистической партии, шоковая терапия дикого капитализма, насильственная переоценка всех ценностей дважды в течение одного столетия. Как в таких условиях могла развиться стабильность и позитивная идентичность? «Каждый верит только самому себе и ближнему своему, то есть родственникам», – пишет Полина. «Именно поэтому в нашей стране так успешно развиваются семейные бизнесы».

Сама Полина не страдает от недостатка доверия, она верит в себя, в свое будущее, в которое она идет, ясно его представляя. Почти все подруги уже замужем, есть дети. Она же хочет пожить для себя. Говорит, что до тридцати можно подождать. Сейчас важно сделать карьеру. Друг Полины тоже так думает. Совместную жизнь Полина хочет строить с человеком, сильным духом и увлеченным предпринимательством, способным содержать семью, так, чтобы она могла посвятить себя детям.

Полина зарабатывает достаточно, чтобы поддерживать семью и позволить себе небольшой автомобиль. Ей лучше живется, чем поколению мамы и бабушки. «У нас больше свободы, больше возможностей для самореализации, чтобы найти себя. В Советском Союзе человек не мог пойти своим путем. Все было предопределено заранее. Я могу сказать о себе, что я счастлива, что иду своей дорогой, при этом не пренебрегаю заботой о близких». Но она признает, что такая свобода по плечу далеко не каждому. Некоторые ее одноклассники стали наркоманами, кто-то попал в тюрьму. Полининой бабушке тоже оказалось нелегко приспособиться к изменениям. Сегодняшняя жизнь кажется ей ужасной. Она родилась в 1933 году и существенно сформировалась как советский человек: «Она искренне верила в комсомол, отдавала душу своей службе в милиции, позже была лучшей работницей того предприятия где работала», – рассказывает Полина. Бабушка с ностальгией вспоминает советское прошлое, где люди могли не переживать о своей работе, об этом заботилось государство. Детский сад, школа, образование, работа, пенсия – все было регламентировано. И это было правильно, уверена бабушка и многие люди ее поколения.

В разговорах, которые мы ведем, нередко из политических убеждений или в попытке объяснить сложившуюся политическую систему, люди выражают мнение, что в России не может быть демократии.

Что думает об этом молодой социолог?

Полина решительно против подобного отрицания. Нет генетических препятствий к развитию демократии. Проблема России в том, по словам Полины, что демократия насаждается сверху, а не развивается снизу и изнутри. Поэтому, объясняет Полина, возобладала сила преемственности. Бывшая КПСС превратилась в «Единую Россию», партию власти. Но, несмотря на это, сегодняшнее время не похоже на Советский Союз. У людей больше возможностей, возможностей ездить за границу, видеть, как живут другие люди, они могут получать информацию по Интернету, заводить в сети новые контакты. Это будет постепенно изменять их сознание.

Полина считает, что большую проблему представляют разрывы в уровне сознания, образовательные нестыковки, что существуют между городом и деревней. Несколько недель назад Полина с подругой ездили в их родной город Реж, находящийся менее чем в ста километрах от Екатеринбурга.

«Мы вышли из машины, – рассказывает она, – стояла хорошая погода, и у меня было чувство, что все вокруг пьют пиво, даже младенец в коляске».

В небольших провинциальных городах и деревнях высок процент людей, страдающих алкоголизмом. Работы нет, нет училищ и техникумов, образовательных учреждений повышения квалификации. По словам Полины, уровень культуры и духовности в таких городах очень низкий. Если молодые ребята не вырвались вовремя из такого места, не получили какого-то образования, то они, по ее мнению, уже потеряны для успешной жизни. Уровень доходов в провинциальных городках часто не позволяет родителям отправить своего ребенка получать образования в другой город. «И это большая проблема, так как многие просто допиваются до смерти».

Как она со своей уральской колокольни смотрит на Европу?

«Честно говоря, часто с завистью», спонтанно отвечает она. Она бы с удовольствием пожила в Европе пару лет, если бы представилась такая возможность. В Екатеринбурге ее держит семья, которую в данный момент она не может оставить, и друзья. Планирует ли она перебраться в Москву? Ее дядя живет в Москве и приглашает ее остановиться у него, когда у нее будет отпуск. «Какой отпуск, дядя, – отвечает Полина, – я тут тружусь, как каторжная».

Своей стране Полина желает здоровья. Душевного и физического. «Здоровье государства подорвано: трудно свободно дышать полной грудью, оттого и нет спокойствия. Нам нужна стабильность и меньше волнений для обычных людей. У нас очень много измотанных и изнуренных людей».

ЛЮДМИЛА ШЕГАЛ, ДОЧЬ САМСОНА И РАСТАФАРИ

Она родилась в 1989-м, в год революций в государствах Восточного блока, в центре тогдашнего Свердловска, в роддоме напротив Вечного огня на площади коммунаров. В этом городе она прожила и провела все свои молодые годы.

Напротив нас на бордовом плюшевом диване кофейни «Чайковский» сидит Людмила Шегал. Сейчас одиннадцать утра, и в заведении почти никого нет. Ненавязчиво звучит Луи Армстронг. Людмила выглядит очень юной, она небольшого роста и с тонкими чертами лица, но при этом самодостаточная и рассудительная. Ее темно-каштановые, украшенные жемчужинами дреды заплетены в косу. На нас смотрит чувственное лицо с живыми темными глазами, четко очерченным носом и мягким, как у Джулии Робертс, ртом. Большое удовольствие чувствовать энергетику ее юношеской непосредственности, слушать, как она живо и умно рассказывает.

Еще год назад она жила в трехкомнатной квартире со своими мамой и тетей, сестрой, бабушкой и дедушкой (он умер в 1996-м). Отца она не знала. Дочь своей тети называет сестрой, без эпитета «двоюродная». Семья из пяти женщин.

Мама работала на радиофаке Уральского политехнического института, тетя была инженером. В советское время она трудилась в закрытых от посторонних глаз структурах университета, работавших на оборонку. Сегодня занимается техническими разработками для частного бизнеса.

Дедушка и бабушка Людмилы родом с Украины. Бабушка родилась в Днепропетровске, воевала в Великой Отечественной войне, приняла участие в штурме Берлина.

Дедушка из еврейской семьи, проживавшей неподалеку от Киева. Людмила очень сильно идентифицирует себя с ним, несмотря на то, что она его мало знала: он умер, когда ей было семь. Но она запомнила его рассказы. Айзик Волькович Шегал страстно хотел пойти на фронт воевать с фашистами, но не смог из-за болезни глаз. Так как он занимался стальными конструкциями, то его вместе с производством эвакуировали на Урал. После войны он вернулся

в Запорожье, участвовал в восстановлении Днепрогэс. В своих мемуарах «Возрождение»³⁷ Леонид Брежнев, отвечавший на Южном фронте за эвакуацию местных оборонных предприятий из Днепрпетровска на восток, вспоминал об участии в этом еврейского архитектора Шегала. Людмила замечает, что Брежнев преуменьшил заслуги дедушки и отметил их только мимоходом. «Но Шегал был евреем и не имел пролетарского прошлого» – говорит она. «Его семья работала перед революцией на буржуазию». Прадедущка был главным бухгалтером на сахарном заводе Бродского, рабом буржуазии и потому идеологически подозрительным.

Людмила очень хотела бы узнать, кем был ее отец. Но еще год назад все упорно отказывались отвечать на ее вопросы. В какой-то момент она поняла, что он, дядя Гена, был коллегой мамы, и что она ходила в детский сад в одну группу со своим сводным братом. «Я бы хотела посмотреть ему в глаза, чтобы понять, почему ему наплевать на мое существование, хотя я кровь от его крови и во мне его гены», говорит Людмила. «Но только год назад моя мама сказала мне, что он мой отец, а у меня были более важные вещи в тот момент, чем пытаться установить контакт с отцом и доставлять неприятности моей маме».

Девять лет она училась в школе номер 38. Ее воспоминания неоднозначны. У нее были хорошие учителя, но никто долго не задерживался в этой школе, потому что директор был сторонником Жириновского и вел себя соответственно. «Вы знаете, кто это такой?» Весь мир знает его, скандального популиста, основателя праворадикальной партии русских националистов, и, вопреки или благодаря своему еврейскому происхождению – его фамилия первоначально была Эйдельштейн – ярый антисемит. Антисемитизмом отличался и директор Людиной школы, который преподавал в ее классе географию. Он смеялся над ней, издевался и унижал четырнадцатилетнюю ученицу.

Людмила была достаточно уверена в себе, чтобы не давать себя в обиду. «Я грубо отвечала, собрала свидетельства против него и пригрозила ему». В десятом и одиннадцатом классе Людмила училась в лицее, где сформировался ее интерес к изучению истории. Развивался также и ее аналитический ум, и дар рассуждения. «Сталин, – по ее словам, – был в той же мере гениальным, сколь и ужасным. С одной стороны, его роль в войне нельзя преуменьшать, но, с другой стороны, он же уничтожил весь генералитет и по-

³⁷ Ведь А. В. Шегал был разработчиком проекта, который позволил восстановить гигантскую домну № 3 за пять с половиной часов вместо двух месяцев. Не случайно, что Людмилину дедушка получил тогда Сталинскую премию!

ловину интеллигенции». Он был противоречивым человеком, и отношение к нему столь же противоречиво. К примеру, соцреализм в искусстве и в кино – это интересное явление, со своим глянцем и гламуром, с советским техническим акцентом. С другой стороны ясно, что за этим скрывалось. Самая большая загадка Сталина – как ему удалось создать такую глобальную мистификацию, ведь потемкинские деревни были везде. Все пятилетние планы были искажены, имитированы, но вся страна верила в них. Кроме тех, кто сидел в тюрьме, все верили, что живут в лучшей стране в мире».

Людмила опережала свой возраст. Она говорит, что повзрослела в одиннадцать лет. Она объясняет это высокой степенью самостоятельности и ответственности за себя, которая возникла как неизбежный результат ситуации в семье. Мама и тетя много работали, чтобы дать дочерям как можно лучшее образование. Обе дочери окончили музыкальную школу по классу фортепьяно, сестра Людмилы училась в детской художественной школе, она же посещала театральный кружок. В свободное время сестры были предоставлены сами себе. У Людмилы не было потребности еще и дома готовиться к школьным урокам. Училась она хорошо. «У меня не было переходного возраста. В одиннадцать я начала курить и курю до сих пор, из-за чего я уже начала переживать. Когда выйду замуж и решу иметь детей – брошу». Ей кажется нормальным то, что подростки пьют, курят сигареты и травку. Она сама равнодушна к алкоголю. Она, скорее, видит себя в компании тех, кто может иногда забить косячок. Это, как и дреды, больше подходит к тому образу жизни, который она выбрала. Поэтому нет ничего удивительного в том, что она выступает за легализацию марихуаны, как в Нидерландах или Чехии. «Покурить иногда после долгого рабочего дня – это замечательно».

Ее дреды – это прическа или мировоззрение?

«Стопроцентно – мировоззрение и стиль жизни», отвечает Людмила. Религию растафари она трансформировала в свою собственную версию, которую она называет «эстетикой постмодернистского растафарианства». Эта версия состоит в соединении растафари с её выраженной еврейской идентичностью. До восемнадцати лет Людмила проводила много времени в молодежной еврейской организации «Сохнут». Ее дреды для неё – также символ еврейского происхождения. История Самсона, чья сила была в волосах, была образцом для растаманов, убеждена Людмила. «Когда мне было семь, мама подарила мне детское издание Торы в картинках. Там был изображен Самсон, его волосы выглядели в точности как дреды. Для меня дреды – это символ моей внутренней силы и мудрости, если, конечно, в моем возрасте можно об этом говорить,

а также моей связи с природой, с первоначалом, с культурой в ее исходном значении».

С десятого класса Людмила находится в регги-тусовке. В ней она познакомилась с людьми, которые изучали философию. В детстве она была убеждена, что пойдет по стопам тетушки и станет студенткой радиофака. Позднее она думала, что пойдет изучать историю или журналистику. Но под влиянием регги-тусовщиков она поступила на философский, не только потому, что для нее была важна учеба, но и из-за своих друзей и их стиля жизни. Они живут вместе в трех расположенных по соседству квартирах, своего рода коммуной. Все, кроме нее, мужчины. Они все очень близки, атмосфера дружеская. «Вот если бы меня накрыло и я бы целый день распевала Хари Кришна, то все было бы окей. Для меня они стали второй семьей. Многие путешествуют, кто-то приезжает, кто-то уезжает. Все в движении».

Людмила живет в одной квартире с двумя художниками стрит-арта. Они рисуют в переходах и на стенах домов, как с разрешения властей, так и без него, и рады тому, что полицейские их самые преданные зрители. Совсем недавно прошла крупная акция стрит-арта – международный фестиваль уличного искусства.³⁸

Фестиваль «Стенография» в Екатеринбурге

Крупнейший фестиваль стрит-арта в России «Стенография» в течение трех дней будет проходить в Екатеринбурге. Участие в мероприятии примут около ста художников из 25 городов и трех стран мира. Основной темой фестиваля стал Екатеринбург как граница между Европой и Азией. Об этом на пресс-конференции заявил куратор фестиваля Евгений Фатеев.

Новости E1.ru, 03 июля 2010 года³⁸.

Музыка занимает важное место в жизни Людмилы Шегал. Когда ей было четыре, родители водили ее на джазовый фестиваль на Уралмаше. Выступали музыканты из США. Запомнилась чернокожая певица в длинном серебристом вечернем платье. В ее памяти остались также красивые музыканты-афроамериканцы, которые играли на духовых инструментах.

³⁸ https://www.e1.ru/news/spool/news_id-52339321.html

В музыкальной школе, на занятиях фортепьяно, она полюбила классику. И теперь часто ходит в филармонию, там отличный оркестр. Не так давно она была на концерте, где играли Шнитке. «Я не могу описать эмоции, которые пережила. Он превосходит всех: Баха, Моцарта, Бетховена», – говорит Людмила.

Ее друзья в клубе играют регги и хип-хоп. Людмила сочиняет стихи. Сама она музыку не пишет (о чем сожалеет), разве что иногда делает аранжировки для синтезатора. Зато она часто ходит на концерты. Музыка регги в России популярна. Нередки выступления мировых звезд: The Wailers, Skatalites, представитель направления рагга-джангл General Levy, Demolition Man.

В этом году Людмила отпраздновала свой день рождения... на верхней полке плацкартного вагона. Она ехала в поезде в Москву на концерт Ману Чао. «Мои ощущения, энергию, которая наполняла зал, нельзя описать словами», – рассказывает Людмила, все еще под большим впечатлением.

Специализацией Людмилы на философском факультете была эстетика, дипломную работу она написала о киноискусстве в период постмодерна. Она бы очень хотела этой осенью поступить на заочное отделение режиссуры в питерский кинематографический университет, но денег на это нет ни у нее, ни у ее мамы. Она хочет стать режиссером, потому что в этой профессии она может быть свободной, жить так, как ей нравится и носить дреды.

Потенциальные работодатели ей часто говорили: «Девушка, Вы умная, симпатичная, общительная, мы бы с удовольствием Вас приняли. Но не могли бы Вы сменить прическу?»

Людмила знает, что она не такая, как большинство ее сверстников, и в этом ее сила, так как она нашла себе подобных, среду, в которой она может расти. Во время встреч с одноклассниками она обращает внимание на различия в системах ценностей. Многие думают, что они счастливы, имея машину, квартиру и сто тысяч рублей. Они считают, что глупо работать, как она, за пять тысяч в месяц. Людмила говорит: «Для меня самая главная ценность в жизни – это действовать так, чтобы мои действия не только меняли человечество к лучшему, но и оставили след в культуре. У меня с детства была потребность творить – если не что-то особенное, то хотя бы более или менее значительное. И мне важно быть внутренне свободной».

Распространяется ли ее стремление на изменения в сфере политики? Нет. Людмила не верит, что в политике что-то меняется. Как бы ни назывались системы: монархия, коммунизм, демократия – в конечном итоге все равно правит батюшка-царь. Она признается, что в ней жив страх перед политикой, унаследованный

от родителей и бабушки с дедушкой. И хотя ее дед получал награды за ударный труд в годы войны, он стоял перед выбором: либо работать так, чтобы получить медаль, либо пойти под расстрел. Этот страх передался ей. Степень контроля в государстве высока. Но внешние контакты через Интернет – это определенная гарантия того, что установление тотального контроля уже нереально. Кажется, что Людмила все-таки не потеряла веру в возможность изменения общества. А иначе не подписала бы она петицию, распространяемую через Интернет, «Путин в отставку». Призыв одной из основных фигур оппозиции, правозащитника Елены Боннер, ведущих деятелей культуры и оппозиционных политиков к освобождению от авторитарной клептократии Путина Людмила воспринимает как первый шаг на пути к свободной России. Не зря же сопровождала свою подпись ремаркой: «Если его не удалить из политики в ближайшее время, нам запретят читать не только Оруэлла и Хаксли, но и собственную конституцию».

Какой Шегал видит Европу с ее восточных границ? Европа для Людмилы – это место, где уровень возможностей и свободы значительно выше, чем в России. Она не стала бы исключать шанс эмиграции в Европу, США или Израиль. Но ни в коем случае не стала бы отказываться от российского гражданства. «В данный момент я счастлива здесь», – говорит она, – «тут моя семья, мои друзья, без которых я не представляю себе жизни. Здесь мой возлюбленный, с которым я очень счастлива. У меня тут учеба, которая мне очень нравится, работа, которую я люблю. Зачем мне уезжать отсюда?»

Людмила черпает силу из своей семьи, своей русско-еврейской идентичности. «Я – Шегал, – говорит она. – Я, как и каждый другой человек в этом мире, – неповторимое существо, единственное в своем роде».

НЕМЦЫ НА УРАЛЕ. В ГЕНЕРАЛЬНОМ КОНСУЛЬСТВЕ

Генеральное консульство существует в Екатеринбурге с 2005 года. Это одно из семи представительств Германии в России. Дальше на восток, в Сибири, консульства есть только в Омске и Новосибирске. Но и Урал слишком велик для того, чтобы охватить его размеры и, значит, охват территорий консульского округа, немецким воображением: 2247 млн кв. км, девять регионов или субъектов Российской Федерации, 21 млн жителей. Территории Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании вместе взятые – меньше, чем Уральский промышленный регион Российской Федерации.

Эти и другие факты легко можно найти в Интернете, но вот чего нельзя сразу там найти, так это сведений о немцах, которые работают здесь на благо Германии, о чем последняя, скорее всего, и не подозревает и вряд ли может оценить эту работу по достоинству.

Как чувствуют себя здесь эти люди? Стали ли они своими в тех местах, о которых на их Родине можно лишь изредка услышать – да и то только на уроке географии? Какие задачи они выполняют в Екатеринбурге? Каковы их суждения и оценки о крае и здешних людях?

Заготовив эти вопросы, мы едем в Генеральное консульство, которое расположено на улице Куйбышева, 44, в World Trade Center. На разговор с Генеральным консулом доктором Шимкорайт и господином Шрифферхоффом. Референт по вопросам экономики и культуры снабдил нас информацией уже в Челябинске и назначил встречу в десять утра. Мы проходим последний отрезок пути до «Атриум Палас Отеля» и ищем вход с немецким орлом. Расположение в престижном районе недалеко от бывшего Сибирского тракта, который, как нам подсказывало наше немецкое воображение, вел напрямиком в Сибирь. Напротив – красивая церковь, которая составляет классический контрапункт модернистскому стилю хай-тек.

В фойе много людей, теснота и терпеливое ожидание. Выдача виз и договор об упрощении визового режима. Для многих это большая тема. Маленький лифт и тесные коридоры – кажется, что

консульство скоро порвется по швам. Нас ожидают в зале для переговоров. Встречают нас Флориан Шрифферхофф, вице-консул Маркус Форстер, русская сотрудница Валентина, удивительно юные, открытые и обаятельные. К сожалению, генеральный консул в данный момент не может с нами увидеться. И приходит позже буквально на минуту, но остается дольше, чем планировала. Она человек харизматический и целеустремленный. Миссия в Екатеринбурге для нее – отнюдь не ссылка в провинцию, а особое место работы, которую выполняешь с радостью. И ее словам веришь. Двусторонние отношения между Германией и Уральским регионом развиваются все активнее, и это касается не только экономики. Это понятно и потому, что открывается все больше иностранных представительств, которых уже около двадцати. Германия – важный торговый партнер предприятий края. Флориан позднее даст нам довольно длинный список немецких предприятий, которые инвестировали средства в будущее развитие Уральского региона. Консул желает нам успехов в наших изысканиях и поддерживает нас в намерении привлечь внимание наших соотечественников к незаслуженно малоизвестному в Германии Уралу. Почти что белому пятну на карте. Она просит прощения за то, что вынуждена уйти, ибо вот-вот грядет Петербургский диалог с его многочисленными рабочими группами.

У троих оставшихся есть больше времени для нас. На карте, которая висит на противоположной от нас стене, Маркус Форстер показывает девять консульских округов, занимающих площадь от Полярного круга до казахских степей. Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский АО – Югра, Пермский край, Свердловская, Тюменская, Курганская, Челябинская, Оренбургская области и Республика Башкортостан.

На этом пространстве Генеральное консульство не только лишь присутствует, но и решает, прежде всего, консульские и правовые вопросы и устанавливает контакты в сфере культуры. Федеральная земля Баден-Вюртемберг и баварские города имеют партнерские отношения со Свердловской областью. Германия привлекательна как туристическое направление, как страна, где можно получить образование и работать. Думаю, что и Урал для немцев – хорошее место для работы, учебы и отдыха. Но о нем пока мало кто знает. Пока Урал остается для немцев терра инкогнито.

Волна иммиграции русских немцев в Германию схлынула, но нам, чтобы было у кого навести справки, дают телефон Александра Отговича Граминского, председателя Национально-культурной автономии, то бишь немецкого землячества Екатеринбурга. В ноя-

бре 2009 года открыт новый мемориал немецким военнопленным на Широкореченском кладбище – крест с двумя серыми стелами. Но на кладбище похоронены и защитники советского отечества, поэтому вначале местные ветераны были против памятника. У Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями мудрый девиз: примирение над могилами – работа во имя мира. Благодаря вовлечению консульства в публичное обсуждение вопроса и дипломатическим усилиям его сотрудников, лозунг примирения возымел свое действие. Жертвы войны упокоены с миром, у родственников есть место поминовения.

Наш разговор обращается к делам насущным. У Маркуса Фостера русская жена, по профессии врач, и теща из Киргизии. Трое детей ходят в русский детский садик. Даже скептически относящиеся к самой возможности интеграции в чужую ментальность баварские уроженцы (у них это от собственной региональной самобытности) вынуждены признать уникальную интегрированность молодого вице-консула к местной культуре. Маркус не только отлично говорит по-русски. Узнав, что мы ищем фильмы для наших Дней русского кино в Мюнстере, он приносит пачку дисков с хорошим русским кино. Слава Богу, DVD – легкая ноша. Один из этих фильмов мы покажем. «Как я провел этим летом». Это будет большой успех. Нам сопутствует удача.

У Валентины для нас брошюры на немецком, Флориан приглашает нас на прогулку в природный парк и дает нам адрес своего русского друга Михаила Пономаренко, который ведет сайт на английском языке, где можно найти всю информацию о важных и неважных событиях в городе (с ним и его подругой мы позже сходим в ресторан, поедим потрясающих пирогов с грибами под ароматный чай и осмотрим граффити в подземных переходах и клубах). В консульстве нет недостатка в идеях и советах, как провести время и что посмотреть. Мы договорились посидеть в один из вечеров вместе и выпить пива. Немецкое консульство оказалось местом, где можно найти действительно приятных людей и быстро погрузиться с их помощью в русскую жизнь. И Флориан, с которым нас объединяют вестфальские связи (мы увидимся с ним в марте в Дорстене в доме его родителей, куда он привезет каталоги Индустриальной биеннале), тоже легко находит общий язык со здешними людьми, ему нравится русский язык и его работа. В качестве своего следующего места работы он видит Минск.

В компании с Флорианом мы болели за сборную Германии на чемпионате мира по футболу. Совсем рядом с кварталом, где

мы поселились, в баре с большим экраном собирается все местное немецкое сообщество, включая командиров экипажей и стюардесс Lufthansa, которое сидит там до закрытия. Мы в квартире шефа представительства этой авиакомпании в Екатеринбурге, мы видим свои окна из его квартиры. И после игры и несбывшейся надежды, мы потихоньку отправляемся домой: вновь Германия стала лишь чемпионом наших сердец, заняв только третье место.

НЕМЦЫ В РОССИИ. РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ ГРАМИНСКИМ

Не все русские немцы уехали из России за последние несколько десятков лет. Те, кто остался, объединились в Национально-культурную автономию немцев Екатеринбурга. С председателем этой организации Александром Граминским мы встретились в кафе на Вайнера. Разговор у нас выходит эмоциональный.

Мы говорим по-русски, так как немецкий язык сохранился не у всех русских немцев. В автономии активных участников около 70. Автономия, слово, которое использовано в названии землячества, – самоуправление. Да, они сами ставят перед собой цель сохранять идентичность, не предаваться унынию и не зацикливаться на неизбежности эмиграции. Исходный тезис: Родина – Россия, а Германия и ее культура – это то, что нам досталось от предков. Однако, что в каждом конкретном случае родина, а что – происхождение? Эти понятия для русских немцев означают потери, разбитые человеческие судьбы.

Истории русских немцев – еще одна трагическая глава в этой богатой на драматические сюжеты стране. Русские немцы, виноватые без вины, заплатили за военные преступления Гитлера и гитлеровской Германии жизнью, здоровьем, потерей семей, родины, имущества, частично – и родного языка. Вина за это – на сталинском режиме. Все вместе и каждый по отдельности, без разбирательств, несмотря на социальный статус, образование, возраст, убеждения, эти люди попали под подозрение в предательстве и были насильственно выселены в азиатскую часть страны с ограничением прав. Автономная Республика Немцев Поволжья была ликвидирована, как и другие области, не имевшие статуса автономии. В коллективной памяти русских немцев 28 августа 1941 года осталось как день подписания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Сталин распорядился об этом 26 августа 1941 года и поручил исполнение указа НКВД, комиссариату террора и ГУЛАГа. В 2011 году исполнится

70 лет со дня подписания этого указа. Рассказы об этих событиях передаются из поколения в поколение, они стали частью российской истории, германо-российской истории и той памяти культуры, что важна как для очевидцев этих событий, так и для будущих поколений, о просвещении которых заботится общество «Мемориал».

О том, что случилось со всеми нами, нужно помнить. Так же, как нужно помнить немецкий язык тем немцам, которые хотят остаться в России. На прощание Александр Граминский дарит нам книгу Феликса Яковлевича Соломоновича о судьбе немцев – спецпереселенцев в Свердловской области в «Трудармии» (эвфемизм принудительного труда). Он написал к книге предисловие и предоставил материалы для исследования. Книга вышла в небольшом екатеринбургском издательстве в 2009 году на русском языке³⁹. История этих людей в возрасте от 15 до 55 лет представлена сухими данными о скупом пищевом пайке и списками умерших трудармейцев, воспоминаниями обитателей Ивдельлаг. Показана их послевоенная жизнь, без возможности возврата к прежде обжитым местам, реабилитация на излете судьбы.

Основатель Екатеринбурга, немец де Геннин смотрит в будущее вместе с соратником Татищевым, символически скрепляя вклад двух народов в основание уральского региона.

Тоненькая книжка содержит важнейшие факты, называет всех преступников по именам, создает сопротивление забвению и безызвестности. Непостижимое остается, остаются ужас и подавленность. По ту сторону слов, скорбь. Мы, потомки... Мы спаслись от этого...

³⁹ Ф. Соломонович. «Узники совести» в краю белых ночей. – Екатеринбург: Изд-во АМВ, 2009.

ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА. ИСТОРИЯ ОДНОЙ УРАЛЬСКОЙ СЕМЬИ

Валентина Андреевна Дюкова – бабушка Ольги. В начале 1990-х годов, Оле было 15 лет, она, ее мама, отец (русский немец) и младший брат уехали в Германию. Ольга посоветовала нам навестить ее бабулю: «У нее найдется что вам рассказать. И пирожками вас накормит», – напутствовала нас она.

Валентина Андреевна живет в Кольцово. Это далеко от центра, рядом с аэропортом. Мы едем на такси в район хрущевок, построенных в 1950-е годы. У каждой квартиры свой небольшой балкончик, в тенистых дворах много зелени, деревья, успели за долгое время высоко вымахать.

Проехав мимо помойки, водитель такси находит-таки нужный нам подъезд.

У подъезда нас уже ждет бабушка Оли, подвижная невысокая женщина в бледно-розовом свитере, волосы у нее седые, коротко подстрижены, она заправляет их за уши. Без видимых усилий 82-летняя Валентина Андреевна поднимается с нами на пятый этаж. Мы удивляемся ее бодрости. Она смеется: «Да», моя дочь каждый день звонит из Германии и проверяет, успела ли я позаниматься физкультурой». Нам бы физкультура тоже не помешала, думает каждый из нас, когда мы, наконец, кряхтя, подходим к квартире. Валентина Андреевна приглашает нас в гостиную своей просторной трехкомнатной квартиры. Небольшой застекленный балкон весь засажен помидорами: от подоконника до самого потолка натянута ряды шпагата – по ним лианами вьются вверх кусты плетений, между ними висят маленькие – красные, оранжевые и желтые – плоды, очень вкусные, в чем мы сами скоро убедимся.

«Ну, чем-то же надо заниматься», – говорит Валентина Алексеевна. Маленький стол у стены накрыт, тарелки, чашки и горка ароматной выпечки. Мы отодвигаем чашки, чтобы разместить микрофон: сначала работа, а еда потом. Олина бабушка рассказывает своими яркими голубыми глазами, своими руками, своим телом. «Я родилась

в селе Огнёво тогдашней Уральской области (сейчас это Челябинская область) 16 октября 1927 года в крестьянской семье. Мой отец был 1877 года рождения. У меня три сестры. Отцу было уже пятьдесят лет, когда он женился на моей матери, а маме – тридцать пять, она была на пятнадцать лет моложе его. Первый ее муж погиб в Первую мировую, второй пил и умер от белой горячки. Третьим мужем был мой отец. У него к тому времени было семеро детей, и у мамы была дочка от второго брака. Они сошлись. У отца было в Огнёво два дома: деревянный и кирпичный. Он никогда не нанимал работников. Землю свою он обрабатывал сам с тремя сыновьями, косы и молотилки тоже сами делали. Мы жили у озера, у нас были гуси и утки, коровы и лошади, все, как на селе было раньше заведено.

На берегу, недалеко от нашего подворья, жил в ветхой хибаре проходимец и пьяница. Он ловил рыбу – и себе на еду и на продажу, чтобы было на что жить. Когда пришла советская власть, он быстренько вступил в партию. И хотя он не умел ни читать, ни писать, его, неграмотного, сделали секретарём партячейки. В 1930 году началось раскулачивание.

Нашего отца раскулачили в 1931-м. Мне тогда было три года, ничего не помню, еще маленькая была. Мне мама позднее рассказывала.

Так вот этот тип был тогда партийным секретарем. Его прозвали «бесом Ильича». Раскулачивание проходило радикально. Отец предложил матери: давай запишемся в колхоз. Они каждый день уводят в колхоз лошадей у десятков хозяев, дома у них отбирают, все ценное уносят, а самих владельцев уводят в тюрьму. Но мать не хотела. Она ему говорила: мы ведь никого не трогаем, наемных работников у нас нет, чего нам бояться?

Отец все-таки вступил в колхоз. У нас забрали все, что было – коров, лошадей... В колхозе мой отец делал праздничную – с бубенцами – упряжь для лошадей. Мама не работала: мы, три девочки, были еще маленькие. Она была мастерицей, для деревенских шубы из овчины шила, с обметанными краями и вышивкой. Мама и школу окончила. Она даже грамоту получила на пушкинском конкурсе. И отец мой умел читать, писать и арифметику знал.

Ну вот, они были в колхозе и работали там. Однажды пришел этот человек, партсекретарь, и говорит моему отцу: «Андрей Михалыч, дай мне десять килограммов мяса. Ко мне гости едут из областного комитета партии. Мне их угостить надо».

Мой отец пожал плечами и дал ему мяса.

Через две недели тот снова пришел. «Андрей Михалыч, ко мне едет из области партком. Дай мне пять кило мяса».

Тут мой отец вышел из себя. Он сказал: «Иван Михалыч, не видишь, у меня одиннадцать детей. Мне тринадцать ртов кормить надо, я все отдал в колхоз». И не дал ему мяса. Той же ночью в три утра пришли, подняли нас, отца к одной стене поставили, мать к другой, нас детей голеньких на телегу посадили, а был июнь, ночи холодные. Мать и отец стояли, а мы, детишки, сидели и плакали. Прибежали соседи и говорят: «Мария, возьми овечью шкуру, брось на пол, чтобы дети не сидели на голом полу. Старшая сестра нас прикрыла. Матери велели залезать на телегу, а она побежала в дом и хотела из самовара нам заварки дать. Но партийный секретарь взял ее и вылил. Вот такой мерзостный он был, злой. Я этого никогда не забуду. И до сих пор я против коммунистов.

Нас увезли далеко, в Ирбит в Свердловской области. Там нас прямо на поле высадили. Слава богу, мир не без добрых людей. Они дали нам еду. Жили мы в землянках. Пришла осень, стало холодать, не знаю, как мы выжили. Позднее нам дали лопаты и кое-какие инструменты, и мужчины из тех семей, которых вывезли, начали обрабатывать поля. Они создали бригаду и построили бараки, двадцать квартир и комнаты по двенадцать квадратных метров каждая. Вот в этих бараках мы все и жили: отец, мать, брат с женой и ребенком, сестры. Мы жили там под постоянным контролем комендатуры. Если надо было в больницу или еще куда-то, надо было получить разрешения. Документы у нас отобрали. Без разрешения никуда нельзя было отлучиться. Если мы куда-то уезжали, нас потом проверяли. Кто самовольно покидал место проживания, получал три года тюрьмы. Только в 1943-м, когда мне исполнилось шестнадцать, нам выдали паспорта.

Мы все много и тяжело работали. И дети тоже. Моя мама меня в шесть лет уже в няньки отдала. Я смотрела за трехлетним ребенком, он почти не ходил, был толстый и тяжелый. Я все время его носила на руках; если он не спал, то и ночью тоже. У меня с тех пор опущение почки. До сих пор я ее чувствую. Однажды в воскресенье я прибежала к женщине, за чьим ребенком я ходила. Плачу и говорю ей: «Тетя Лиза, пожалуйста, я Вас очень прошу, отпустите к маме». Она меня отпустила, и я три километра босая бежала к маме. А вечером меня мама обратно привела. И она ревела, и я тоже.

Я говорила: «Мама, пожалуйста, можно я останусь с тобой, я тебе буду во всем помогать». А она: «Доченька, нельзя, не получится».

Три года я нянькой работала. Эти люди мне покупали одежду, кормили меня, но и только. А моя мама, хотя ей и тяжело было на сердце, и этому была рада. Вот так и прошло мое детство.

Нашего отца то и дело отправляли в тюрьму, потому что он никак не мог рот закрыть, все продолжал оспаривать справедливость раскулачивания и депортации. Он пробовал нас реабилитировать. С помощью двоюродного брата, который работал в сельсовете, он писал в разные инстанции, пытался выяснять, за что его раскулачили, ведь он не нанимал работников и потому никакой не кулак. Единственная причина могла состоять в том, что он не дал мяса местному партийному руководителю. Ему отвечали: «Если тебя раскулачили, то по заслугам». И снова его бросали в тюрьму. За свои вопросы в итоге он получил три года, считался кулаком, чуть ли не врагом народа. Как он вышел из тюрьмы, то решил с нами вместе бежать. Это было очень опасно, потому что за нами все время следили. Отец разделил семью. Если бы что-то пошло не так, то хотя бы половина семьи уцелела. Моя сродная сестра, дочь отца от первого брака, была на тот момент уже взрослой, она должна была взять двух моих старших сестер Анну и Серафиму и бежать с ними на поезде в Киров, а при проверке выдавать их за своих детей. Моя мама, отец, моя сестра Шура и я отправились пешком. В городе Кирове мы все должны были соединиться.

Почему мы выбрали именно бывшую Вятку, я уже сказать не могу. Она была от нас так далеко, на северо-западе Советского Союза. По дороге мы питались рыбой, которую ловил отец, и тем, что подавали добрые люди. Иногда мы брали подработку. Чтобы зайти в город, нам надо было перейти речку Вятку. Мой отец собрал бревна, перевязал и сделал плот. Так мы переплыли реку. На другом берегу нас встретили люди и разрешили нам пожить у них с условием, что отработаем. Мою сестру мы в Кирове не нашли. Ее задержали, так как у нее не было документов, а детей отправили в приют. Серафима, младшая, умерла там от какой-то болезни.

Мы ничего не знали о судьбе моих сестер. Семь лет мать по ним плакала, потом мы нашли Анну в приюте.

Нам пришлось вернуться в окрестности Ирбита, где моего отца опять задержали и посадили в тюрьму. До 1942 года мы его больше не видели. Потом он вернулся, с воспалением легких, и умер в 1943 году.

Мои родители так и не узнали, что их реабилитировали. Они покинули этот мир, скорбя о несправедливости и страданиях, которые перенесли. Нам было еще тяжелее из-за того, что мой отец провел в тюрьме больше времени, чем с нами. Наша мама день и ночь работала, ночью смотрела за скотиной, не спала, вязала шарфы, перчатки и носки для начальства. Огород тоже был на ней. Летом будила нас в три часа утра, чтобы пойти за ягодами. Вечером укла-

дывала нас, не давала нам поиграть, потому что утром надо было вставать и идти в лес. Мне тогда было тринадцать лет. «Кто пойдет в город продавать?», – спрашивала старшая сестра. И всегда я шла. Мы продавали ягоды, мама нанялась на работу в колхозе. Она покупала нам одежду раз в году, но все-таки мы справились, и в годы войны мы из нашего села ходили в школу в Ирбит, ходили и в снег, и в дождь, и в морозы. В 1947 году я там окончила техникум для педагогов дошкольных учреждений. Мой папа всегда мечтал: доченька, ты станешь учительницей. Так и случилось. Но так смогли не все. Многие мои ровесники даже школу не окончили. Была война, надо было работать. В школу некогда было ходить.

После техникума меня распределили воспитательницей в детский садик в Малый Исток, это отсюда совсем близко. Два года я работала, показывала, на что способна. Потом меня попросили возглавить педсовет. Там тогда не было никого с педагогическим образованием. Я вообще-то не хотела, мне нравилось с детьми работать. Прекрасная, творческая работа. Но все-таки потом пять лет работала руководителем педсовета. Мне полдома дали, воду и отопление оплачивали. Хорошее время было. Ну, молодая была. Мы ходили на танцы, развлекались. Потом я вышла замуж, за местного, родила двух детей – дочку Надю, она сейчас живет в Германии, и сына. Мой муж окончил только семь классов, и я его заставляла дальше учиться. Он три раза в неделю из Истока два километра пешком ходил в вечернюю школу. Он стал техником первого класса и работал на обслуживании самолетов. Он был таким хорошим человеком, никогда его не забуду. Работал в аэропорту и умер в шестьдесят лет от рака легких. Он себя полностью отдавал работе, такой уж был человек. Его с доски почета никогда не снимали. В аэропорту были самолеты, перевозившие уран. К ним все и подходить-то боялись, не то, что обслуживать. Только он брал со своей бригадой. Никто из них долго не прожил, все умерли от радиации.

В Малом Истоке мы построили дом. Бабушка моего мужа жила в деревне – у нее там столько родни было. Мы ее попросили найти нам бревна на сруб. Нам всё нашли и ошкурили. Мы все вместе строили и штукатурили. Красивый получился дом и сад. Мамина комната была 12 квадратных метров, она там вдвоем с нашей трехлетней дочкой жила. Гостиная была 25 квадратных метров, кухня – 21, а еще веранда и гараж. Мы там пятнадцать лет жили. Потом дети выросли, и в 1971 году мы сюда переехали. Семья моего зятя из Германии. Они жили на Украине. Когда немцы во время войны пришли на Украину, они забрали всех, кто был немецкого происхождения, на работу в Германию, и семью моего зятя тоже, его ба-

бушку Ольгу и дедушку Адольфа с шестью детьми. Отца моего зятя звали Артур, ему тогда было 15 лет, мобилизовали в гитлерюгенд. В конце войны советское командование снова отправило их всех обратно в Россию. А там, откуда они родом были, их фашистами обзывали. Издевались над ними, били. Когда мой зять рассказывает, как они тогда жили, до сих пор плачет. Жизнь для немцев тогда была невыносимой. У Ольги только одно желание было: вырваться из этой железной клетки. В 1970-е она с одним из сыновей выбралась через Прибалтику в ФРГ. Другие сыновья, у которых уже были семьи к тому времени, остались. Артур много лет пытался уехать к матери в Германию. Только когда она уже лежала при смерти, а это уже было в эпоху Горбачева, ему дали, наконец, визу. Но он не успел. Мать скончалась за несколько часов до его приезда. В конце концов, семья моего зятя переехала в Германию. Надя, моя дочка, нашла там работу архитектора. Они построили красивый дом, который она спроектировала. Я к ним уже раз тринадцать летала. Я бы переехала с удовольствием, но меня немцы не пускают.

Летала в посольство немецкое в Москву, сказала им, что я уже старая, моя дочка и зять – хорошие люди, согласны за мной ухаживать. Там мне чиновник сказал, с черной бородой, как у Фиделя Кастро: «Тут у Вас тоже есть сын, готовый за Вами ухаживать». Всё знают. Хорошие они, немцы. Вот, новый закон ввели, хотят поток приезжих остановить. А немцы свои законы соблюдают. Не то, что тут.

Тут все можно купить. Дипломы, права. Немцы не каждого пустят. А к нам все кто ни попадя едут, все, у кого работы нет, с Кавказа, узбеки, все. Так я тут и осталась. Помогаю сыну и невестке в саду, пока могу. У них большой сад, с теплицей, за всем надо ухаживать, поливать. Дочка навещает меня раз в году, не меньше. И мой сын, и невестка обо мне хорошо заботятся. Мой сын тут живет, через дом от меня. Если кран течет, он приходит, чинит, если штукатурка облетит, он приходит, все делает. Он мастер, у него руки золотые. И машины чинит. Он по профессии электротехник, уже 35 лет работает в аэропорту. Ему уже пятьдесят, седой уже.

Могу сказать, что мы с мужем, с детьми, если сравнивать с моим тяжелым детством, не так уж плохо жили. Как у воспитателя в детском саду, у меня был шестичасовой рабочий день. Мы выстроили дом. У моего мужа пятеро братьев. Они нам все завидовали. У нас был дом, гараж, яма, но это все надо было сделать, надо было организовать, накопить на это, волю надо было иметь и умение. Потом я стала работать 9 часов, мы купили «Урал», потом «Москвич». У его братьев ничего не было, даже ямы. Все пили. Я своему мужу сказала, мы своего отца никогда пьяным не видели, и я не хочу, что-

бы ты пил. Нет, больших денег у нас не было, но мы питались хорошо, дети были всегда одеты, учились. Моя дочь Надя сделала проект для дачи моего сына, мы купили кирпичи и строили. Мой сын все электрические инструменты купил, которые для строительства нужны были, все пилы, паяльники... Дом у него – это техническое совершенство. Сейчас строит гараж на две машины, у него машина и полноприводный вездеход, на котором он может по болотинам ездить, в лес за грибами. Он мастер.

Короче говоря, мы нормально жили. Не шиковали, конечно, но...

В начале 1990-х нам тяжело было. Магазины стояли пустые, все по талонам покупали. Хлеб, водка – все по талонам, рубль упал... Потом вроде все направилося, а теперь в магазинах всего полно. Правда, все очень дорого. Я на свою пенсию могу прожить. Я – ветеран войны, ветеран труда, реабилитированная. У меня четыре льготы, я получаю 14 тысяч 500 рублей. Из этого три тысячи пятьсот я плачу за квартиру, за газ и электричество. А у других вся пенсия – три с половиной тысячи. Они-то на что, спрашивается, живут?

Много чего еще в запустении. Я пришла в ужас, пока ехала на поезде до Москвы к сестре. Поля не паханы, коров нет, постройки заброшенные с выбитыми окнами. В магазинах все есть, хлеб, фрукты, но все привозное. Не знаю, как мы живем. Рыба с головы гниет. На полях цветы цветут. Красиво, конечно, но поля-то не вспаханы. У меня сердце ныло. Россия-мать такая большая, но все разрушено, колхозы, совхозы. Хозяев настоящих, как мой отец когда-то, не так много. Земля дорогая. Россия такая большая, землю-то людям дарить впору, пока еще китайцы не весь восток себе забрали».

На этом и заканчивается рассказ Валентины Андреевны.

Микрофон убран, а чашки вернулись на свое законное место. После двух часов разговора Валентина снует из комнаты в кухню и ставит на стол пельмени со сметаной и роскошные пироги, ароматные помидоры с подоконника, варенье к чаю. А еще она хочет показать нам свои ветеранские медали. Периодически на юбилей Победы она получает очередную награду. Они украшают ее цвета морской волны парадный китель военного образца. Гордо предстает она перед нами.

Фотографию бабушки с живыми голубыми глазами и многоцветием медалей мы отправляем ее внучке Ольге в Германию по Фейсбуку. Так просто замыкается круг во времена киберкоммуникации.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР, АВТОР КНИГИ, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВИСТКА МАРИНА ЧЕБОТАЕВА

Пока в немецкой прессе идет бурная дискуссия о плюсах и минусах квот для женщин в высшем руководстве, в России мы встретились с генеральным директором российской дочки немецкого предприятия по очистке сточных вод, женщиной, которая занимает это место безо всякой квоты (что еще не говорит против идеи квот, конечно). Мы представляли себе, что она будет сдержанной дамой средних лет. В костюме, может быть, брючном, пошитом из дорогого качественного немнущегося материала, нитка жемчуга на шее, стрижка средней длины, так чтобы на виду были жемчужные же сережки. Чтобы работать в России – стране с коррупционным индексом 154, как у Папуа Новой Гвинеи, Лаоса или Комор, – она должна быть жесткой. Такой, которую не спросишь просто так, когда и в кого она впервые влюбилась.

Офис Марины Чеботаевой находится в современном восьмиэтажном здании в центре Екатеринбурга, на Белинского, 83. Мы выходим из лифта на шестом этаже, нажимаем на звонок. Молодой человек провожает нас в небольшой конференц-зал, мимо карандашных карикатур на стенах. «Это наши сотрудники», – смеясь, говорит он. Что ж, с юмором тут у людей все в порядке. Через некоторое время приходит Марина, спокойная, сердечная, позитивно настроенная. На ней светлые брюки капри, босоножки на невысоком каблуке, белый топ и красно-белая рубашка. Челка касается черных дужек ее очков, темные волосы убраны в хвост. Короче говоря, Марина – привлекательная женщина средних лет, и – полная противоположность нашим визуальным ожиданиям. В руках у нее иллюстрированный путеводитель, она кладет его на стол. «Урал: Бесконечный драйв! 52 приключения на границе Европы и Азии». Это ее книга. Она издала ее при поддержке своей фирмы.

«Мы написали ее, потому что поняли, что люди в Европе ничего не знают об Урале».

Мы листаем книгу. На замечательных фотографиях во всем разнообразии предстают уральские красоты, запечатленные как летом, так и зимой, культурные памятники. Книга в формате путеводителя состоит из описаний туристических маршрутов выходного дня и коротких текстов. Марина дарит ее нам «С надеждой на успешное взаимодействие, удачи и успехов на Урале», – гласит дарственная надпись на безупречном немецком.

В Екатеринбурге Марина изучала биологию, а после окончания учебы стала работать в сфере защиты окружающей среды. В 1990-х она оказалась в Бисерти, маленьком городке на западе от Екатеринбурга, на заводе, производившем военную технику, после окончания холодной войны спрос на которую упал. Те немногие товары гражданского назначения, которые производила эта фабрика, не выдерживали конкуренции с импортными. В то время никто не гарантировал ни работу, ни зарплату, которую работники фабрики к тому же получали не деньгами, а собственной товарной продукцией.

Однажды Марина целый месяц питалась макаронами и грибами, которые она засолила на зиму. Да как это вообще возможно, спрашивала она себя, что умная женщина, которая работает не за страх, а за совесть, не имеет денег даже на хлеб? Такие мысли заставили ее мобилизоваться. Раз гарантий нет, остается полагаться только на себя. Она занялась установками для очистки сточных вод, рассчитывая на лучшее будущее не только для себя, но и для фабрики. Была поставлена амбициозная цель, и в 1996 году она впервые поехала в Германию по стипендии Общества Карла Дуйсберга.

«Я видела чистые фабрики, пол в цехах без пятен масла, сквозь чистые окна светило солнце. Защита окружающей среды здесь была приоритетом. Я познакомилась с людьми из среднего слоя, у которых были машины, дома, семьи. Они могли передавать заработанное из поколения в поколение. Когда я впервые ехала из Кёльна в Штутгарт, по дороге я спрашивала себя: а кто, собственно, выиграл войну?»

Марина прошла практику в управлении по защите окружающей среды фирмы «Маннесманн».

В Советском Союзе на всех, кто занимался охраной окружающей среды, смотрели, как на городских сумасшедших, говорит Марина. При чем тут экология, когда надо план выполнять? Кого волнует природа, когда есть нечего? В «Маннесманне» Марина поняла, что в отделе, который занимался этими вопросами, работают умные, успешные люди с достатком и что система защиты природы работает.

По возвращении в Россию она усвоила одно: «Что бы я ни делала, я добьюсь успеха». Германия лидировала среди других стран в технологиях защиты окружающей среды. Марина решила работать с немецкими фирмами, с немецкими технологиями. Она села за немецкий.

В 1998 году она, несмотря на августовский экономический кризис – дефолт по основным видам гособязательств РФ, снова поехала в Германию, туда же, где проходила практику, по европейской программе Tacis. Целеустремленность – залог успеха, и Марине улыбнулась удача.

Ей стало известно, что крупная немецкая фирма по очистке сточных вод EnviroChemie разрабатывает проект для России и уже заключила договор с московским представительством немецкого завода молочной продукции Ehrmann. К своему удивлению, оба немецких партнера узнали, что российские требования к очистке сточных вод куда строже, чем в Германии. Марина была в курсе подобных требований. Но она также знала и то, что установки для очистки сточных вод на российских производствах попросту не работают. «Исключений два или три. В остальных случаях вода стекает безо всякой очистки».

Мы не понимаем, как может существовать такое противоречие: с одной стороны, строгие нормы, а другой – никаких технологий? Ответ не лишен логики: раз нет установок, которые могут решить проблему, то можно ничего и не делать.

«В России так многое делается», – говорит Марина. Немецким фирмам она сообщила, что их установки как минимум в десять раз лучше российских, и если добавить еще очищающих реагентов, то все будет отвечать местным нормам. Переоборудование обходится дорого, но зато труд в России дешевый. Этим аргументом она убедила EnviroChemie. Переоборудованная водоочистная установка была доставлена в Россию. Первая установка ее фирмы. А то, что из стока молокозавода можно было еще получать биогаз, было вишенкой на торте. После этого EnviroChemie подписали с Мариной договор, по которому все риски она брала на себя.

«Получится – значит, такова судьба, а если нет – ну что ж, не повезло», сказали ей. У нее получилось.

В самом начале своей бизнес-инициативы она была одна, а теперь у нее 27 сотрудников и 80 выполненных проектов по анализу, проектированию и установке очистных сооружений, причем не только в России, но во многих других государствах – бывших республиках Советского Союза и в Монголии. Там все еще говорят по-русски, не по-английски.

«То же самое и в странах Балтии. Политики там антироссийские. Но инженеры пока лучше понимают по-русски, чем по-английски», – говорит Марина. Конкуренции со стороны других российских предприятий она не боится. Они выпускают дешевые установки. Марина гордо рассказывает о том, что ее установки отличаются лучшей энергоэффективностью, чем у других русских производителей, и требуют в десять раз меньше обслуживающего персонала и химреагентов. Из отходов органического происхождения можно получать биогаз. Она работает с самими успешными предприятиями в России, которые хотят иметь лучшее оборудование и готовы за это заплатить.

Мы спрашиваем, почему главный офис ее фирмы находится в Екатеринбурге, а не в Москве.

«Главный офис тут, потому что я отсюда», – уверенно отвечает она. Но у этого решения есть и рациональные мотивы. Во-первых, в Москве много часовые пробки, а если человек добирается до работы три часа, то он приезжает уже уставшим и не в состоянии хорошо выполнять свою работу. Во-вторых, зарплаты в Москве намного выше. В-третьих, люди там очень избалованные. Они каждые полгода меняют работу. Никакой преемственности нет, люди не ассоциируют себя с предприятием. Зарплату высокую платят, но люди не работают на фирму. Кроме того, естественнонаучные факультеты вузов Екатеринбурга готовят для ее фирмы замечательных молодых специалистов.

«Мы в сердце России. Отсюда мы отправляем наши установки на восток, во Владивосток, и на запад, в Калининград».

Перед УрФУ имени Ельцина уже разложена красная ковровая дорожка для встречи федерального канцлера Ангелы Меркель. С большой делегацией из шести федеральных министров и пятнадцати представителей бизнеса она посетит Екатеринбург 15 и 16 июля 2010 года для проведения двухсторонних германороссийских правительственных консультаций. Восточный комитет германской экономики готовит встречи между российскими и немецкими предпринимателями. Интересы политики и экономики тесно переплетаются. Какую роль играют политические связи для российско-германских экономических отношений?

«Нам политические контакты не нужны, – отвечает Марина. – Нам нужен человек, который разбирается в российских реалиях, человек, которому можно доверять».

Когда она говорит, что не имела проблем политического свойства с чиновниками или налоговой инспекцией, ей веришь. «У нас все прозрачно». Если соблюдать законы, то проблем не будет, по ее словам. С коррупцией она не сталкивалась.

Марина была бы идеальным образцом для антикоррупционной кампании российского президента. Однако женщины не стремятся в политику, где доминируют мужчины, а женщин мало, в отличие от бизнеса.

«Это только для Германии редкость, что женщина возглавляет фирму. У нас это сплошь и рядом». В этом нет ничего необычного, отмахивается она от комплиментов ее талантам управленца. И она права.

«Ни в одной другой стране Евразии вы не найдете столько женщин на руководящих постах, как в России. В сфере телекоммуникаций и в атомной промышленности, в концернах, занимающихся низкотемпературным охлаждением, или в строительных бизнесе российские женщины с присущей им элегантностью управляют вверенными им предприятиями и достигают выдающихся результатов», – читаем в Евразийском научном журнале. Согласно данным британской консалтинговой компании Grant Thornton, 40 процентов всех менеджерских позиций в России занято женщинами, в то время как в Германии, несмотря на введение должности уполномоченных по вопросам равноправия полов, – только двадцать. В российской экономике выросло уже целое поколение управленцев–женщин, в то время как политика остается, преимущественно, за мужчинами.

В своей следующей книге, еще одном иллюстрированном издании об Урале, Марина собирается представить людей, которые добились всего сами, без помощи государства. Таких людей, как ее подруга, у которой еще пятнадцать лет назад не было ни копейки, а теперь она владеет большим рестораном между Пермью и Екатеринбургом, или Леонид Постников, который основал и курирует этнографический музей «Парк истории реки Чусовой» в Пермском крае. Дистанцироваться от государства и власти и полагаться только на себя – вот кредо Марины, которого она придерживается в своей профессиональной деятельности.

Успешно развивающаяся фирма, хобби, в которое она вкладывает свои силы и время, собирая материал для своей книги, путешествуя по Уралу на машине, снегоходе и пешком, а еще забота о родителях и племяннике Откуда берется энергия на такую полную жизнь? Чем объяснить это удачное сочетание прагматической целеустремленности, ума и человеколюбия?

«Я выросла в большой и дружной семье», – рассказывает Марина, – с пирогами и походами в лес по воскресеньям, с елкой и подарками на Новый год, с друзьями, приходившими праздновать 7 ноября». Ее отец, убежденный коммунист, был горным инженером и все время работал. От него она научилась тому, что работа

важнее семьи. Марину и ее сестер воспитывала мама. Для нее было приоритетной задачей дать дочерям высшее образование, потому что она сама, будучи из семьи простого железнодорожника, вынуждена была бросить школу после того, как рано умерла ее мама. Мама Марины очень строго следила за школьными успехами дочерей. Марина вспоминает, что однажды из-за одной-единственной ошибки она переписывала едва ли не всю тетрадь. Мама брала для детей книги в библиотеке: они читали Бальзака, Диккенса, Джека Лондона, Толстого, Достоевского, Горького, Маяковского.

Она хорошо училась в школе и поступила в университет без репетиторов и взяток. Живя в том безопасном мире, который создали родители для нее и ее сестер, она искренне верила, что жизнь в социализме лучше капитализма. Влияние пионерской, а потом комсомольской организации сформировало её в этом убеждении, идеалистической установке на общее благо, которую она понимала как служение отечеству.

«Сейчас мне смешно, когда я вспоминаю, что я была настоящей пионеркой, комсомолкой, верила во все, что читала в газетах и романах соцреализма».

Марине удалось сохранить себя как личность, когда вся эта система ценностей вместе с ее потемкинскими деревнями рухнула. Свою систему ценностей в настоящее время она считает близкой к христианским устоям, хотя она и не верующая. Занимается йогой.

Крепкая семья – важная опора её жизни. Чтобы выжить в 1990-е, отец с братом открыли на трассе между Екатеринбург и Пермью ресторан для дальнобойщиков с парой комнат для ночевки, работали днем и ночью. Брат не перенес стресса и рано умер, в сорок лет. Его сына Юрия Марина взяла к себе и воспитала его.

Марина любит свою семью, все четыре поколения. У сестры уже есть внуки. Гордится своей мамой, которая и в восемьдесят лет по-прежнему работает в их большом саду в Бисерти. Гордится и своим отцом, который все еще сам делает по хозяйству, умеет искать все, что нужно, в Интернете, играет в шахматы, не только с друзьями, но и с компьютером. Больше всего он любит поговорить о политике, как в России, так и в мире. «Это его главное увлечение», – говорит Марина.

Мы тоже любим поговорить о политике, поэтому спрашиваем ее, какими она видит перспективы развития общего европейского пространства, наблюдая эти процессы с самого восточного края Европы.

«Россия, несмотря на все свои экономические трудности и особый путь в политике, будет важной частью Европы». Она в этом уверена и считает, что без России Европа недостаточно сильна, чтобы

отстаивать свои интересы перед США и Китаем. Она рассчитывает на то, что визовый барьер будет снят, что россияне и европейцы будут родственниками и друзьями и будут запросто приезжать друг к другу в гости. Наш последний вопрос Марине – о будущем. Что будет с Россией и Уралом через двадцать лет, когда дети племянника Юры, которых у него пока еще нет, вырастут?

Этим умным, оптимистическим и уверенным ответом мы завершаем биографический очерк о Марине Чеботаевой и очередную часть нашей мозаики под названием «Уральская жизнь и уральская идентичность»:

«Через двадцать лет мы будем значительно ближе к европейскому пониманию демократии, потому что есть объективные экономические, социальные и политические законы, и Россия развивается в соответствии с ними, хотя и медленно, что связано с историческим опытом жизни русских. Нельзя требовать от человека, чтобы он хотел установления демократии, когда он понятия не имеет, что это значит. Волк, рожденный в неволе от матери, также рожденной в неволе, не знает, что значит жить на свободе, в лесу. Если его хотят вернуть в исконную среду обитания, то сначала его надо научить там выживать. Мне кажется, что большинство россиян просто не понимает, что значит демократия. В головах людей слово “демократия” не увязано со значением этого слова и с сущностью явления. Все, что до сих пор понимали под демократией, было попытками разных групп манипулировать общественным сознанием.

Могу пояснить на своем опыте. Я уже пятнадцать лет общаюсь с европейцами, и мои языковые навыки позволяют мне понимать смысл сказанного. Но только в последние несколько лет я по-настоящему стала понимать, что значит свобода и демократия для каждого отдельного человека. Хотя замечу, что проблемы Европейского Союза показывают, что Европе еще далеко до демократического идеала.

Я думаю, что будут созданы хорошие условия для роста бизнеса и что бизнесмены со всего мира будут инвестировать свои идеи и свои деньги в Россию. У нас не только много ископаемых, земли, леса и двадцать процентов всех водных ресурсов мира. В России и на Урале трезвость стала модой, и мы решим проблему алкоголизма так же, как и проблему демографии.

Через двадцать лет на Урале точно, да и во всей России наверняка, построят хорошие дороги, гостиницы, и не только в крупных городах, но и в глубинке, и люди со всего мира смогут в комфорте наслаждаться неизмеримой красотой уральской природы».

ЮРИЙ, ОЛЕГ И САША – НЕ АНАРХИСТЫ

«Если Вам хочется пообщаться с молодыми людьми, я устрою Вам встречу с моим племянником и его друзьями. Но предупреждаю, они анархисты».

Мы принимаем любезное предложение Марины Чеботаевой. Нам по душе строптивая молодежь, и мы предвкушаем встречу с молодыми русскими анархистами. Как в XXI веке поживают праправнуки и праправнучки Бакунина, Кропоткина, Нечаева и Махно? Перед разговором я составляю себе приблизительную картину современного российского анархизма, в Google и Facebook есть информация о множестве местных и региональных организаций от Москвы до Владивостока. «Антифа» и «Красные панки», антимилитаристы и «Автономное действие», либертарианские коммунисты и радикальные экологи. Запрос «Екатеринбург анархисты» не дает результатов. Ну, посмотрим.

С молодыми анархистами мы встречаемся дома у Марины Чеботаевой. Квартира Марины в пяти минутах ходьбы от работы, и она приходит, чтобы познакомить нас со своим племянником Юрием. Она показывает нам большую просторную квартиру с кухней-гостиной. Юрий лежит на кровати и всем своим видом показывает, что у него нет никакого желания встречаться с какими-то иностранными знакомыми своей тети. Его поза не приглашает к общению. Подозреваю, что он никакой не анархист, а просто парень, который не знает, чего от него хотят. Мы садимся за стол в кухне, на нем блюдо с фруктами: виноградом и апельсинами. Марина заваривает чай. Она исчезает в глубине квартиры, чтобы сделать что-то для своих родителей, которые приехали только на день в Екатеринбург – к ее учителю йоги. На стене в кухне висят слайды – виды уральской природы, которые мы уже видели в книге Марины. Их, как и все некоторые снимки для ее книги, сделал Юрий. Он талантливый фотограф с чувством как прекрасного, так и ужасного, и поэтому мусорные свалки на его работах также хороши композиционно. Впрочем, автор отмахивается от комплимента, ему неловко. Сидит напротив нас за столом (в красной футболке, его длинные

темные волосы забраны в хвост) и барабанит пальцами по деревянной столешнице. Звонок. Пришел Олег, друг Юрия. Ждем еще кого-то? Вообще-то, да, но, видимо, Саша снова спутал день с ночью. Не стоит его ждать.

Мы строим разговор не так, как запланировали. Вряд ли нам предстоит сегодня поговорить об анархизме.

Олег подсаживается к нам. Он высокий, в белой с голубым рубашке в полоску и джинсах, светлые волосы на затылке коротко подстрижены, длинная челка зачесана наверх по последней моде. Приятный, расслабленный молодой человек! Олегу, который родился в 1991 году, столько же лет, как его стране. Вскоре после его рождения родители развелись. Мама работала на фабрике, потом нашла работу в городской администрации. Он и его старший брат выросли в семье без отца.

Для Юрия, который родился годом раньше Олега, важно наполнение историческим смыслом дня и места его рождения: 23 февраля – День защитника Отечества, а дом, где он родился, находится рядом с местом, где по этапу везли декабристов.

В детстве Юрий с родителями жил в деревне возле федеральной автотрассы. Отец владел ресторанчиком, мать помогала. Позднее они переехали в Екатеринбург. Было ли их детство тяжелым временем для родителей финансово и политически?

Тут у друзей разные мнения. Но в одном они согласны: даже если и так, то они этого не замечали. Может потому, что были маленькими? Качели и песочница – все, как у всех остальных. Это была замечательная пора, безмятежная. Олег слышал и знает, что рождение и детство у его страны не были такими спокойными, как у него самого. Продукты давали по талонам, банки лопались, и люди за один день могли потерять все, что у них было, – говорит он Юрию.

Тот возражает: «Страна была в кризисе, но люди как работали, так и продолжали работать в новой системе. Кто вообще хранил деньги в банке? Только те, у кого их было с избытком. У нас никаких денег в банке не было, у наших соседей – тоже, я вообще никого не знаю, кто бы это делал». Так что, разговоры о ценностно-духовном кризисе из-за падения советского социализма он считает преувеличением, потому что под конец в Советском Союзе вообще не было никаких ценностей.

Школа Олегу ничем особенным не запомнилась: все протекало обычно. А вот Юре в школе не всегда нравилось, не из-за учителей, тут все было нормально, как и с одноклассниками. Но школа стояла рядом с цыганским поселком, тогдашним эпицентром наркоторговли. Те, кто продавал наркотики, спелись с милицией. Цыгане,

по словам Юрия, были наглыми, аморальными и агрессивными. Он их боялся. Его одноклассника они выбросили из окна, и тот сломал себе шею. «Один цыган хотел меня ножом пырнуть, но не вышло, силенок не хватило».

Юрий изучает информатику, Олег – экономику и управление. По окончании школы для тебя все двери открыты, по крайней мере, в теории. Он строит планы, загадывает желания, пишет их на воздушных шарах и отпускает в небо. Все возможно. В семнадцать еще можно пометчать... У Олега много надежд, связанных с работой, с будущим. Он хотел бы открыть магазин одежды. Уверен, что одежду всегда купят. Так можно заработать денег на свои более экстравагантные желания! Стать известным музыкантом – он играет на гитаре, поет и сам пишет тексты для своих песен. И актером тоже хочет быть – это его третья мечта. Его четвертая мечта, пускай в сказках их не больше трех, – стать политиком. Почему? Его привлекает власть, он хотел бы что-то изменить? Да, он за революцию.

«Да ладно, ты же это не всерьез», – комментирует Юрий. Хотя, в целом, он не против этой идеи своего друга.

«Как вы себе это представляете?» – спрашиваем мы. «Да как всегда, на белом коне и с пулеметом». Но смогут ли они осуществить задуманное? «Нет, конечно, белого коня-то нет».

Изучающий информатику Юрий хочет в Америку, на заработки. Америка – это его Мекка. Там все боги информационных технологий. Там Google, Microsoft, Apple, все крупные международные фирмы, производящие программное обеспечение, там их штаб-квартиры. Если хочешь работать в этой сфере, то можно работать только в трех местах: во-первых, Китай и Япония на востоке, во-вторых, Европа и, в-третьих, США. В Китай и Японию он не хочет, не знает язык, а в Европу надо перебираться на пенсии. Там все слишком размеренно и спокойно. Так что остаются только США.

Олег его подкалывает: «Юрий сидит в штаб-квартире Микрософта и принимает своих старых друзей. Это его американская мечта».

В дверь звонят. Входит третий «анархист». Его зовут Панк. Это аккуратно подстриженный блондин, на нем джинсы и белая рубашка – симпатичный молодой человек. Он немного смущен и не очень разговаривает.

На самом деле он Саша.

Недавно окончил школу и планирует пойти в педагогический университет учиться на звукооператора. Саша играет на электрической бас-гитаре, у него своя группа «День ноль».

И он тоже хочет в Америку. Хочет уехать, потому что боится, что его заберут в армию. Как раз идет призыв ребят его возраста.

Ему надо «откосить» – поможет спасти поступление в университет, взятка или отъезд в Америку.

Мы его хорошо понимаем. Каждый знает, что в российской армии больше солдат погибают от изнасилований, несчастных случаев и побоев, чем в боевых условиях. Дедовщина – так называют издевательства старослужащих над молодыми призывниками.

Можно ведь отказаться от службы, возражаем мы. В 2002 году был принят закон об альтернативной гражданской службе, по которому можно не идти в армию, если это противоречит твоим религиозным или другим соображениям, и исполнить свой долг родине другим способом.

Гражданская служба, возражают, здесь тоже не сахар, и свободный выбор ее, по сути, невозможен. В прошлом году только четверть человека смогли доказать свое право на то, чтобы военная служба им была заменена альтернативной.

О том, как развивается их страна, ребята не хотят говорить: публиковать нельзя будет, говорят. Все будет идти под откос. Раньше наш университет был региональным, а теперь он федеральный, то есть подчиняется Москве, а ректор пришел уже при Путине.

Конечно, напрямую на университет никто не влияет. Все происходит куда тоньше. Юрий рассказывает, как в одном институте их города на преподавателей давили, чтобы они голосовали за «Единую Россию». То же самое происходит и на предприятиях. Тут-то точно ничего не изменится. Возможностей влиять на свою жизнь, что-то построить самостоятельно, жить лучше, честно зарабатывать свои деньги, все время становится меньше. Везде бюрократия, чиновники, взяточничество.

Большинство молодых людей видит эту ситуацию именно так, поэтому все мечтают о том, чтобы уехать, говорит Олег. Проведенный в 2011 году опрос журнала «Афиша» среди школьников шестнадцати-семнадцати лет подтверждает это мнение. Пятьдесят два процента опрошенных считают, что ситуация в России будет ухудшаться. Пятьдесят четыре процента хотели бы эмигрировать. Даже если этот опрос не репрезентативен, как утверждает «Spiegel-online», он все же указывает на опасную тенденцию в установках российской молодежи.

Юрий и Саша переходят от критики России к мечтам об Америке. Америка, Америка. Выход ли это?

«Да, – упрямо говорит Саша, хотя и не без иронии добавляет, – там все хорошо, там свобода, там не надо служить в армии, там даже умирать не надо».

«I like to be in America, ev'rything free in America», так пели пуэртиканцы в «Вестсайдской истории». Тогда поклонялись автомобилям, хрому и гламуру, сегодня – коммуникационным технологиям. Тогда Америка была страной великих возможностей, мировой державой с (относительно) незапятнанной репутацией, сегодня этот мираж развеялся. И все равно американский миф живет в России, проявляясь как в безграничных восторгах, так и в непомерном отрицании: двух сторонах одной медали.

Мы рассуждаем об альтернативах Америке, например, о необходимости что-то изменить в самой России, влиять на политику через НКО, участвовать в гражданских инициативах. А еще рассказываем об акциях анархистских групп, раз уж столько узнали о них. Ребята об этом ничего не слышали.

«В теории это, конечно, возможно, – говорит Юрий, – но я не готов умереть за какие-то там идеалы, которые реализуются, может быть, только после моей смерти». Да, это легко понять, если вспомнить опыт, который пережило поколение их родителей и бабушек и дедушек, которые безрезультатно боролись за светлое будущее и умерли за него. Юрий считает, что в стране нет никакого политического движения, к которому стоило бы примкнуть. А если б было, то он бы вступил в его ряды.

В школе им говорили, что, по законам марксизма-ленинизма, революции делают низы. Только вот как совершать революции, если они ничего не знают и хотят только заработать себе на хлеб?

А вот Олег говорит, что он серьезно думает не о революции, а о том, чтобы пойти в политику. Так можно изменить мир, оставить свой след в жизни общества. Он хочет учредить партию, войти в Думу, реализовать свои политические интересы – и все это не считает утопией. Его цели и впрямь далеки от революционных: хочет, чтобы людям стало проще заниматься бизнесом, чтобы было меньше бюрократии и коррупции, чтобы пенсионеры могли достойно жить, чтобы образование снова сделать бесплатным для всех, как в Советском Союзе. С этими политическими целями согласился бы и российский президент. Правда, говорят ребята, Медведев⁴⁰ много обещает, но в реальности ничего не меняется.

У Саши, Юрия и Олега есть время осуществить свои мечты. Они планируют завести семьи, детей, но не сразу, а спустя довольно значительный срок. Сначала хочется пожить для себя.

⁴⁰ Д. А. Медведев был президентом России в 2008–2012 годах. Данный разговор происходил в 2010 году.

Они играют музыку в стиле брит-поп. В России хороший рок. В Екатеринбурге в моде группы, которые играют гранж и пост-гранж, но им нравится брит-поп. Вполне возможно, они создадут свою группу. Олег пишет тексты, играет на соло-гитаре, Саша – на бас-гитаре и Юра – на ударных.

Помимо игры на инструментах, они гуляют по городу, встречаются с друзьями, выпивают, ходят в кино...

А как у них с девушками? Пока подружек нет, но они над этим работают.

«И как?» – спрашиваем мы.

«Я вчера гулял с девушкой под дождем», – говорит Олег с усмешкой.

Непросто найти ту самую. Много красивых девушек, у которых ничего нет, кроме красоты. Среди них есть и пошлые, они матерятся и пьют пиво на улице.

Все дороги для друзей, так или иначе, открыты. В поиске себя ребята работают над разными проектами своего будущего.

Олег из Екатеринбурга. Ему тут нравится, это его родной город, настоящий мегаполис, все развивается, жизнь интересная. Хотя они и критикуют свою страну и правящие элиты, тоскуют по свободе, Олег и Саша признают уральские и русские корни своей идентичности. А Юрий?

«Я – екатеринбуржец, как это на слух?», – спрашиваем мы.

«Длинно», – отвечает Юрий.

Город неплох, лучше Москвы или Челябинска. Петербург тоже ничего. Россиянином он себя не ощущает. Повсюду в мире, в Германии, во Франции, в США, у него найдутся друзья, а там, где у тебя есть друзья, ты – местный. Происхождение особой роли не играет. Юрий в этой троице космополит. Он будет жить между Россией и представительствами Microsoft, Apple и Google в США, и всякий раз, оказываясь в Силиконовой Долине, он будет открывать в себе русского. Его ясный ум и юмор будут с ним повсюду.

На прощание Олег нас утешает. «Когда Вы приедете в следующий раз, то наверняка многое изменится. Мы уж постараемся».

Юрий, Олег и Саша – никакие не анархисты, они ребята с совершенно нормальным желанием самим строить свою жизнь и со здоровым презрением к политикам и обществу, которое не облегчает им эту задачу.

НАРКОТИКИ, СПИД И ВИЧ

По мнению экспертов, от двух до трех процентов населения Свердловской области инфицированы ВИЧ. В 2008 году зарегистрировано 38550 случаев, что на 4808 больше, чем в предыдущем: 53 процента инфицированы путем внутривенного введения наркотиков, 440 детей получили вирус от матерей в процессе беременности и родов. 3947 зараженных людей умерли, 21,5 процента – от СПИДа, 12 процентов – от туберкулеза. Свердловская область – один из регионов России с наибольшим количеством инфицированных. Первая волна наркотиков была как взрыв», – говорит Эля. Ей ли не знать?

Эля. Путь наркоманки

Каждый в Германии знает историю Кристианы, девочки с берлинского вокзала Zoo. Эле, девочке из Екатеринбурга, так же, как Кристиане⁴¹, еще не было тринадцати лет, когда через 20 лет после Кристианы она начала свой путь наркоманки.

Эля родилась в 1983 году в тогдашнем Свердловске, в русско-башкирской семье. Семья ее отца живет в башкирской деревне в Челябинской области. Дома они говорят по-русски. Эля и ее брат, старше ее на четыре года, не говорят на языке родственников с отцовской стороны. И очень жаль, считает Эля. Она, например, не может пообщаться со своей прабабушкой, та говорит только на башкирском.

Отец Эли был водителем грузовика, дальнобойщиком. На своем КамАЗе он часто ездил на запад, в Чехословакию и в Германию. Всегда привозил необычные подарки: один раз – коляску для куклы, другой – красную куртку, книжки с красивыми иллюстрациями или колготки с рисунком. Когда в начале 1990-х Советский Союз

⁴¹ «Мы дети станции Zoo» – фильм режиссера Ули Эделя, снятый после выхода серии статей в журнале «Штерн» (в их основе интервью с Кристианой Ф., преобразованных в повествование от первого лица, т. е. от имени героини). Действие фильма разворачивается с 1975-го по 1978 год в Западном Берлине. Вокзал «Зоологический сад» (по-немецки, Bahnhof Zoo) известен как место проституции и торговли наркотиками.

распался, а на трассе из Польши уже на территории СНГ грузовики стали переворачивать и грабить, это занятие стало для него слишком опасным. Отец нашел работу в Екатеринбурге. Эля радовалась.

«Папа мне всегда все разрешал. Мама была строже. Надо было всегда вставать, завтракать и обедать, ложиться спать в одно и то же время...»

Семья Эли жила в общежитии, там мама была комендантом. Отец работал рядом, так что они часто видели его, когда играли на улице.

«У нас всегда было чувство защищенности, потому что родители всегда были или дома, или неподалеку», – говорит Эля.

Летом они по выходным ездили купаться с семьей, а зимой катались на лыжах. Иногда даже останавливались в туристических пансионатах в горах. Там они ходили в походы и сидели по вечерам, играли в настольные игры, было весело. У Эли было счастливое детство – в отличие от Кристианы со станции Зоо.

Семья спокойно пережила распад Советского Союза и хаос перехода от старого к новому. Несмотря на то, что продукты были по талонам, родители никогда не давали детям почувствовать кризис. Закат СССР и его последствия прошли для нее незаметно. Поначалу.

В 1990 году Эля пошла в школу. К этой поре все советские организации для молодежи уже были отменены. Эля с удовольствием ходила в школу. У нее была хорошая память, что позволяло без особых усилий оставаться отличницей. Разве что хромало поведение, но, в отличие от советского времени, где к этому подходили строго и сурово наказывали, оценки за поведение больше не ставили. Учителям указали на права детей, родители грозилась судом. Не зная, как вести себя в этой новой ситуации, учителя на все смотрели сквозь пальцы.

Свою тактику Эля называет компенсацией. «Мне требовалось внимание, хотелось, чтобы все меня знали, и я долго была старостой класса, теща этим свое честолюбие». При этом, дабы не прослыть зубрилкой, начала курить и пить. Потом она присоединилась к группе крутых одиннадцатиклассников, которые были куда старше Эли. Они принимали наркотики.

«Это был бум, – говорит она. – Все в очередь стояли, чтобы попробовать. Мы сразу стали колотиться героином. Я не проходила этап за этапом, а сразу раз – и подседа. Мне еще тринадцати не было. Когда я окончила девятый класс, была уже полностью зависимой».

Где покупали порошок? Не за железнодорожной насыпью, как на вокзале Зоо, нет, поначалу купить можно было прямо в школе.

Не в туалете, нет, прямо в коридоре в очередь стояли за дозой. Героин был очень дешевым, сорок рублей – столько же, как пачка сигарет. Учителя, по крайней мере, поначалу, ничего не замечали.

«Мы у них даже брали денег взаймы, чтобы купить дозу, а говорили им, что нужно на копии или еще что-то», – вспоминает Эля.

Когда, в конце концов, уже нельзя было не замечать того, что с ними происходит, они уже были выпускным классом, и никто ими не интересовался. Им пожелали удачи, и все.

Родители Эли тоже ничего не подозревали, ведь в советское время наркотиков, кроме алкоголя, официально не существовало. Они не догадывались, что перед ними ее симптомы наркозависимости. Только когда они увидели истыканные вены на руках и ногах дочери, они, наконец, поняли, что случилось. Были беседы с мамой, Элю отправили в больницу. После того, как она оттуда вышла, то продержалась не больше месяца. Потом ее снова затянуло в компанию друзей-наркоманов. После этого родители выгнали ее из дома.

«Моя мама всегда была прямая женщина, я ей за это благодарна, – говорит Эля. – Она сказала мне: я не хочу видеть, как ты умираешь».

Эля ушла на два года. Она жила в цыганском поселке, недалеко от центра, где, по ее словам, в каждом доме можно купить дозу, где до семидесяти человек, бывало, стояли в очередь за героином. Милиции давали взятки, никого не боялись и никого не стеснялись. Наоборот, чувствовали себя особенными, разъезжали на тачках и всем показывали, какие мы тут. Эля жила на разных квартирах, то у своего парня, с которым она вместе принимала наркотики, то у других друзей, которые тоже кололись. Всегда была среди единомышленников. Из-за этого ее зависимость длилась дольше. В самом начале она не знала меры. Ей нравилось чувствовать себя особенной, знать больше других, иметь свою «тайну». Когда она окончательно подсе-ла на героин, то оправдывала свою зависимость тем, что на наркотиках сидят все талантливые люди. Позднее она стала чувствовать, что деградирует, в том числе из-за того, какие друзья у нее появлялись. Она прожила в этой среде пять лет. К тому времени она была совсем плоха. У нее начали отказывать ноги. На втором году приема наркотиков у нее уже был гепатит В и С, но ни ее, ни ее родителей это особо не беспокоило. Никто не знал, что гепатит С может быть опасным для жизни. Тогда от наркотиков еще не умирали. Это началось позже, в конце 1990-х.

Однако отца Эли все же мучили мысли о пропавшей дочери. И он начал ее искать. Нашел в квартире друзей больше похожей на притон. Эля не сразу пошла с ним, так как не видела пути возвращения обратно. Но через несколько дней она вернулась домой.

«Папа мне сказал: единственное, что я могу для тебя сделать, это сидеть рядом с тобой на диване, если ты не против сидеть рядом со мной. И он десять дней сидел со мной. Не спал, не отходил от меня, ухаживал за мной. У меня уже не было сил вставать».

Через десять дней папа повез Элю в больницу. Так вышло, к счастью, что в тот момент там при посредничестве наркозависимых из Санкт-Петербурга была создана первая группа взаимопомощи, и Эля встретила доктора, которая направила ее туда.

Эля поначалу отнеслась у этой идее скептически, но согласилась попробовать. Каждый день отец привозил ее на встречи, которые шли в течение часа. Долгое время эти встречи были единственным местом, которое она посещала, и всегда вместе с папой. В первый год она два раза сорвалась, оба раза – с алкоголем. И вот уже одиннадцать лет состоит в этой группе. Девять лет она не принимала ни наркотиков, ни алкоголя. «Даже и не знаю, что мне больше помогло: что мой отец верил в меня или что я сама в себя верила». Вот здесь-то и можно было бы сказать: «и жила она долго и счастливо». Но не вышло.

Через три месяца после того, как она вырвалась из среды наркоманов, к ней пришел ее друг и сказал, что он ВИЧ-позитивен. Так как они кололись вместе и одними и теми же шприцами, не подозревая, что могут заразиться, то велика была вероятность, что она тоже инфицирована. И снова отец повез ее на обследование. Оказалось, что она тоже ВИЧ-позитивна.

«Я уже три месяца как ничего не принимала, и тут вдруг в семнадцать лет получаю эти результаты. Я легла в постель и решила умереть. Мой папа сказал мне: чего это ты тут разлеглась вместо того, чтобы идти на собрание группы?»

Он все узнал у врачей и объяснил ей, что вирус ВИЧ – это еще не конец, что надо соблюдать осторожность, но в остальном можно жить, как обычно. И снова повез ее на собрание группы.

От знакомой журналистки Эля узнала, что Марина Владимировна Халидова, директор Фонда «Новое время», ведет психотерапевтическую группу для ВИЧ-инфицированных женщин. Когда к ним присоединилась Эля, занятия группы подходили к концу. Поэтому Марина Владимировна предложила ей создать новую группу взаимопомощи для ВИЧ-инфицированных женщин. Элю это вдохновило. Она поехала с Мариной в Москву и прошла обучение по программе борьбы с ВИЧ и СПИДом.

Так началась новая страница ее жизни, где она использует все свои силы, опыт и знания, чтобы поддерживать наркозависимых, помогать ВИЧ-инфицированным матерям и детям, беременным

с таким диагнозом. Она ездила в Москву и Санкт-Петербург, чтобы собрать информацию по данной проблеме, пишет письма в Министерство здравоохранения, борется за то, чтобы лечение, которое до сих пор было платным, можно было пройти бесплатно, борется за права ВИЧ-инфицированных матерей рожать детей, что до этого времени было запрещено, едет в приют для ВИЧ-инфицированных детей, проводит занятия в группах для женщин и детей. Ее приводит в ярость инерция министерства, неготовность властей работать с разбирающимися в этом вопросе НКО, влияние православной церкви в вопросах информирования школьников и безразличие населения. В итоге она решила выступить на телевидении, рассказать о том, что она ВИЧ-позитивна.

«Своим выступлением я хотела, чтобы у движения за права ВИЧ-инфицированных появилось лицо. На это у меня достаточно сил». Родители Эли заплатили за это выступления своей работой. Мама две недели плакала. Она держалась за свою работу, но поддерживала Элю в ее деятельности: «А кто еще это сделает?»

Когда мы берем у нее это интервью в комнате для переговоров Фонда «Новое время», Эле почти двадцать семь лет, у нее двое детей, слава Богу, оба без ВИЧ, наркотики – в прошлом, а в будущем она будет «лицом движения за права ВИЧ-инфицированных».

Марина Владимировна Халидова

В той же комнате Фонда «Новое время», где мы встречались с Элей, мы разговариваем с Мариной Владимировной Халидовой, директором фонда. Она помогла нам организовать встречу с Элей. Она ее духовный наставник.

Фонд расположен далеко от центра, на Эльмаше, в рабочем районе Екатеринбурга. В общем, цель фонда – это поддержка и консультирование ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом людей в Свердловской области. Помимо Екатеринбурга, фонд реализует свои проекты еще в трех городах Свердловской области: в Сухом Логу, что в ста километрах к востоку от Екатеринбурга, в Кировограде (восемьдесят километров от Екатеринбурга) и в Краснотурьинске, четыреста километрах к северу. Пока Халидова занята, помещения фонда нам показывает Ольга, молодой психолог. Большая комната с кухней для ВИЧ-инфицированных матерей, яркая игровая комната для детей, переговорная и офис для сотрудников, все очень скромно обставлено. Фонд недавно переехал, и еще не все оборудовано. Как НКО, фонд зависит от финансирования, которое получает для реализации проектов, и хорошо, если удастся

выплатить зарплаты сотрудникам. И офис они снимают не в самом престижном районе города. Такая ситуация встречается не только в России. Но энтузиазм и успех работы от этого не зависят, как раз наоборот. Мы ждем в переговорной, там на стене висит большая Красная лента⁴² и плакаты с лозунгом:

НЕ ПОВОРАЧИВАЙТЕСЬ К СПИДУ СПИНОЙ – ОСТАНОВИТЕ ЕГО!
ОБЕЩАЙТЕ НЕ ГУБИТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ И ПРОЙТИ ТЕСТ НА ВИЧ!
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРЕЗЕРВАТИВОМ ТАК ЖЕ ЕСТЕСТВЕННО,
КАК ЧИСТИТЬ ЗУБЫ!

Марина Владимировна Халидова встречает нас в простой черной футболке, юбке в черно-белый цветочек, у нее темные, зачесанные назад волосы, живое тонкое лицо, на котором лежит отпечаток бессонницы и груз ответственности. На наши вопросы она отвечает эмоционально и заинтересованно. После того, как мы прочитали о проектах Марины, ожидали увидеть здесь огромную организацию. Теперь понятно, что Фонд «Новое время» – ребенок М. В. Халидовой, рожденный в 1999 году. А сама она – душа и двигатель всего здесь происходящего.

По профессии Марина врач, она мать двух взрослых детей и бабушка. Долгие годы проработала фтизиатром. Во время перестройки в больницах не стало лекарств, что привело к быстрому распространению туберкулеза. Многие врачи уволились. Причина была не в том, что им мало платили, а в том, что они не могли больше оказывать помощь, и люди умирали. Марина тоже ушла и стала психологом. Она работала психоаналитиком в городском центре профилактики и борьбы со СПИДом.

К 1998 году стало невозможно игнорировать тот факт, что вирус ВИЧ быстро распространялся по всей России и, особенно, по Свердловской области. На всероссийской конференции по этой теме были представлены новые методы борьбы с вирусом и с распространением СПИДа, только руководство местного Анти-СПИД центра решило, что они неосуществимы.

Марина не могла согласиться с подобным признанием собственной беспомощности. Ее опыт психолога и нарколога говорил

⁴² Красная лента – символ борьбы со СПИДом и другими зависимостями, лента в виде перевернутой буквы V

ей, что нужно и можно проводить программы по профилактике СПИДа в Свердловской области. Она укрепилась в этой мысли благодаря «Врачам без границ», которые проводили в Екатеринбурге программы повышения квалификации по профилактике СПИДа. Протолировать эти идеи через всю тогдашнюю иерархию Анти-СПИД центра было невозможно.

Тогда стали искать другие пути. Вместе с тремя врачами-единомышленниками и экономистом она решила создать НКО. Эта база позволила бы ей действовать самостоятельно. Само собой, на общественных началах – по крайней мере, поначалу. В 1999 году три основательницы – где, спрашивается, мужчины в этих социальных проектах? – зарегистрировали фонд «Новое время».

Почему так назвали? Да потому, что именно «новое время» принесло много проблем: наркотики, СПИД, преступность, – поясняет Марина. – Но, с другой стороны, хорошо, что теперь можно создать НКО и взять инициативу в свои руки. Раньше все зависело только от государства».

Уже одиннадцать лет сотрудники фонда разрабатывают и проводят программы профилактики против СПИДа и туберкулеза. Свой силы, которых не так уж много, они тратят на решение проблем самых уязвимых и бесправных групп населения. К таким относятся и ВИЧ-позитивные женщины, и дети. Марина объясняет их решение так: «Женщины, принимающие наркотики, страдают больше мужчин. ВИЧ-инфицированная женщина более уязвима, чем мужчина, во всех социальных сферах. Подтверждения этому в нашем российском обществе можно видеть повсеместно».

С 2007 года совместно с немецкими врачами фонд участвует в рассчитанной на три года европейской программе «Вместе против СПИДа». Цель этой программы – подготовка ВИЧ-инфицированных к тяжелой противовирусной терапии, психологическое сопровождение, консультирование по социальным и медицинским вопросам и поддержка в создании групп взаимопомощи. Социальная стигматизация и дискриминация ВИЧ-инфицированных, прежде всего, при поиске работы, – это серьезная проблема.

В особенно тяжелых условиях находятся ВИЧ-инфицированные женщины в местах лишения свободы (интересный русский эвфемизм). По данным Управления здравоохранения Свердловской области, около 3500 заключенных ВИЧ-инфицированы, среди них 507 женщин. Уже восемь лет социальные работники и психологи фонда реализуют свои проекты для женщин, находящихся в заключении, и готовят их к интеграции в общество при помощи разработанных для этого социально-психологических методик.

«Мы оказываем женщинам-заключенным социально-психологическую помощь, – говорит Марина, – но мы также проводим разъяснительную работу среди персонала тюрем и колоний о том, как правильно обращаться с ВИЧ-инфицированными, как убедить их в том, что и заключенный человек имеет право на помощь».

На сегодняшний момент они работают со всеми сорока семью тюрьмами Свердловской области. Поначалу они делали это неофициально, но с недавних пор – по договору с Управлением службы исполнения наказаний.

Их работа значительно облегчается тем, что фонд «Новое время» – один из трех НКО, которые являются членами так называемой Наблюдательной комиссии. Это структура, которая по закону, принятому в Российской Федерации в 2008 году, создана для контроля над соблюдением прав человека в местах лишения свободы. У сотрудников фонда есть доступ в тюрьмы, они имеют право следить, как обращаются с заключенными, решать проблемы и помогать в том случае, если не предоставляется нужное лечение или лекарства.

Обо всем этом с вполне заслуженной гордостью рассказывает Марина Халидова.

Она также может гордиться организацией сети «Вместе против СПИДа» в Свердловской области, которая объединяет двести ВИЧ-инфицированных, двенадцать НКО, работающих в смежных областях, а также группу экспертов.

Заслугой участников сети стало и создание координационного комитета. Его членами стали государственные и негосударственные организации, фонд «Новое время», Наблюдательный комитет и местные политики. Если в 1998 году городские власти не видели смысла как в программе профилактики, так и в деятельности НКО, то, в тем большей мере, они осознают необходимость работы Совета экспертов НКО сегодня, перед лицом надвигающейся катастрофы.

«Комитеты, в которых мы состоим, дают нам рычаг, благодаря которому мы можем воздействовать на происходящее, и наше влияние все больше ценят». Это большой шаг в направлении развития гражданского общества.

Мы рады этому и желаем фонду удачи!

Марина Владимировна и ее сотрудники уже видят результаты своей целенаправленной и тяжелой работы. Но они видят также и серьезные проблемы, которые еще предстоит решить. В числе наиболее острых Марина называет недостаточную профилактику.

«Об этом много говорят, но средств выделяется очень мало. Есть отдельные программы, но нет общего подхода на уровне страны. Город начал программу для школьных учителей по вопросам

сексуального воспитания по западной модели, с раздаточными материалами, фильмами, презервативами. Но родительские комитеты вышли на баррикады. Программу прикрыли. Православная церковь поддерживает инициативы, которые направлены на то, чтобы доказать, что СПИД – это миф XX века». К сожалению, фундаменталистов везде хватает.

Под конец разговора остается только один вопрос, который крутится у нас на языке с самого начала встречи. Почему именно Екатеринбург и Свердловская область имеют такие высокие цифры ВИЧ-инфицированных, больных СПИДом?

Эмпирических исследований на эту тему нет. Марина может только предполагать. Она думает, что это связано с тем, что Свердловская область лежит на пути торговли наркотиками, который идет из Афганистана через Казахстан. Дело в доступности наркотиков. Нет сексуального воспитания, которое могло бы защитить молодых людей от заражения половым путем. Все больше молодых женщин инфицируются не во время приема наркотиков, а от своих половых партнеров. К тому же плотность тюрем в Свердловской области превышает среднюю по России. Многие бывшие заключенные остаются здесь на жительство, отсидев свой срок. Среди людей со сломанной судьбой зависимых куда как больше. Ну и потом, никто не был готов к такому. Нас застали врасплох, мы растерялись, не справились.

Марина считает, что страна стоит на краю пропасти. Ее прогноз негативный. «У нас большая страна, много хороших людей. Но если, когда строишь, не осушать болото, не возводить прочную основу, то все рухнет».

В Сухом Логу с фондом «Новое время»

Марина Халидова предлагает нам возможность продолжить наши изыскания в маленьком провинциальном городке.

Хотим ли мы? Еще как. В пятницу за нами заедет машина. Место называется Сухой Лог, это в двух часах езды. Мы находим его на карте, на северо-востоке Свердловской области.

За рулем черной машины перед въездом в наш двор ждет молодой человек. «Меня зовут Андрей», – представляется он. Потом мы довольно быстро едем мимо вокзала на север, в район, облик которого определяет Уралмаш и другие промышленные гиганты, и поворачиваем на восток, на трассу. Ландшафт довольно однообразный: леса, луга. Мы незаметно оказались в Сибири, и это слово ни по-русски, ни по-немецки не наводит ужаса.

Нас ждет испытание другого рода. Нам предстоит понять, как выживают женщины и их инфицированные дети в маленьком городе, лишенные анонимности, которую дает мегаполис?

На трассе знак: «Тюмень – 400 км». Одолевает тяга к дальним странствиям, хочется уехать в эту сибирскую даль. Но через сотню километров мы сворачиваем в Сухой Лог. Пока мы ищем офис «Нового времени», привычно удивляемся тому, насколько эти маленькие города сохраняют присущий советскому прошлому облик, с его традиционными доминантами: домом культуры на главной площади и памятником Ленину. Мы быстро проезжаем по городу и находим офис фонда в старом полуразрушенном здании. Офис маленький, но есть все, что требуется: стол, на котором накрыт небольшой перекус для нас, чайник и, главное, полка, заполненная брошюрами и презервативами, разъяснениями о противовирусной терапии, о том, как «нужно» принимать наркотики, издание на двух языках Управления здравоохранения Кельна «Предохраняться – и как?» и брошюра с биографиями больных СПИДом, с адресами служб и телефонами доверия.

Вера, по образованию соцработник, уже три года по поручению главного отделения фонда в Екатеринбурге ведет проект «Поддержка ВИЧ-инфицированных женщин с детьми». В тот момент, когда она занялась этим, стало понятно, что количество инфицированных грозит перерасти в эпидемию. У половины инфицированных туберкулез. Кроме того, в городе просто много больных туберкулезом, что связано не с ВИЧ-инфекцией, а с катастрофической экологической ситуацией.

«У нас тут, и я называю только самые грязные предприятия, асбестоцементный завод, завод цветных металлов и, недалеко, за тридцать километров, Белоярская атомная станция. У нас еще и радиоактивное излучение». Поэтому Вера и ее сотрудники дополнительно занимаются еще профилактикой туберкулеза, работают с женщинами и мужчинами. Дело идет не просто. Мужчины приходят к ним, в основном, под кайфом, а офис находится на забытой богом окраине города.

«Но ничего, Господь о нас скоро вспомнит, – говорит с улыбкой Вера. – Соседние помещения ремонтирует христианская секта, скоро новые соседи переедут».

Невежество – это главная проблема, которую призвана решать Вера и ее сотрудники, а просвещение – самая важная их задача.

«Большинство не знает, что такое ВИЧ-инфекция. Мы с ними говорим, раздаем материалы. Помогаем молодым женщинам с ВИЧ-инфицированными детьми. Они зачастую не могут найти работу, их детям не дают место в детском саду. Ведь участковый врач признается, что не может подписать подобному контингенту

необходимую медицинскую справку, поскольку другие родители этого не поймут».

Эта тема отпугивает людей, они не хотят говорить об этом. Местный доктор прочитал доклад о ВИЧ перед учителями, раздал наглядные пособия, объяснил, почему в обычных условиях заразиться невозможно. Ему никто не поверил. Так же происходит и информирование учеников. К нам присоединяется Наташа, клиент центра и активистка ВИЧ-движения.

Наташе 32 года, у нее пять детей от двух браков. Она ВИЧ-позитивная. И ее младший сын, которому шесть, тоже. У ее первого мужа, когда они познакомились, уже был ВИЧ, потому что принимал наркотики. Он знал о вирусе, но побоялся сказать. Не зная об этом, Наташа оказалась также инфицирована, но не зная об этом, родила пятерых детей – троих от первого мужа и двоих – от второго.

Она узнала о вирусе, только когда ее первый муж сильно заболел и попал в больницу. Она сдала анализ и получила печальную весть: да, ВИЧ-позитивна.

Однако, анализы детей показали, что вирус есть только у младшего.

Ну что значит только? И один – это плохо. Ничего не подозревая, она родила его дома, кормила грудью. А сейчас мучается от угрызений совести. Когда она узнала о своей болезни, ее стал обуревать дикий страх.

«Я превратилась в истеричку. У меня была своя посуда, свое полотенце. Детям запретила прикасаться к своим вещам. Я очень боялась, что моего ребенка не возьмут в садик, я изъехала из больницы все медицинские карточки, как будто он никогда не сдавал никакие анализы. Так я могла рассчитывать на то, что ему дадут место. Я знаю, что у нас есть право, но с этим диагнозом его бы никогда не взяли».

Наташа встретила Веру в больнице, когда пошла туда на прием. Вера часто заходит туда, приносит брошюры, чтобы привлечь внимание ВИЧ-инфицированных к деятельности центра. Разговоры с Верой ей очень помогли. Она теперь участвует в группе взаимопомощи для ВИЧ-инфицированных матерей, которую Вера создала при центре.

Поразмыслив о том, какие возможности ей предоставила судьба, Наташа начала активно строить жизнь – свою и своих детей. На кредит, который для нее взяли родители – ей, матери пяти детей, его никогда бы не дали, – она купила дом в деревне, в двадцати километрах от Сухого Лога. Она думала, что ей не предстоит долго жить, и хотела, чтобы у ее детей было место для жизни. Дом в деревне еще можно себе позволить. Для нее важно, чтобы детям было чем заняться, чтобы у них не было искушения попробовать наркотики от скуки.

«Там нет канализации, и я решила ее не проводить. Пусть дети таскают ведрами из колодца. Пусть топят печь и делают все, что надо по дому и в огороде».

Она развелась со своим вторым мужем и воспитывает детей одна. Чтобы прокормить свою семью из шести ртов, она работает в три смены.

Как она справляется? Как выглядит обычный распорядок дня женщины, живущей в доме без особых удобств и вынужденной тяжело трудиться? Наташа смеется.

«Я встаю в пять утра, делаю завтрак, бужу детей, пишу им записку с заданиями на день. В половине седьмого меня забирают мои друзья с работы на машине, и мы едем на завод. Детей в школу и в детский садик в четырех километрах от нашей деревни забирает школьный автобус. До пяти вечера я работаю на первой работе. Потом иду халтурить, клею обои, укладываю плитку, прокладываю трубы».

Наташа по образованию строитель. В России это не только мужская профессия. В девять вечера она возвращается домой, и тут начинается ее третья смена. Она проверяет, все ли сделали дети, что им было поручено, а если нет, она делает это сама. Готовит ужин, проверяет домашние задания, стирает – на руках, естественно, – падает в кровать. Больше у нее нет времени переживать о своей болезни и бояться за сына. За то, как она заботится о детях, за ее ответственность, место на небесах ей обеспечено, и, причем, не в последнем ряду.

Дети не знают, что она и их младший братик ВИЧ-инфицированы. Она хочет их защитить. Если об этом кто-нибудь узнает, ничего хорошего их не ждет, их только заклеят позором. Никто этого не примет: ни люди в деревне, ни сотрудники, ни одноклассники. Малыша выгонят из детского садика, она потеряет работу. Знает только старшая дочка. Она видела результаты анализов и задала об этом вопрос.

«Ей пятнадцать, – говорит Наташа, – а мне тридцать два. Мы как подруги».

Наташа рассказывает детям обо всем, что они должны знать о сексе, ВИЧ и СПИД. Никаких недомолвок. Она принесла домой брошюры из центра и целый пакет презервативов.

«Мама, зачем это? – спросили сыновья. – Это для вас, попробуйте. Надо наловчиться, чтобы потом получалось».

Наташины мальчики играют с разноцветными презервативами, надувают их как шарики, растягивают, что только не придумывают.

«У нас дома весело», – говорит Наташа, смеясь. Несмотря на то, что она живет с болезнью и страхом перед ней.

ВЛАДИМИР ШАКЛЕИН. ЖИЗНЬ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

Доктор Андреас Шокенхофф – уполномоченный федерального канцлера по делам германо-российского взаимодействия в сфере гражданского общества. В рамках Петербургского диалога он приглашает представителей НКО на встречу в университет имени А. М. Горького. Тема беседы: «Действовать вместе. Новые подходы к участию гражданского общества в Партнерстве для модернизации». Такой формат позволяет дать слово людям, работающим в некоммерческих и негосударственных организациях, но не участвующим в Петербургском диалоге. На этой встрече они смогут рассказать о своих проблемах, о том, как развивается гражданское общество в регионах.

Едем в трамвае на встречу в университет и читаем список участников встречи: организации, работающие в сфере прав человека и гражданина; НКО, помогающие безработным, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, ВИЧ-инфицированным; местные и межрегиональные организации экологов и женское общественное объединение «Фемина», занимающееся гендерными проблемами и вопросами, особенно актуальными для женщин. Широкий спектр. Предвкушаем интересный разговор. Пока трамвай едет до университета, читаем шутки из бегущей строки на небольшом дисплее перед кабиной водителя трамвая.

«Экспорт революции – это импорт всего остального», – вот эту точно запомним.

Вверх по центральной лестнице и направо – так сказано в инструкции, как добраться до места встречи в здании университета. Зал заседаний в конце коридора не сильно велик и уже почти полон. Вижу Марину Халидову и киваю ей.

Я нахожу место рядом с немолодым мужчиной, который сидит у окна. Он немного похож на Чарли Чаплина, слегка застенчив, любезен. Они представились: «Гудрун Вольф, я из Германии».

«А, Гегель», – словно бы невпопад отвечает он. – «Да, Гегель. Что Вас с ним связывает?»

«Я учился на философском факультете и много занимался Гегелем. Учил философию, но статью философом мне запретили»; – он многозначительно улыбается.

Что Вы такого сделали?»

«Ну, знаете, у нас были планы пятилеток. Я изучал их и доказал, что ни один из них не был выполнен. Я ничего не выдумал. Мой анализ базировался на цифрах и фактах. Потом меня больше не допускали к философии».

Позднее он стал инженером. Инженеры не так опасны, как философы. Ему сейчас, скорее всего, немного за семьдесят – значит, учился он где-то в середине пятидесятых. Это было в начале оттепели, но все равно требовалось значительное мужество, чтобы демонстрировать системе ее потемкинские деревни.

Говоря о Гегеле, он позабыл представиться. Владимир Андреевич Шаклеин – представитель регионального центра прав человека. Информировать людей – вот его главная задача. При необходимости он бы стал делать это и в одиночку.

«Когда началась первая чеченская война, – рассказывает он, – я вышел на улицу с транспарантом: Война в Чечне – позор России. Сначала я один стоял, потом другие меня поддержали». Его организация бесплатно помогает людям в вопросах защиты прав. К ним часто обращаются люди, работающие без трудового договора, не получающие заработной платы. «Если они требуют договор, то им отказывают в работе. И безработных много».

Работа в правозащитных организациях подходит не всем. Шаклеин рассказывает, что Владимир Соколов, один из правозащитников, был огульно обвинен в грабеже, свидетелями по делу выступили заключенные, отбывавшие наказание по другим делам, которым заплатили за лжесвидетельство.

Как мы позже узнали из отчета организации Human Rights Watch за 2010 год, Владимир Соколов был членом Общественного наблюдательного комитета по контролю за соблюдением прав человека в местах лишения свободы – того же, в котором состоит Марина Халидова и ее Фонд «Новое время». В отчете написано, что его били полицейские и насмехались над ним, говоря: «Ты что – думал, что сможешь нас контролировать?»

Наш разговор прерывается, встреча началась.

По окончании теряю Владимира Андреевича из виду, но не забуду его, этого деликатного и смелого человека.

Жалея, что не узнала о нем больше, ишу о нем информацию в Яндексе, и то, что находим, помогает дорисовать его портрет.

На сайте правозащитной организации «Сутяжник» напоминают о том, что сорок лет назад Шаклеин создал Просветительское общество гражданских прав.

«За свою деятельность был арестован и осужден. Позднее из-за репрессий был вынужден уехать в Эстонию. Своей многолетней защитой прав человека он известен далеко за пределами Урала. В свои семьдесят лет он полон сил и все так же помогает людям защищать честь и достоинство. Зачастую он в одиночку противостоит властным органам всех уровней, делая все, что позволяет ему здоровье»⁴³.

Вижу случайного знакомого на фотографии перед зданием Представительства Президента РФ на Урале. Он один, в окружении трех полицейских, которые явно в замешательстве и не знают, что им делать с этим пикетчиком, и двух журналистов. На шее у него висит плакат: «НЕТ – России – полицейскому государству, ДА – России – правовому государству».

⁴³ Владимир Андреевич Шаклеин умер 28 декабря 2012 года от инсульта в одной из больниц Екатеринбурга на 76 году жизни.

ИМПЕРАТОР И ПУШЕЧНЫЙ КОРОЛЬ. В НЕВЬЯНСКЕ

Едем посмотреть на наклонную башню в Невьянске, а еще можно в Нижний Тагил, на Синячиху и в природный парк «Оленьи Ручьи». Сергей Вершинин предлагает нам аж четыре экскурсии. Каждая рассчитана на целый день. Мы не знаем, что выбрать, ведь все незнакомо. Наклонная башня? Это наша первая цель выезда, за сотню километров от Екатеринбурга. Хороший выбор. Это будет путешествие к истокам.

Матрица и ее архитектор встретились и пишут там российскую и европейскую индустриальную историю. Возникает не деревня, не поселение, не город – возникает завод. И под залпы пушек, отлитых на уральских заводах, петровская Россия – молодая великая держава – заявляет свои социально-экономические претензии на европейской арене.

Уральское окно в Сибирь – предпосылка к тому, чтобы открыть окно в Европу и держать его открытым, несмотря на интересы великодержавной Швеции. Из средневековой Московии возникла Россия, ставшая Российской империей и пушечным королевством Демидовых. Об этом недвусмысленно говорит надпись на отлитом из чугуна памятнике в Невьянске. На постаменте рядом с Петром Первым, царем всея Руси и Российским Императором, его имперский оружейник Никита Демидов. Император гордо выступает в мундире и треуголке, лихо сдвинутой на затылок. Левой ногой, которая чуть выдвинута вперед по сравнению с правой, он опирается на один из трех пушечных стволов. Слева от него, над двумя другими стволами стоит мастер Никита Демидов, немного склонившись. Его можно узнать по гладкому лбу, длинной бороде и широкому фартуку. Без него воинственный император был бы похож на барона Мюнхгаузена, государя потемкинских деревень и других фантазий.

Из скромного начала, совместной инициативы и упорства возникает крупнейший промышленный регион Европы. Никита поддерживает Петра железом и деньгами и при постройке новой европейской столицы – Санкт-Петербурга. Династия Демидовых

и продукция их производства под маркой «Черный соболь»⁴⁴ быстро становится популярной во многих странах Западной Европы. В XVIII веке Демидовы экспортируют около шестидесяти процентов своего железа в Англию, в XIX веке они становятся лидерами мирового рынка.

Поводом для нападения Бонапарта на Россию стали его негодование и досада: Россия продолжала поставлять в Англию железо, необходимое для ведения войны, несмотря на континентальную блокаду Наполеона. Пусть об этом и ни слова не сказано в «Войне и мире» Льва Толстого.

Демидовы и их наследники всегда выполняли заказы в срок и в военное, и в мирное время. Этот принцип тверд, как крупновская броня. Крыша британского парламента и Собора Парижской Богоматери покрыта демидовским кровельным железом. И самый известный в мире символ свободного мира – Статуя Свободы в Нью-Йорке – сделана из уральской меди.

Об этом и многом другом рассказывает нам молодая девушка-экскурсовод, которая знает о наклонной башне и ее строителях не понаслышке, потому что это ее дальняя родня. Башня белоснежная, очень высокая, немного напоминает Кремлевскую (57,5 метров в высоту и 1,8 метра отклонения от оси в высшей точке) и является символом города и всего региона. Сторожевая и жилая башня промышленных королей Демидов-ленда. Уже сыну Никиты Демидова Акинфию принадлежали сто заводов, двадцать пять железных рудников и двести пятнадцать деревень. Самая ранняя форма приватизации в тогда еще феодальном государстве.

В глубоком захолустье, на реке Невья в Среднем Урале, были заложены основы промышленной революции и модернизации. Место притяжения умельцев и мастеров со всей России и многих европейских государств. Особую роль в создании горной промышленности сыграли и немецкие специалисты. Незаменимым мастерам Демидовым пожаловали личное дворянство, их работа была высоко оценена, и они стали сказочно богатыми – настолько, что об этом останется только мечтать современным русским олигархам.

Как могли крайности так соприкасаться в Петровы времена?

Уже в 1702 году молодой, но дальновидный царь передал Демидову железоделательный завод в Верхотурье и другие предприятия с условием расплатиться через пять лет железом, которое ему было так необходимо для того, чтобы производить оружие для Северной войны. Подобное «Партнерство для модернизации» стало

⁴⁴ Марка называлась «Старый соболь».

беспрецедентной историей успеха своеобразной мирской троицы. Триединства абсолютного монарха, железной рукой ведущего Россию в Европу, невероятного богатства недр и производства, организованного на частных предприятиях самыми лучшими мастерами по последнему слову техники.

В итоге русская капиталистическая форма организации труда распространилась на сеть уральских заводов, расположенных на территории куда больше Рурской области. В распоряжении заводчиков появился еще один важный инструмент, повышающий производительность труда и прибыль – милитаризация труда приписанных к заводам крепостных крестьян, проще говоря, бесплатный рабский труд по приказу. Интернационал впоследствии отреагирует на это призывом: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!» Сталин, следуя этой традиции, с энтузиазмом пробьёт plenty свои честолубивые гигантские проекты и пятилетние планы, при помощи неисчерпаемых трудовых ресурсов ГУЛАГа.

Надо сказать, что первый этап привлечения рабочей силы на заводы проходил совершенно иначе, не то, чтобы все по-честному, но с хорошей оплатой за добросовестный труд. Такой подход позволял поддерживать мотивацию работников.

Так начинается и первая глава истории немцев на Урале, славная немецко-русская страница в анналах общей истории.

Петр Первый просит Августа Сильного направить к нему саксонских специалистов. Требуются горняки, штейгеры, забойщики, шихтмейстеры, маркшейдеры, доменщики и сталевары, кузнецы и плавильные мастера, но также и те, кто умел делать снаряды, холодное и огнестрельное оружие. Наемные работники должны были учить русских основам своих профессий. Маркшейдеру полагалось триста пятьдесят талеров зарплаты в год и пятьдесят талеров на расходы при договоре на срок от двух до трех лет и еще больше – на более долгий срок. В 1703 году на Урал прибыли первые мастера из Саксонии. За ними приехали и другие. Иоганн Фридрих Блюер смог обнаружить много новых месторождений и войти в управление вновь созданной Берг-коллегии. Он был одним из ближайших соратников Георга Вильгельма Геннина, уроженца Зигена, который уже известен нам как один из основателей города Екатеринбурга. Третий выдающийся немец на Урале – берграт Иоганн Мартин Михаэлис.

Геннин пользовался полным доверием императора Петра и управлял от его имени. С 1722-го по 1734 год он оставался на Урале. После него обязанности снова стал выполнять Татищев, как и до 1722 года.

К истории взлета немецких предпринимателей на Урале и постепенного угасания их влияния в девятнадцатом веке относится также и судьба династии Кнауффов из Киля, которые вели свою деятельность в Златоусте – уральском Золингене, и не только там.

В дальнейшем наем опытных профессионалов из Германии продолжался, многие оставались здесь надолго. Но это уже не тема нашей экскурсии к Невьянской башне.

Проследить путь немцев на Урале можно, читая книгу, которую нам подарили историки Уральского госуниверситета, – «Немцы на Урале и в Сибири». Знания российских профессоров – это тоже форма богатства, хотя за нее и платят немного.

В наклонной башне есть немало странных помещений. Например, из одного хитрый лис Демидов мог подслушивать разговоры своих партнеров. Подвал, где, согласно легенде, Демидов чеканил свои собственные золотые монеты и который он, якобы, велел затопить вместе с работавшими там людьми, из-за угрозы ревизии.

Императрица Елизавета спросила его: «Какими монетами будете долг выплачивать? Моими или Вашими?»

Как бы то ни было, Крез из Невьянска и его наследники превращали в золото все, до чего дотрагивались их руки. В том числе и золотые и серебряные прииски в Сибири, не говоря уже обо всем остальном. Открыв в горах Урала первое чугунолитейное производство, Демидов испытал на себе эффект Митры⁴⁵, который, согласно мифу, был рожден из камня.

С вершины башни нам открывается вид на его бывшие владения. Можно охватить взглядом всю лежащую перед нами равнину, но не всю его огромную промышленную империю и тем более не целый исторический этап, на котором и он, и его император – вместе и каждый сам по себе – сыграли главные роли. Наш взгляд падает на прекрасный Собор Спаса Преображения в классическом стиле.

Рядом, на Невьянском пруду, распространенное на Урале соединение плотины и производства, связка из запруженной энергии воды и завода.

Здесь ее изначальная картина, самый первый образец – Невьянский чугуноплавильный и железоделательный завод.

⁴⁵ Митра – божество в Древнем Иране и Римской империи, символ силы и мужества.

СЛОЙ ЗА СЛОЕМ. НИЖНИЙ ТАГИЛ: В МАСТЕРСКОЙ ИСТОРИИ

С Блоксберга⁴⁶ – Лысой горы – город вращается, если хотите, вокруг вас. Полный оборот, 360 градусов при 35-градусной летней жаре.

На памятной фотографии, сделанной Наташей Беспаловой, нашим водителем, я, Сергей, Гудрун и наш гид. Я вежливо улыбаюсь – смеяться не получается. Жалкие остроты скребутся в горле. При капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме – наоборот. Таков социологический подход к русской поговорке: хоть палка и о двух концах, но тебе прилетит обоими.

Мы находимся посреди Нижнего Тагила – второго по размерам города Свердловской области. В основании сюжета – рассказ о том, как промышленность эксплуатировала человека и природу.

Несмотря на то, что мы изучаем Советский Союз и Россию уже не одно десятилетие, оказались потрясены и раздавлены масштабами разрушений природного баланса под воздействием этого Молоха. На горизонте дым поднимается к небу и жжет легкие.

Как тут можно работать, как можно тут жить? Можно ли отмахнуться от этого бедственного положения, как мило советует наш гид, партийный чиновник на пенсии? Он любит свой город, включая район имени Феликса Дзержинского (памятник ему в районе блочных домов), где он живет. Кроличьи клетки отчуждения. Идем прямо, идем вперед. Под нами городской пруд. За ним цирк. Кораблики каруселей и резкий смех. Девяносто градусов влево. Где здесь стороны света? Холмы, нет, настоящие горы – радуется сетчатка глаз. Однако город все-таки не слепое пятно. Этот город – мастерская истории, а не забытое Богом место.

До 1919 года Нижний Тагил назывался просто фабрикой или заводом. С указанием места: Нижнетагильский завод. Функциональное, честное имя, ничего не приукрашивающее.

⁴⁶ Блоксберг или Броккен, гора в Гарце, куда согласно преданию, собираются ведьмы на празднование Вальпургиевой ночи. Лысая гора (точнее лисья – вершина в Нижнем Тагиле, над городским прудом.

Со времен Демидовых это один из самых важных промышленных узлов страны. И сегодня, с четырьмястами тысячами жителей, он остается городом рабочих и вооружения. Такой же модернизированный Танкоград, как и Челябинск. Благодаря «Уралвагонзаводу». Это самый крупный в мире производитель танков. Наикрупнейший. На мировом рынке продаются танки марок Т-72 – Т-90. Название предприятия говорит, что здесь также производят вагоны для железной дороги.

Фирма «Thyssen» могла бы инвестировать в местные сталелитейные и металлургические заводы. Это дает возможность «Партнерства для модернизации» в городе, который долго оставался закрытым.

Здесь также есть химическое производство и, кажется, все остальные отрасли промышленности. Даже запомнить все трудно. Видимо, сегодня мы неправильные люди в правильном месте. Ну что ж, тогда в музей.

Перезагрузка истории. И с этого момента, слой за слоем, порядок и упорядочивание. Или упорядочивание беспорядка.

Шикарный музей времени старта железоделательного производства на Урале под открытым небом. Мощный молот, безразмерный и громадный, как инструмент местных языческих богов-громовержцев. Слишком громоздкий, слишком тяжелый багаж для людей, предоставленных богами самим себе. «Технэ» – суррогат божественного, означает с неких пор умение ремесленника в человеческой триаде науки, искусства и техники, разговор человека с самим собой. Рядом с этим молотом-кувалдой – другие украшения мирового индустриального наследия мастеров-титанов XVIII века. Диски, котлы, краны. Все для литья железа. Гениально и просто. Красота функции.

Уральские мастеровые были на высоте времени, иногда немного обгоняя его, иногда отставая совсем чуть-чуть. «Механикус» Ползунов⁴⁷ создал паровую машину за двадцать лет до Джеймса Уатта, и она отлично работала на протяжении нескольких месяцев в 1766 году. К несчастью, после смерти изобретателя интерес к ней был потерян. Нет пророка в своем отечестве.

В следующий раз, спустя несколько десятилетий, паровую машину завезли из Англии⁴⁸, и она изменила привычную структуру места: озеро или река, плотина, водяные колеса для получения эне-

⁴⁷ После изобретения паровой машины Иван Иванович Ползунов был произведен в «механикус» с чином и жалованием инженерного капитан-поручика.

⁴⁸ А может, из Швеции – командировки крепостных мастеров были и туда, и туда.

гии, завод, главная улица, церковь, дома, заводская контора. В Нижнем Тагиле в двухэтажном здании конторы, покрашенном в желтый цвет, теперь расположен музей истории горнозаводской техники.

Перед входом, наискосок от кузнечного молота, символ следующего исторического слоя. Локомотив, который сначала показался нам игрушечным, таким железнодорожным «Трабантом»⁴⁹. Только после того как мы вкусили плод с дерева познания, стало понятно, что перед нами «самовар на четырех колесах», который принципиальным образом изменил Урал и остальное человечество.

Техниками-революционерами отец и сын Черепановы – Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович, которые видели локомотивы в Англии и Швеции, а после, не имея чертежей, реализовали эту идею в Нижнем Тагиле. Их игрушечная железная дорога с вагонетками соединила заводы и рудник. Железные дороги в XIX веке соединили Россию. На стихийность российских просторов была надета узда в виде Транссибирской магистрали.

В XX веке, во время Гражданской войны, господство над железными дорогами определяло, на чьей стороне была победа, а на чьей – поражение, кто будет притеснять и расправляться с мирным населением: красные или белые. «Подвижный самовар» ныне стоящий перед заводской управой превратился в романе Пастернака в бронепоезд, на котором ездил Стрельников, он же Павел Антипов, муж Лары, а сын железнодорожника превратился в стрелка.

Однако сильнее, чем *железнодорожная* проза от Толстого до Пастернака, уральские провинции изменила промышленная революция.

В память врезались два парадных портрета Демидовых, которые мы видели в музее. Рядом с изображением Акинфия, создавшего вместе с отцом Никитой Демидовичем Антуфьевым государство в государстве, висит портрет его правнука Анатолия. Будучи сыном баронессы Строгановой, Анатолий де-факто купил себе титул тосканского князя Сан-Донато по названию виллы его отца. В уральской столице своей империи он провел не более семи дней за двадцать семь лет. Женился на племяннице Наполеона Матильде де Монфор, дочери Жерома Бонапарта. Буржуазия и дворянство соединились, как в историческом романе. При этом князь Сан-Донато вообще не интересовался социальным положением своих рабочих, тогда как для других это было принципиальным вопросом.

Империя Демидовых так и просуществовала в диалектике страдания и действия до своего конца в 1917 году. Их предприятия были

⁴⁹ «Трабант» – марка восточногерманских микролитражных автомобилей, аналог нашего «Запорожца».

национализированы в январе 1918 года, сразу после грандиознейшей распродажи эпохальности. Деловитость сохранялась до самого конца системы. Дialeктика бизнеса. Тут сложно не процитировать Мартина Лютера: «Черт всегда гадит на одно и то же место».

Прежде чем мы откроем следующую страницу страданий в социальной истории Урала (нет, правильнее сказать: прежде чем мы очистим от наслоений следующий исторический слой), оглянемся назад, посмотрим на важное отличие от немецкого рабочего движения. Архетип рабочего уральских заводов – это вовсе не крепостной крестьянин, привязанный к своему барину до освобождения в 1861 году. Мастер, ремесленник, рабочий на уральских заводах принадлежит заводу, а не господину. Он если и обрабатывает землю, то на огороде или покосе, но уже не пашет и не сеет. Его кормят. Ему разрешено думать, но не о свободе, а о качестве своей работы. Как производить больше, как улучшить качество, как усовершенствовать процесс производства? Материал и работа состоят между собой в особых отношениях, это почти искусство.

Муза там, где сопротивляется исходный материал. В железо, малахит, медь мастер вдыхает свою душу. Чудеса такого мастерства украшают Тагильский музей и Музей изобразительного искусства в Екатеринбурге.

Еще одним всемирно известным примером служит Каслинский чугунный павильон, показанный на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Тяжелый черный чугун переживает метаморфозы, становясь элегантным, грациозным, легким. В мастерстве, а не только в литературе, вновь проявляется пресловутая славянская легкость бытия, тяжеломерно возвышавшаяся до мифологемы «рабочего», как будто вышедшей из книги Эрнста Юнгера⁵⁰. В то время как Демидовы покидают тонущий российский корабль, прежде чем ценности буржуазного эпохи смогут сменить полуазиатскую форму общества, идеи Французской и Октябрьской революций сталкиваются с устаревшей царской идеологией самодержавия, православия и (русской) народности в многонациональном государстве – как два встречных бронепоезда на одном пути. Модерн против застывшей русской до-модерности. Последствия катастрофы ощущаются в этом городе и в этом государстве и сегодня. Как известно, победило не народное большинство, а меньшинство, готовое идти на любые крайности и бескомпромиссно взявшее в свои руки бразды правления в тот эпохальный 1917 год. Во имя большинства.

⁵⁰ Книга Эрнста Юнгера «Рабочий, господство и гештальт» вышла в Германии в 1932 г.

Нижний Тагил, город Демидовых, вступая в свою предпоследнюю фазу, фазу советского времени, делал то, что делал всегда: вовремя приходил на трудовую смену, потому что работа во имя рабочего класса круглосуточно по сменам – знак нового времени. Дискуссии интеллектуалов-аутсайдеров переместились из области теории на уровень реальной политики. Достаточно много известно о том, как утопия из состояния перманентного чрезвычайного положения, ситуации бесконечной осады трансформировалась в антиутопию. Самоописание Советского Союза как образца для подражания всего мира ушло в историю, что однако не нашло своего отражения в современных школьных учебниках России. Оттого и в этом городе находились зоны тоталитарного господства. Они определяются посредством соотношения с шестью координаторами тоталитаризма, которые приводит специалист по России Герд Кёнен. Вот что у них в общем знаменателе:

- «официальная идеология хилиастического типа;
- единственная правящая партия, во главе которой стоит один вождь;
- монополия на вооружение;
- монополия на средства массовой коммуникации;
- господство системы полицейского террора;
- централизованное плановое хозяйство»⁵¹.

Наш пожилой гид не разделяет воспоминание о советском времени как эпохе тотальной власти, форсированной индустриализации, «большой чистки мира от отбросов». Даже находясь у памятника Феликсу Дзержинскому – председателю чрезвычайной комиссии, для которого террористическая цель оправдывала средства, застенчивого человека, синхронно руководившему массовыми расправами из-за письменного стола. Уже к 1921 году в ЧК состояло 280 тыс. членов. По решению Ленина, талоны на хлеб выдавались только при условии осуществления трудовой повинности. После победы над «буржуями» и «крестьянами», составлявшими восемьдесят процентов населения, организованное рабочее движение было разгромлено, забастовки запрещены. Вновь, теперь уже под другими лозунгами, возвращается милитаризация труда. Нижний Тагил переживает военный коммунизм, разруху, голод и бремя Гражданской войны. А после будет коллективизация и сталинский террор 1930-х годов. Сеть лагерей ГУЛАГа расширяется.

⁵¹ Koenen Gerd. Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus? – A. Fest Verlag Berlin, 1998. S. 424.

В большом исправительно-трудовом лагере НКВД «Тагилстрой» на конец 1942 года было 43 тысячи заключенных. Они строили новые металлургические заводы, другие производства и дороги, работали на добыче полезных ископаемых в шахтах. И приписаны были не к заводам, а к лагерям. И система эта сохранялась до самой смерти диктатора в 1953 году. Красный террор мутировал в сталинский террор и закончился вместе с ним.

Нападение Гитлера на Советский Союз, следующий удар судьбы в цепи страданий России в XX веке, мобилизует город к борьбе, сюда эвакуируют заводы и повышают производственные мощности. Стране нужно оружие и рабочая сила. Позднее к работе будут привлекаться и немецкие военнопленные из спецлагерей 153 и 245 «Тагиллага». То, что написала лауреат Нобелевской премии по литературе Герта Мюллер в романе «Качели дыхания», относится и к этим лагерям – неважно, кто там сидел и откуда. Работа, голод, борьба за выживание.

Конец репрессий, оттепель, застой, распад Советского Союза, бандиты и приватизаторы, победители и проигравшие. Жизнь идет дальше. Дальше, чем это разрешено, скажем вслед за Адорно. Идет медленно, не спеша, иногда топчется на месте вместо того, чтобы бежать легкой походкой, как внушает историческое перечисление. Не удивительно, что человеческая память жаждет светлых воспоминаний, забвения, неизменности. Эксперименты не востребованы. Никаких политических прожектов, никаких утопий. Великое посткоммунистическое вытеснение и отсутствие энтузиазма висят в воздухе, как вездесущий смог. Он препятствует просветлению. Он скрывает отсутствие идентичности – после потерянной идентичности труда, ответственности за дело и за людей. Наступит время окончательного исчезновения несвободной жизни, «неволи». Вероятно, сначала найдет себе место идеал братства, которое тут всем давно знакомо. И непременно новый, свободный союз с оскорбленной природой. Идеал – сладкий, как воздух для дыхания. И живость, полнота жизни, богатство жизни – кому как нравится. И храбрость, много храбрости. Потому что храбрость делает храбрым.

Стоит поделиться еще кое-чем, что нас тут поразило. Можно об этом сказать в конце или поставить в начало повествования. Рядом с «самоваром на колесах» и огромным молотом стоит ржавое красное сооружение. Это железоплавильный завод первого поколения. Произведение технического искусства. Если бы его не остановили и не превратили в 1987 году в музей, он бы так и продолжал работать. Красный гигант творческого гения стоит перед нами – как виртуальная электростанция – такая же прекрасная в своей осво-

божденной эстетике, как произведение Дюшана. Памятник, говорящий нам, что выживание – не такая уж и хорошая программа жизни. Потому что для этой жизни человек недостаточно хорош. Дialeктическая мысль, позаимствованная у Брехта. Так что, не повод для обиды, если текст этот чересчур мрачен и полемичен.

Ну что ж, Нижний Тагил! Спасибо и всего хорошего!

ОДИН ДЕНЬ В ДОЛИНЕ ХОББИТОВ. САМЫЙ ВОСТОЧНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК ЕВРОПЫ «ОЛЕНЬИ РУЧЬИ»

Флориану Шрифферхоффу из немецкого консульства мы обязаны несколькими дельными советами для наших изысканий. Что ни подсказка – так точно в цель. Он все понимает, потому как отвечает за культурные и экономические вопросы. Восхитительно юный, блистательный молодой человек из наших мюнстерских краев – жизнь и работа в Екатеринбурге явно доставляет ему удовольствие. Он предлагает нам поехать на весь день в природный парк, и мы сразу соглашаемся.

Наш план осуществляется, ровно в девять утра в воскресенье на его машине мы едем по трассе на запад. С нами двое его друзей из Дании. Они работают в датском торговом представительстве. Дорожные знаки указывают на Пермь. Мы проезжаем Первоуральск и Ревду – города, известные своей промышленностью, – и оставляем их справа и слева от нас. Мы уже делали одну остановку. Ради осмотра достопримечательности.

Граница между Европой и Азией. Тут памятник, подобных которому должно быть не менее восьми вокруг Екатеринбурга. Это место посещается чаще всего туристами, которые, как и мы, хотят испытать это «пограничное» переживание (немного искусственное из-за удобной привлекательности): одна нога – в Сибири, а другая – в Московии и в Европе. Граница была точно определена Александром фон Гумбольдтом и его минералогом Густавом Розе в 1829 году. На автобане торжествует сила воображения. Памятник выглядит как сочетание пусковой ракетной установки и Эйфелевой башни. Неизвестно, сколько фотографий здесь уже было сделано и сколько шампанского выпито до нас за это связующее соединение, но стена неподалеку от закусочной состоит из тысяч пустых зеленых бутылок. Да здравствует... и ура! За безграничность! Галльский петух и Дракон Удачи на крыше – вот залог того, что желание сбудется. Ну а бесчисленные цветные ленточки на деревьях превращают по-

следние в деревья желаний. Мир молод, все пути открыты⁵² тем, кто собирается в путь. Смешные 3502 километра до Берлина. А что такое 4546 километров до Парижа и 4685 – до Лондона? Копенгаген почти за углом: 2891 км. Переломный 1989 год сплавил расстояния, сжег пограничные столбы, приблизил даль.

Мы едем дальше. Мы едем, едем, едем по автобану. Весело едем мимо густого соснового леса и зеленых холмов в сердце России. Это не тосканские холмы в сердцевине Европы, где нет места, которого бы не коснулась рука человека. Эта земля первозданная и куда более щедро отмеренная, самой природой созданная на благо людей, которые любят широкие горизонты. Любят прорыв, сильный, молодой, свежий. Будущее здесь не пугает, как и прошлое. Настоящее – это естественное время уральского пространства. Пространства созерцания. Красоты природного ландшафта. И мы посреди, как дети, которые хотят сыграть в игру жизни.

Даже не будь этого культурологического сна наяву, через 150 километров мы достигли бы цели нашей поездки. Поселок Бажуково, чей звонкий шипящий согласный жужжит, как тосканское *buon giorno*. Перед выездом я позвонил Александру Боброву, который лучше всех знает все о парке, но он, видимо, уже сопровождает кого-то другого. Чтобы мы не потерялись в разнообразии маршрутов и достопримечательностей вдоль речки Серьги, шефство над нами на полдня вместо Александра берет молоденькая студентка. Если хочется осмотреть парк целиком, то потребуется не меньше двух дней. Но даже и в этом случае не хватит времени на то, чтобы осмотреть все пятьдесят пещер. Заявленный интерес к пещерам померк в мгновение ока, как только перед нами, как подарок небес и природы, обозначился немецкий «Пивной сад». Черно-красно-золотой флаг подтверждает, что фата моргана нас не дурит. Крупными буквами по-немецки написано: BIERGARTEN. Это ранчо Герхарда из Шварцвальда, который внял зову дикой природы и покинул Фройденштадт и свою ремесленную мастерскую с гарантированным доходом. Мы занимаем свои места за деревянным столом под тентом и сидим молча. Сначала нужно промочить горло. В германо-российском меню есть не только фанта с колой и кофе «Парадиз», «волчьи слезы и охотничий чай»⁵³, коктейли и, само собой разумеется, холодное пиво и плотные закуски.

Герхард рад, что к нему заглянули немецкие гости и рассказыва-

⁵² Скрытая цитата из *Wir sind jung die Welt ist offen* на стихи Юргена Бранда <https://www.volksliederarchiv.de/wir-sind-jung-die-welt-ist-offen/>

⁵³ Напитки из меню.

ет нам недавние главы из истории своей жизни. Ему около сорока, он высокий, стройный, крепкий, энергичный и полный сил. Мужчина, который точно знает, чего он хочет и чего он не хочет. Его голубые глаза блестят, когда он рассказывает о том, что оставил на родине. Был предпринимателем, хорошо зарабатывал, и так могло бы продолжаться и дальше, но он решил иначе. Немецкая суета, нескончаемая гонка за золотым тельцом, отсутствие настоящих целей и сложных задач. И чувство: не может же быть, что это все, что возможно.

И он вырвался на Урал, в Россию, где еще есть место для людей, которые мечтают о большем. Его жена – русская. Когда он предложил поехать в Россию, она сказала только: «Что, снова?»

Они живут тут уже пять лет. Герду нравится страна, нравятся снежные зимы, красоты других времен года, ему нравятся люди, взаимопомощь, которая позволяет выживать здесь, в глуши, где нет ничего, кроме нескольких деревень. Ненавидит ментальность провинциальных бюрократов, которые размахивают своей печатью для документов, как скипетром. Здесь надо потратить много времени, чтобы что-то создать. Ранчо его мечты должно стоять в другом месте. Это не идет у него из головы.

Мы уверены, у него получится. А вот его родственники в Германии в этом не уверены. Они не представляют, как выглядит жизнь на Урале. Да и каким образом? Россия находится вне пределов их воображения, но Герд на Урале – это человек за семью печатями. Это провинция, помноженная на два, одна окружена родными границами, а другая – открыта, как небо над нашей головой.

Мы отправляемся в путь. Идем слегка в горку по узенькой тропинке по светлому смешанному лесу с высокими деревьями, мимо большой поляны. Мы тут не одни, но людей немного, и можно насладиться природой в ее многообразии. Застенчивая студентка пытается назвать представителей флоры и фауны, но при попытках перевести названия живого мира на немецкий или английский выясняется, что и наш русский терпит крах в терминологии биологических понятий.

Раз не получается узнать что-то новое, мы отдаемся созерцанию прелестей этого буколического ландшафта. Скорее всего, тем финно-угорским охотникам и их семьям, которые здесь когда-то жили, тут нравилось. Лес, луга, холмы, пещеры и скалы. Мы спускаемся вниз и поднимаемся по лестнице наверх, на утес. Тут сделаны подвесные мосты. С горки течет ручеек с чистой водой.

Природа, создавшую эту долину не только для хоббитов, кажется доброжелательной по отношению к человеку. Нам не надо на край света. Но и здесь двигались мифическое время и время на-

стоящее. Триста миллионов лет назад (эту фразу нам удалось перевести) на этом месте еще было море. Рисунки на утесах, конечно, не такие старые. Фетиши для охоты были нарисованы здесь за тысячу лет до нас, и один из них – изображение оленя – дал поэтическое название всем парку: «Оленьи Ручьи». Скалы, покореженные временем, тоже имеют свои имена: «Утопленник», «Лягушка» и просто «Дыроватый камень». В самой нижней точке долины, где неспешно катит свои воды речка Серга, совсем как юная Москва река задолго до того, как она попадает в столицу, шведская художница установила скульптуру ангела, покрытого позолотой.

Это один из семи ангелов-хранителей, которые были установлены в одно и то же время, 17 сентября 2005 года в 12 часов местного времени, в Австралии, Канаде, Перу, Мали, Вануату в Тихом Океане, на Гавайях и здесь, на Урале. Наша общая надежда на мир без войны и террора. Можно спорить о художественной ценности скульптуры. Противоположность искусству хорошо известна, об этом знал дерзновенный Готфрид Бенн, но местный дух гор с доверием и симпатией приемлет охранных ангелов и другие шаманские практики.

К вечеру мы выбираемся из долины и возвращаемся в Екатеринбург. Мы невольно обманули Герхарда с ужином, хотя и ненамеренно, но очень жаль. Он великодушно простил нас, отвечая на пожелания хорошего нового года, и дал нам отсрочку по оплате. До следующего раза.

Об авторах

Гудрун Вольф (1945 г. р.) изучала славистику, восточноевропейскую историю и историю искусств в университетах Тюбингена и Вены. Преподавала в гимназии историю, искусство, русский язык. Основательница и многолетний председатель «Общества по развитию германо-российских отношений Мюнстер/Мюнстерланд», многолетний заместитель председателя «Федерального союза немецких обществ Запад-Восток». Организатор информационных мероприятий о политике, экономике и обществе современной России, публичных чтений с авторами из России, Грузии, Украины, концертов российских бардов и рок-музыкантов, выставок российских художников. С 1999 по 2013 годы руководитель проекта по созданию и работе «Гендерного центра Рязань». Совместно с Карлом Вольфом основательница и куратор Дней российского кино в Мюнстере. В рамках Гражданского форума ЕС-Россия участвовала как автор в разработке концепции и создании выставки «Разные войны. Национальные школьные учебники о Второй мировой войне»⁵⁴. Автор книги «Женщины в Грузии. Рассказанная Жизнь. Интервью» (2009), соавтор книги «Путешествие в восточную страну будущего. Татарстан между Москвой и Сингапуром» (2016).

Карл Вольф (1943 г. р.) Родился в Силезии. После детства и юности в Тюрингии покинул ГДР в 1961 году. Переехав в ФРГ, изучал славистику, германистику, философию в Марбурге и Тюбингене. С 1975 по 1995 – учитель гимназии. Организатор выставок и гастролей российских художников и музыкантов. В 1988 г основал «Германо-российское общество Мюнстера». Член Союза немецких писателей и европейского объединения авторов Die KOGGE. Пишет стихи, книги путешествий, переводит русскую поэзию и прозу (в том числе перевёл сборник стихов Олега Митяева). Участник и лауреат международных выставок в Москве и Санкт-Петербурге. Заслуги Карла Вольфа неоднократно отмечались – его проекты были отмечены среди лучших на Шестом фестивале экспериментального искусства в Санкт-Петербурге в 2006 и в 2008 годах. Он получил литературную премию «Муза» в Тбилиси (2007 год), учрежденную Министерством образования и науки Грузии. Среди многочисленных публикаций: «Из Тифлиса в Тбилиси. Путешествие к истокам ностальгии» (2009), «Все туман или что? Стихи из Абсурдистана» (2010), «Скрёжет снега под сапогами. Стихи» (2013), «Путешествие в восточную страну будущего. Татарстан между Москвой и Сингапуром» (2016).

⁵⁴ На русском языке эта выставка была открыта в Москве в 2016 году и в том же году показывалась в Екатеринбурге. См.: <https://eu-russia-csf.org/ru/project/raznie-voini/>

Литературно-художественное издание

Гудрун Вольф, Карл Вольф

ПОСРЕДИНЕ СТРАНЫ:
ЕКАТЕРИНБУРГ – СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Перевод с немецкого Марии Гузиковой

Руководитель издательского проекта *А. В. Подчиненов*

Редактор перевода *С. Е. Вершинин*

Редактор *Я. С. Тагильская*

Корректор *Ф. Д. Сторонняя*

Компьютерная верстка и дизайн *А. Ю. Матвеев*

Подписано в печать 19.01.2021. Формат 84х108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times».

Уч.-изд. л. 6,62. Усл. печ. л. 6,75.

Тираж 100 экз. Заказ № 3.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

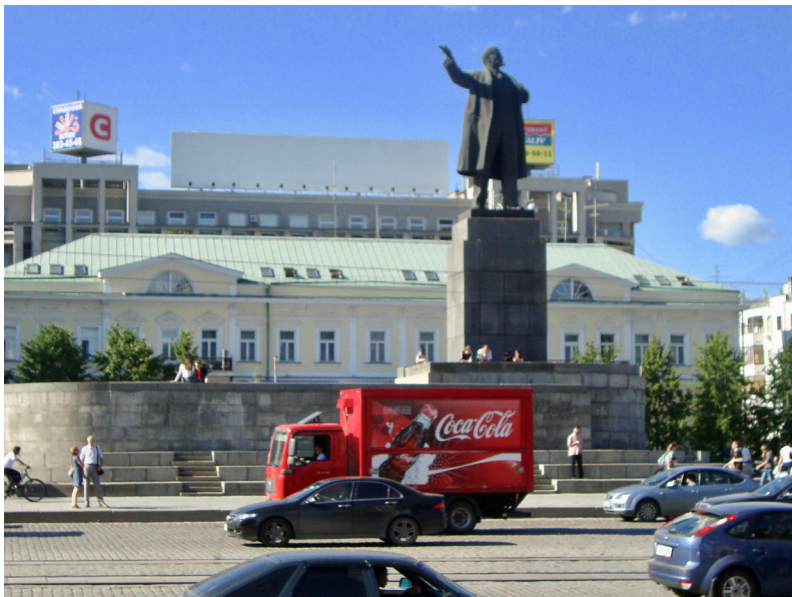
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350–56–64, 358–93–22
Факс: +7 (343) 358–93–06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Отель «Хаятт». К главе «Екатеринбург как лаборатория второй модерности»

ТЦ «Гринвич». К главе «Разноцветное многообразие»

Ленин и Coca Cola. К главе «Разноцветное многообразие»

Уличный джаз-банд. К главе «Разноцветное многообразие»

Стрит-арт. К главе «Разноцветное многообразие»

Ресторан «СССР». К главе «Разноцветное многообразие»

Храм на Крови. К главе «Храм на Крови Санкт–Екатеринбурга»

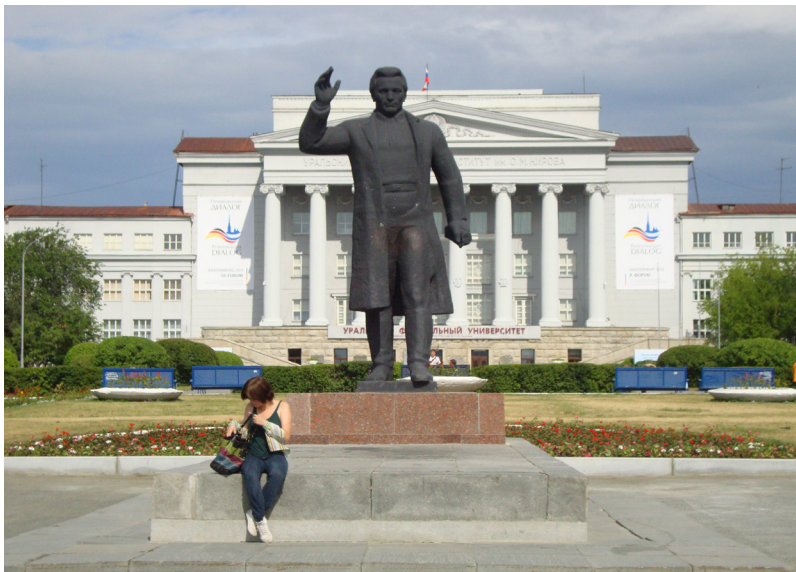
Алиса Прудникова. К главе «Екатеринбург как культурная площадка»

Гостиница «Исеть». К главе «Конструкты и конструктивизм»

Н. Коляда, Г. Вольф, Т. Круглова. К главе «Николай Коляда»

Здание Уральского университета и памятник С. М. Кирову.
К главе «Столица образования Уральского региона»

Заслуженный народный дворник Букашкин

Полина Окулова. К главе «Самореализация как шанс»

Валентина Андреевна Дюкова

Марина Чеботаева

Марина Владимировна Халидова

Памятник Петру I и Никите Демидову.
К главе «Император и пушечный король. В Невьянске»

Металлургический завод-музей им. Куйбышева.
К главе «Слой за слоем. Нижний Тагил»

С. Вершинин, Г. Вольф, В. Мозолин, К. Вольф на Лисьей горе.
К главе «Слой за слоем. Нижний Тагил»

Г. и К. Вольфы на границе Европы и Азии.
К главе «Один день в долине хоббитов»

Оленьи ручьи. К главе «Один день в долине хоббитов»

Гудрун Вольф изучала славистику, восточноевропейскую историю и историю искусств в университетах Тюбингена и Вены. Преподавала в гимназии историю, искусство, русский язык. Основательница и многолетний председатель «Общества по развитию германо-российских отношений Мюнстер / Мюнстерланд». Совместно с Карлом Вольфом основательница и куратор Дней российского кино в Мюнстере. Автор книги «Женщины в Грузии. Рассказанная Жизнь. Интервью» (2009), соавтор книги «Путешествие в восточную страну будущего. Татарстан между Москвой и Сингапуром» (2016).

Карл Вольф родился в Силезии. Изучал славистику, германистику, философию в Марбурге и Тюбингене. Преподавал в гимназии. Член Союза немецких писателей и европейского объединения авторов Die KOGGE. Пишет стихи, книги путешествий, переводит русскую поэзию и прозу (в том числе перевёл сборник стихов Олега Митяева). Среди многочисленных публикаций: «Из Тифлиса в Тбилиси. Путешествие к истокам ностальгии» (2009), «Все туман или что? Стихи из Абсурдистана» (2010), «Скрёжет снега под сапогами. Стихи» (2013), «Путешествие в восточную страну будущего. Татарстан между Москвой и Сингапуром» (2016).